

ВОЕННЫЕ

1942

МЕМУАРЫ

1943

Маршал Советского Союза

А.И. Ерёмченко

СТАЛИНГРАД

Военные мемуары (Вече)

Андрей Ерёменко

Сталинград

«ВЕЧЕ»

1961

Ерёменко А. И.

Сталинград / А. И. Ерёменко — «ВЕЧЕ», 1961 — (Военные мемуары (Вече))

ISBN 978-5-4484-8480-3

В своей книге командующий Сталинградским фронтом А.И. Еременко рассказывает о Сталинградской битве, о героизме солдат и командиров Красной армии, не отдавших город на Волге врагу.

ISBN 978-5-4484-8480-3

© Ерёменко А. И., 1961

© ВЕЧЕ, 1961

Содержание

К читателю	6
От составителя	7
От автора	8
Введение	9
Часть первая	25
Глава I	25
Глава II	37
Глава III	50
Глава IV	60
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Андрей Иванович Ерёмко

Сталинград

Участникам великой битвы под Сталинградом посвящается

Участникам великой битвы под Сталинградом в знак глубокого уважения посвящает свой труд автор

© Ерёмко Т.А., составление, 2020
© Ерёмко А.И., наследники, 2020
© ООО «Издательство «Вече», 2020
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020
Сайт издательства www.veche.ru

К читателю

При подготовке к публикации книги «Сталинград» – второй книги из своего историко-мемуарного цикла о Великой Отечественной войне (первая и третья называются соответственно «В начале войны» и «Годы возмездия») – мой отец написал небольшое «Обращение к читателю», которое казалось ему крайне важным, однако при первоначальном издании (в 1961 г.) было изъято и в последующих переизданиях не возобновлялось.

Считаю необходимым вернуться к намерению отца и поместить здесь (частично) упомянутое «Обращение»:

«Я считаю себя самым счастливым человеком в мире, так как был удостоен большой чести и доверия партии, правительства и Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, получив назначение непосредственно руководить войсками в ходе Сталинградского сражения в качестве командующего одновременно Юго-Восточным и Сталинградским фронтами в оборонительный период битвы и в качестве командующего Сталинградским фронтом в период контрнаступления.

Я прошу дорогих читателей не упрекать меня в нескромности за то, как я говорю об этих счастливых для меня, но очень тяжелых для Сталинграда сталинградских днях.

Все, что я предполагаю написать в данной книге, – это живая, неприукрашенная история, которую должен знать народ.

Хотелось бы сделать специальное замечание относительно стиля изложения событий на Сталинградском фронте. То, как я рассказываю о ходе событий, не имеет своей целью подчеркивания моей какой-то особой роли. Моя роль определялась функциями командующего фронтом, и, если судить по результатам, эти функции я выполнил добросовестно, с полной ответственностью перед Родиной в переломный момент ее истории.

Всем известно, что победу на войне куют люди – бойцы, командиры, полки, дивизии, армии. Конечно, не последнюю роль в победе играет и командующий фронтом. За ним остается обязанность умело и твердо руководить войсками, направлять их усилия для победы над врагом, морально и материально поддерживать войска и обеспечивать их всем для боя.

Здесь следует внести ясность в термины: “я решил”, “я приказал” и т. п. На войне командир любого ранга, в том числе и командующий фронтом, по долгу службы обязан лично принимать решения на бой или операцию, отдавать приказы, в которых ставит войскам боевые задачи. Отданный приказ, письменный или устный, приобретает силу закона. Невыполнение приказа в боевой обстановке рассматривается как тяжкое преступление и карается строго, вплоть до применения высшей меры наказания.

Во время войны, да и в мирное время командование и управление войсками осуществляется через директивы, приказы, приказания и другие распоряжения, и поэтому просто невозможно избежать терминов “я приказал”, “я отдал приказ”, “я принял решение”, “я распорядился” и т. д. Каждый день приходится принимать уйму распоряжений и отдавать столько же приказов и приказаний. В этом есть большой смысл мобильного управления и твердого руководства войсками.

Если нам, пишущим мемуары, не говорить об этом, значит, не сказать главного, что лежит в основе боевых действий, и тогда можно подумать, что войска никем не управлялись, что в армии царили самотек и анархия, в то время как на самом деле в нашей армии были железная дисциплина и порядок.

А. ЕРЕМЕНКО».

От составителя

Бесконечная благодарность и низкий поклон моей маме, Нине Ивановне Еременко; она на протяжении многих лет бережно хранила архивы отца. Благодаря этому мы теперь можем познакомиться не только с парадной, но и с другой стороной войны. Перед Вами, уважаемый читатель, первоначальный, полный, оригинальный вариант книги, расширенной за счет тех фактов, которые в связи с особыми политическими и идеологическими обстоятельствами того времени (начало – середина 60-х годов) не было возможности опубликовать.

Кроме этого, в книгу внесена правка, сделанная Андреем Ивановичем позже, в конце 60-х годов, когда он задумал переработать свой труд с учетом использования новых материалов и исправить отдельные замечания, появившиеся в тексте помимо его воли. Обновленную книгу отец предполагал назвать «Великая Сталинградская битва». Он понимал, что обязан со всей ответственностью написать правдивую повесть о Сталинградской битве, рассказать о ней так, как она того заслуживает, восполняя все недосказанное и убирая все неистинное. Воениздат поддержал идею, работа над темой уже была начата, но, к сожалению, не хватило времени.

19 ноября 1970 года А.И. Еременко ушел из жизни.

Меня всегда поражало то, что волею судьбы отец умер в день контрастступления. Это совпадение как бы лишний раз подтвердило, что Сталинградская битва стала для него главным и высшим достижением жизни. И то, что день смерти пришелся именно на 19 ноября, показывает, что в этот день 64 года назад он выполнил свой долг перед Историей и в этот же день спустя 28 лет он подвел итоги своего жизненного пути.

Уверена, что воспоминания такого военного профессионала, полководца, командующего многими фронтами, каким был Маршал Советского Союза А.И. Еременко, восполнят недостающие страницы в исторической летописи о Великой Отечественной войне.

ТАТЬЯНА ЕРЕМЕНКО

От автора

Книга «Сталинград» охватывает в основном действия войск Юго-Восточного и Сталинградского фронтов в период Сталинградской битвы. Чтобы читатель имел более широкую общую картину событий того периода, даются кратко сведения о действиях соседних фронтов. Эта краткость ни в коей мере не должна умалить значительный вклад в общее дело победы воинов этих фронтов. Фотоиллюстрации также даются главным образом по двум фронтам, которыми автор командовал.

Книга создана главным образом на основе личных воспоминаний. При ее написании использованы архивные материалы, военно-исторические труды отечественных и зарубежных авторов, фронтовая печать.

Отдельные участники битвы по просьбе автора любезно предоставили в его распоряжение имевшиеся у них материалы. В связи с этим автор приносит сердечную благодарность: Маршалу Советского Союза К.С. Москаленко, генералу армии Ф.И. Голикову, генерал-полковнику М.С. Шумилу, маршалу авиации Н.С. Скрипко, генерал-лейтенанту авиации Н.Г. Селезневу, генерал-лейтенанту Н.П. Анисимову, генерал-майору Е.А. Райнину.

Искренняя признательность выражается майору В.К. Печоркину за большую помощь в обработке материалов и подготовке рукописи к печати, полковнику Ф.В. Орлову, который помог автору восстановить в памяти многие детали боевой жизни и принял участие в обработке некоторых материалов, а также полковнику В.С. Петрухину за помощь при изготовлении схем и В.А. Дружкову за подготовку фотографий.

Введение

Чем дальше от наших дней отодвигаются события минувшей Великой Отечественной войны, тем зримее становится их непреходящее историческое значение, тем нагляднее вырисовывается величие нашей победы, оказавшей громадное воздействие на ход мировой истории, тем ярче проявляется величие и значение бессмертного подвига советского народа, спасшего миллионы и миллионы людей Европы и Азии от угрозы фашистского порабощения.

Великая Отечественная война перед всем миром продемонстрировала несокрушимое могущество нашего социалистического государства, мудрость и дальновидность ленинской политики Коммунистической партии, единство и выдержку советского народа.

Разгромив наголову фашистских захватчиков, сокрушив самую мощную по тому времени армию капиталистического мира, советский народ и его Вооруженные Силы покрыли себя неувядаемой славой. Ведь действительно в истории не было еще завоевателя, который обладал бы такой чудовищной военной машиной, предназначенной для завоевания мирового господства, какую создала гитлеровская Германия. До ее нападения на СССР гитлеровцы, как известно, оккупировали чуть ли не всю Западную Европу. В капиталистическом мире не нашлось силы, способной остановить фашистскую агрессию. Это оказалось по плечу Советской армии. Потому-то заслуги нашего народа перед человечеством в этой войне являются предметом законной гордости советских людей.

Вооруженная борьба советского народа против германского фашизма вылилась в ряд битв и крупных сражений. В цепи этих битв и сражений выдающееся историческое место принадлежит битве под Сталинградом.

Сталинградская битва явилась поворотом в ходе великой борьбы всего прогрессивного человечества против смертельной угрозы фашистского варварства.

Как заря предвещает окончание ночи, так и величественная победа нашего народа в битве под Сталинградом предвещала конец гитлеровской тирании, приближение полной победы над ненавистным врагом.

В Сталинградской эпопее с необычайной силой проявились высокие, благородные качества советского народа и его героической армии: горячий советский патриотизм, преданность делу Коммунистической партии, боевое содружество воинов всех национальностей, негибаемое мужество и самоотверженность, непреклонная стойкость в обороне и дерзостная доблесть в наступлении, нерушимая связь и взаимопомощь фронта и тыла, солдат и тружеников заводов и полей.

В героике сталинградских сражений особенно зримо проявилась руководящая, направляющая и вдохновляющая сила великой партии коммунистов – носительницы бессмертных ленинских идей.

В предлагаемой вниманию читателя книге автор стремился показать боевые дела воинов-сталинградцев – солдат, офицеров и генералов, которые без остатка отдавали свои знания, умение, энергию, волю, свою кровь и даже саму жизнь делу победы над врагом, делу освобождения священной земли нашего социалистического Отечества. Битва под Сталинградом, несомненно, останется самой неизгладимой страницей в жизни каждого ее участника, страницей, которая оставила множество самых ярких, глубоких впечатлений, потребовала напряжения всех моральных и физических сил, укрепила высокую гордость за наших советских людей, безыменных и скромных героев, отдававших делу защиты города, а затем и разгрома врага у стен его все силы души и разума. Битва под Сталинградом – это действительно золотая страница военной истории нашего народа.

Мне хочется подчеркнуть здесь, что битва под Сталинградом явилась самой неизгладимой страницей в моей собственной жизни, со множеством самых ярких впечатлений, тяже-

лых раздумий, но еще больше радостной гордости за наших советских людей, безымянных и скромных героев, которым мир обязан своим спасением. Я расцениваю свое пребывание под Сталинградом как своеобразный экзамен перед народом и партией за право носить высокое звание советского военачальника.

Многое написано об этой битве, многое хранится в памяти ее участников и еще не нашло отражения в нашей военной литературе. Как непосредственный участник этой битвы, который отдавал делу обороны города, а затем разгрому врага у его стен все силы души и разума, считаю долгом поделиться своими воспоминаниями о ней с нашими читателями, в меру своих возможностей рассказать им о знаменательных событиях и славных людях суровых дней Сталинградского сражения, наконец, высказать свое мнение по ряду военно-теоретических вопросов. Эти теоретические суждения находятся на уровне минувшей войны, и их нельзя было не коснуться при изложении событий того или иного периода.

Прежде чем приступить к непосредственному рассказу о битве, я позволю себе очень коротко отметить те изменения в обстановке на советско-германском фронте, которые произошли в связи со Сталинградской битвой, а также некоторые аспекты ее оценки.

В тот период наиболее развитые во всех отношениях области Восточного полушария с огромными сырьевыми ресурсами, высокоразвитой промышленностью и сельским хозяйством находились в руках германских монополистов и их союзников. Огнем и мечом они насаждали здесь «новый порядок», при котором все ставилось на службу войне. Освободительное движение в поработанных странах в то время не приобрело еще сколько-нибудь значительного размаха. Как чудовищный спрут на теле Европы, разбух в этот период фашизм, высасывая соки с огромных пространств – от донских степей на востоке до Бискайского залива на западе и от Баренцева моря на севере до Средиземноморского побережья Северной Африки на юге. Одновременно огромные территории в Азии были захвачены партнером фашистской Германии – Японией. Инициатива в ведении боевых действий на Дальневосточном театре, несмотря на то что США и Англия уделяли ему почти все внимание, находилась в руках их противника. Империалистическая Япония выжидала удобного момента, чтобы нанести удар в спину советскому народу, ведущему единоборство с гитлеровским рейхом¹.

Однако после летне-осенней кампании 1941 г. и последующего поражения фашистских войск на советско-германском фронте в результате советского контрнаступления под Москвой правящей верхушке гитлеровской Германии стало ясно, что взлелеянный ею план «молниеносной» войны против Советского Союза окончательно провалился и что вместо скорой победы на Востоке Германия стала перед необходимостью вести затяжную войну со всеми ее последствиями. Для успешного ведения длительной войны гитлеровские стратеги считали необходимым прежде всего дальнейшее увеличение сырьевых ресурсов, а значит, и захват важнейших районов нашей страны, богатых стратегическим сырьем (фашистская Германия терпела острую нужду в горючем²). Такими районами, по их мнению, являлись Советское Закавказье с его нефтяными месторождениями и богатейшие сельскохозяйственные районы юга, в том числе Дон, Кубань, Северный Кавказ. В перспективе гитлеровская верхушка рассчитывала при этом втянуть в войну против Советского Союза Турцию и развязать боевые действия на Ближнем Востоке. При успешном развитии этих операций предполагалось начать наступление на

---

¹ Открытая подготовка Японии к нападению на СССР заставляла советское правительство, несмотря на исключительно тяжелую военную обстановку на советско-германском фронте, держать крупные сухопутные, морские и военно-воздушные силы на Дальнем Востоке.

² В показаниях Паулюса Международному военному трибуналу 11 февраля 1946 года говорится: «1 июня 1942 г. на совещании командующих армейской группировки “Юг” в районе Полтавы Гитлер заявил, что если он не получит нефть Майкопа и Грозного, то он должен будет покончить с этой войной» (Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. I. М.: Изд-во юридической литературы, 1945. С. 378).

восточном направлении с целью разгрома центральной группировки наших войск и захвата важнейших центров в этом районе.

Существовавшая у нас прежняя трактовка планов гитлеровского командования на лето 1942 года в том смысле, что захватом Сталинграда Гитлер намеревался обойти Москву с юго-востока, является необоснованной. Однако это ни в коей мере не умаляет значения борьбы под Сталинградом, здесь Советская армия похоронила план врага по захвату материальных ресурсов юга, уничтожила его отборную ударную группировку и навсегда лишила способности к серьезным наступательным действиям.

Говоря о предшествующих Сталинграду событиях, кратко коснусь неудач, постигших нас весной 1942 года.

Как известно, 8 мая противник перешел в наступление на Керченском полуострове. Основной удар, нанесенный силами трех пехотных и трех танковых дивизий, поддержанный морским десантом, привел к прорыву фронта. 19 мая организованное сопротивление наших войск в этом районе прекратилось. Захват Керченского полуострова позволил противнику перебросить главные силы 11-й армии (командующий генерал Манштейн) в район Севастополя, что предрешило падение этого важнейшего стратегического пункта. (Севастополь был оставлен 3 июля.)

Одновременно с действиями в Крыму развернулись и события под Харьковом. На харьковском направлении Ставка Верховного Главнокомандования запланировала наступательную операцию войск Юго-Западного фронта. Целью операции ставился разгром харьковской группировки противника и овладение важнейшим промышленным центром Украины – Харьковом. В последующем намечалось нанесением ударов в направлениях Днепропетровск и Синельниково лишить противника важнейших переправ на Днестре.

Успешное проведение наступательной операции на харьковском направлении должно было сорвать готовящееся наступление противника на южном крыле советско-германского фронта.

Наступление наших войск на харьковском направлении началось 12 мая. Но уже 17 мая танковая группировка противника под командованием генерала Клейста нанесла сильный удар по войскам правого крыла Южного фронта. Вскоре наша оборона здесь была прорвана, противник захватил Барвенково и в последующем нанес крупное поражение нашим войскам.

В результате поражения советских войск на Керченском полуострове и под Харьковом противник добился изменения соотношения сил и средств в свою пользу. Советские войска вынуждены были перейти к оборонительным действиям, а немецко-фашистские войска вскоре – в конце июня 1942 года – начали крупные наступательные операции на южном крыле советско-германского фронта.

Для проведения этих операций противник ввел в действие большие силы. Так, если на 1 мая 1942 года из общего количества 227 дивизий, которые враг имел на советско-германском фронте, в группе армий «Юг» находились 74 дивизии и одна бригада, или около одной трети всех сил, то в дальнейшем упорная борьба Советской армии вынуждала врага подтягивать на южное крыло все новые и новые силы. К началу августа количество вражеских дивизий, действовавших против Советской армии, уже возрастает до 242 дивизий, из них 101 дивизия (более 40 %) сосредоточивается на южном крыле фронта (на воронежском, сталинградском и кавказском направлениях). К началу же ноября 1942 года количество дивизий противника достигает 266, из которых южное крыло советско-германского фронта поглощает 111 дивизий. Таким образом, если за полгода напряженной борьбы общее количество вражеских войск на советско-германском фронте увеличилось на 40 дивизий (или на 17 %), то за то же время группировка противника (группы армий «Б» и «А»), действовавшая на южном крыле фронта, увеличилась на 36 дивизий, или на 48 %. Эти данные наглядно показывают, что летом и осе-

нию 1942 года значительная часть стратегических резервов противника направлялась на южное крыло советско-германского фронта.

Планируя летнюю кампанию 1942 года, гитлеровское командование ставило перед своими вооруженными силами далекоидущие политические и стратегические цели³. Захват Сталинграда являлся первым этапом в осуществлении этих целей и должен был послужить сигналом для нападения Японии на наши дальневосточные границы, а Турции – на южные. Для гитлеровцев овладение Сталинградом должно было послужить своеобразным доказательством их военно-политической кредитоспособности. Нетрудно представить себе, какую опасность для нас представляло в то время ведение войны одновременно на двух или даже трех театрах военных действий. Победа под Сталинградом избавила нашу страну от этой смертельной опасности.

Победа Советской армии под Сталинградом способствовала подъему национально-освободительной борьбы во всех поработанных гитлеровцами странах Европы, особенно в Югославии, Болгарии, Греции и Франции, усилению национально-освободительного движения народов Востока. Народы поняли, что заложен фундамент общей победы над врагом.

Огромный подъем охватил, естественно, и наших советских людей как на фронте, так и в тылу. Победа под Сталинградом была воспринята ими как начало массового изгнания захватчиков из пределов нашей страны.

Разгром огромной вражеской армии (330 тысяч окруженных войск плюс те силы, которые были выведены из строя в период оборонительного сражения и контрнаступления) не мог не сказаться на моральном состоянии как личного состава немецко-фашистской армии, так и всего населения гитлеровской Германии. Немцы все больше стали понимать, что гитлеровский режим ведет страну к катастрофе. Даже Гитлер понял масштабы своего поражения, объявив траур по всей «империи». Действительно, фашистская армия, потерпев поражение в этом генеральном по плану фюрера сражении, понесла колоссальные потери: около миллиона людей, свыше 2000 самолетов, около 3000 танков, более 6000 орудий.

После Сталинграда начался процесс распада гитлеровской коалиции. Поражение итальянских войск на советско-германском фронте ускорило затем выход из войны Италии – крупнейшей в Европе союзницы Германии. Разгром румынских соединений в этом сражении был причиной начала внутривосточного кризиса в этой стране. Основательно поколебался также германский престиж в Венгрии и Финляндии, не говоря уже о Болгарии.

Вот как характеризует последствия Сталинградской битвы генерал-майор фон Бутлар в своей статье «Война с Россией»:

«Уничтожение 6-й немецкой армии под Сталинградом, разгром союзных армий на Дону вместе с огромными потерями в живой силе и в технике на Кавказе и в большой излучине Дона отрицательно сказались не только на боеспособности немецких и союзных войск, но и на настроении народов Германии, Италии, Венгрии и Румынии. У русских же итоги этих боев вызвали огромный подъем, что привело к усилению их экономики, к росту и укреплению их вооруженных сил, к еще большей смелости и гибкости их оперативных планов и, наконец, к укреплению морального духа всего советского народа»⁴.

Все эти факторы политического и военно-стратегического характера позволяют нам уверенно говорить о Сталинградской битве как о коренном переломе в ходе Второй мировой войны, так как совершенно очевидно, что решающим ее исход фронтом был советско-германский фронт.

Сталинградское сражение было действительно грандиозно по своим масштабам: оно длилось шесть с половиной месяцев, если считать с момента развертывания войск Сталинград-

---

³ Подробно планы гитлеровцев на лето 1942 года рассматриваются в главе I.

⁴ Мировая война 1939–1945 гг. Сб. статей. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 208.

ского фронта на дальних подступах к Сталинграду и до окончательного уничтожения окруженной сталинградской группировки противника.

Боевые действия на сталинградском направлении охватывали площадь свыше 100 тысяч квадратных километров, а протяженность линии фронта колебалась в пределах от 400 до 850 километров. Немецко-фашистское командование сосредоточило здесь крупные силы, отлично вооруженные новейшей по тому времени боевой техникой. Так, к 19 ноября, т. е. к началу контрнаступления, силы немецко-фашистских войск под Сталинградом достигли 658 тысяч, а наши войска насчитывали 581 тысячу. С обеих сторон в это время в боях участвовало более 2100 танков и 2300 самолетов.

Противостоявшие им войска Советской армии к осени 1942 года все в большем масштабе стали получать танки, самолеты, артиллерию, минометы и другое вооружение.

Все перечисленное позволило советскому народу, его друзьям за рубежом, всему прогрессивному человечеству оценить Сталинградскую битву как решительный поворот в ходе Великой Отечественной войны и всей Второй мировой войны в целом, как окончательный переход инициативы в руки Советской армии.

Михаил Иванович Калинин, характеризуя итоги 1942 года в своей новогодней речи 1 января 1943 года, т. е. когда Сталинградская битва еще далеко не закончилась, говорил:

«Немецкая армия в ходе военных действий понесла такие потери, от которых ее наступательная сила иссякла...»

В то же время Красная Армия готовила силы для ответных ударов по вражеским войскам.

Все это... привело к тому, что инициатива... перешла в руки нашего командования, которое не замедлило ею воспользоваться в полной мере.

Удар... под Владикавказом, наше контрнаступление в районе Сталинграда, в результате которого немцам были нанесены жестокие удары, развертывающееся наступление в районе среднего течения Дона и на Северном Кавказе изменяют положение на всем советско-германском фронте в нашу пользу».

Известно, однако, что буржуазные фальсификаторы истории оспаривают значение Сталинграда, считая, что «поворотом судьбы»⁵ во Второй мировой войне является якобы победа англичан над армией Роммеля в Африке. Наиболее солидным приверженцем этой версии является бывший британский премьер Уинстон Черчилль.

Однако в своих воспоминаниях он сам же опровергает эту версию. Известно, что Черчилль посетил Советский Союз в августе 1942 года. Его миссия состояла из двух не очень приятных обязанностей: во-первых, сообщить советскому правительству, что в 1942 году второй фронт открыт не будет, а во-вторых, выяснить, продержится ли Россия до зимы при этом условии. Причем никакого вывода о возможностях нашей страны он так и не сделал, по-видимому, он продолжал сомневаться.

Тем примечательнее в этой связи высказывания Черчилля о Сталинградской битве после ее окончания:

«Мы должны теперь перейти к гигантской драме, развертывавшейся вокруг Сталинграда. Как уже указывалось, 6-я германская армия Паулюса была зажата в русские клещи и окружена в результате ноябрьских боев. Настойчивые попытки Манштейна пробиться в декабре с юго-запада через русский заслон и оказать помощь осажденному гарнизону потерпели неудачу. Он проник за линию русского фронта на глубину 40 миль, но там он был остановлен – все еще в 50 милях от Сталинграда. Новое русское наступление с севера угрожало его флангу и заставило его отступить, причем вместе с ним отступил весь немецкий южный фронт, включая и кавказский, и это отступление остановилось, лишь когда немцы отошли за Ростов-на-Дону...»

---

⁵ Выражение Черчилля.

Теперь у Паулюса уже не было никакой надежды на дальнейшую помощь. Прилагались всеческие усилия снабжать его воздушным путем, но попадало к немцам очень мало, притом ценой огромных потерь в самолетах. Стояли сильные морозы; продовольствия и боеприпасов не хватало, и ужасное положение его солдат еще более усугублялось вспышкой тифа...

Паулюс и его штаб были взяты в плен 31 января, а 2 февраля... всякое сопротивление прекратилось, было захвачено 90 тысяч пленных. Это все, что осталось от двадцати одной немецкой дивизии и одной румынской дивизии. Эта страшная для немцев катастрофа положила конец ярим попыткам Гитлера завоевать Россию силой оружия и уничтожить коммунизм...»

Эти слова ясно говорят о том, что британский премьер отдавал себе полный отчет о том, когда же в действительности совершился «поворот судьбы» во Второй мировой войне.

В самом деле, если с разгромом гитлеровских войск под Сталинградом рухнули надежды фашизма на завоевание нашей страны, что было главной его целью, для осуществления которой были израсходованы основные ресурсы гитлеровской империи, то очевидно, что момент, когда эти надежды и планы рухнули, явился переломным моментом во всей войне.

Ведь в Африке действовала и потерпела поражение, по существу, одна армия, а под Сталинградом было разгромлено, по самым скромным подсчетам, две лучших германских армии и полдесятка армий сателлитов, имея в виду лишь непосредственные результаты Сталинградской битвы без последовавшего за ней общего наступления наших войск.

Весьма характерно, что битые и небитые под Сталинградом гитлеровские генералы скрепя сердце вынуждены признать огромное значение Сталинградской битвы. Так, генерал Ганс Дёрр в своей книге «Поход на Сталинград», являющейся, пожалуй, наиболее пространственным описанием битвы во всей западной военно-исторической литературе, пишет:

«...В 1942 г. Сталинград стал поворотным пунктом во Второй мировой войне. Для Германии Сталинград был самым тяжелым поражением в ее истории, для России величайшей победой. Под Полтавой Россия завоевала свое место как европейская великая держава. Под Сталинградом было положено начало ее восхождения на место одной из двух мировых держав»⁶.

Можно, конечно, оспаривать детали этого высказывания, однако ясно, что даже наши явные враги, если они достаточно объективно взвешивают исторические факты, вынуждены признать главное и основное влияние Сталинграда на исход Второй мировой войны.

Другой, еще более известный гитлеровский генерал, Гейнц Гудериан, в статье «Опыт войны с Россией» пишет: «Итак, летняя кампания 1942 года закончилась для немецкой армии тяжелым поражением. С этого времени немецкие войска на Востоке навсегда перестали наступать».

Таким образом, не подлежит каким-нибудь сомнениям, что именно в результате победы под Сталинградом наша армия захватила в свои руки инициативу боевых действий и перешла в общее наступление на огромном фронте – от предгорий Большого Кавказского хребта на юге до подступов к Ленинграду на севере. Началось интенсивное освобождение оккупированных врагом областей нашей Родины.

Сталинградское сражение дает богатейший материал для изучения опыта организации и ведения операций в условиях, которые были характерны для прошлой войны. Основные ударные группировки, использовавшиеся для развития успеха и для вторжения на большую глубину, как с той, так к с другой стороны, состояли преимущественно из танковых и механизированных соединений, а все боевые действия характеризовались маневренными, подвижными формами. Наша доктрина глубоких ударов, впервые примененная на практике, полностью себя оправдала.

---

⁶ Дёрр Г. Поход на Сталинград. Дармштадт: Изд-во «Е.С. Миллер и сын», 1955.

Лучшим подспорьем для научного анализа сражения и характеристики его масштабов, несомненно, может быть исторически правильная его периодизация. По этому поводу нельзя не высказать некоторых соображений. Это тем более, к сожалению, необходимо, что в нашей военно-исторической литературе о великой битве нет еще единства в этом вопросе.

Историческую битву под Сталинградом обычно подразделяют на два крупных периода: оборонительный (с 17 июля по 18 ноября 1942 года) и наступательный (с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года). Установление таких двух крупных периодов каких-либо возражений не вызывает, так как каждому из них действительно присущи свои специфические черты. Однако нельзя эти периоды разрывать: оба периода неразрывно связаны между собой. Кроме того, каждый из этих периодов как по содержанию, так и по продолжительности, в свою очередь, требует деления его на промежуточные этапы. Каждый этап представляет собой либо законченную операцию, либо даже несколько взаимосвязанных операций. По нашему мнению, деление периодов Сталинградской битвы на этапы имеет своей целью так показать основные боевые события, чтобы, с одной стороны, полнее и точнее выразить особенности в действиях войск и командования, а с другой стороны, дать возможность советским читателям глубже изучить эту битву.

В нашей же военно-исторической литературе не всегда обоснованно и убедительно определяются этапы оборонительного периода Сталинградской битвы.

Нельзя, например, согласиться с Б.С. Тельпуховским, который в своей книге «Великая победа Советской армии под Сталинградом» оборонительный период Сталинградской битвы разделяет на два самостоятельных сражения: «оборонительное сражение Советской армии на подступах к Сталинграду» и «героическую оборону Сталинграда»⁷. Столь искусственный разрыв событий невольно создает впечатление, что оборонительная операция по удержанию крупного города начинается с выходом противника к его окраинам, а боевые действия войск на дальних подступах к городу не связаны с обороной самого города.

Героическая оборона Сталинграда началась еще с завязкой авангардных боев войск Сталинградского фронта, развернувшихся в излучине Дона. Уже тогда все боевые оборонительные действия войск на сталинградском направлении были направлены на оборону крупного города и важного промышленного центра, каким являлся Сталинград. Организация обороны города в 130–150 километрах западнее от него преследовала следующие цели: во-первых, создать нормальные условия для работы городской промышленности на оборону; во-вторых, обеспечить необходимую глубину обороны на подступах к городу, которая бы своей активностью и устойчивостью измотала и обескровила вражеские войска, вынуждая их к лобовым атакам, и, в-третьих, надежно защитить город от обхода и охватов. Да и сами оборонительные обводы, созданные на большом удалении от города, были предназначены для обороны Сталинграда. Борьбу на этих обводах нельзя отрывать от обороны города.

В свое время Ф. Энгельс писал, что города представляют средоточие военно-экономического потенциала страны и поэтому с давних пор привлекают к себе пристальное внимание воюющих сторон. Тем более это верно в наш век, век колоссального развития промышленного производства в городах и бурного роста самих городов.

Даже при современных средствах поражения, легко превращающих города в развалины, ни в коем случае нельзя отказываться от обороны крупных городов, но также нельзя и организовывать эту оборону с выходом противника к окраинам города.

Несомненно, все оборонительные бои под Сталинградом следует рассматривать как единый комплекс оборонительных операций стратегического значения, проводившихся, несмотря на наличие двух фронтовых управлений на этом направлении, фактически под единым руководством.

---

⁷ Тельпуховский Б.С. Великая победа Советской армии под Сталинградом. М.: Госполитиздат, 1953. С. 24, 48.

Кроме того, оборону Сталинграда нельзя рассматривать в свете предвзятых схем, в отрыве от действий войск, сдерживавших противника на других направлениях. Следует исследовать эти вопросы в соответствии с исторической правдой, во всей их реальной сложности, учитывая героические действия войск севернее и южнее Сталинграда. Упорной обороной и контрударами они сковывали врага, держали его, что называется, за фалды, не давали ему возможности сосредоточить все свои усилия непосредственно против самого города, чем оказывали большую помощь войскам, оборонявшим районы города.

Из изложенного ясно видна необходимость при периодизации Сталинградской битвы установить один общий оборонительный период.

Спорна также попытка Б.С. Тельпуховского подразделить бои в городе на четыре этапа. Нет оснований выделять здесь этапы, ибо налицо единство как в характере боевых действий, так и в задачах, решавшихся войсками.

В этой связи целесообразно остановиться еще на одной довольно распространенной точке зрения, согласно которой оборонительный период Сталинградской битвы подразделяется на три этапа: оборонительные операции на дальних подступах (17 июля – 17 августа 1942 года), оборонительные операции на ближних подступах (18 августа – 12 сентября 1942 года), бои на окраинах Сталинграда и внутри города (13 сентября – 18 ноября 1942 года)⁸. Такое деление оборонительных операций (на три этапа) нам представляется недостаточным, оно вольно или невольно напоминает предвзятую схему, под которую легко подогнать любой случай.

Длительную и упорную оборону многих городов во время Великой Отечественной войны можно рассматривать как состоявшую из боев на дальних подступах, на ближних подступах и в самом городе. Однако в обороне каждого города были свои особенности. Так и под Сталинградом оборонительные операции имели свою специфику и, конечно, не могут быть включены лишь в эти три этапа. При определении этапов оборонительного периода Сталинградской битвы некоторые авторы недостаточно учитывают еще и то обстоятельство, что инициатива в действиях в то время принадлежала в большинстве случаев не советским войскам, а противнику. В соответствии с его ударами менялась и обстановка, которая всякий раз заставляла советское командование несколько видоизменять задачи войск и менять их группировку. Из этого, конечно, не следует, что нам не удавалось в оборонительный период битвы за Сталинград время от времени на отдельных участках навязывать свою волю врагу.

Исходя из конкретного анализа боевых действий, а также для удобства их исследования нам представляется более целесообразным оборонительный период Сталинградской битвы рассматривать подразделенным на следующие основные задачи-этапы.

Первый этап – с 17 июля по 7 августа 1942 года – бои в районе большой излучины Дона. Основным содержанием этого этапа было сдерживание продвижения противника, нанесение ему возможно большего поражения в живой силе и технике. В течение этого этапа советскому командованию удалось выиграть время для осуществления необходимых оборонительных мероприятий (подтягивание резервов, подготовка рубежей обороны). Вместо запланированного гитлеровцами захвата в июле Сталинграда с ходу основные силы их 6-й армии были втянуты в ожесточенные бои на дальних подступах к городу в большой излучине Дона. Но положение оборонявшихся войск оставалось также крайне напряженным.

Второй этап – с 8 по 18 августа 1942 года – бои на внешнем обводе сталинградской обороны. В связи с поворотом 4-й танковой армии Гота на Сталинград противнику удалось пробить нашу оборону на внешнем обводе и продвинуться на одном участке за этот рубеж. Враг находился в 30 километрах от Сталинграда. Над городом нависла смертельная угроза. Надо было во что бы то ни стало остановить врага, сорвать его намерение с ходу захватить Ста-

---

⁸ Военная мысль. 1953. № 12.

линград и одновременно организовать стойкую оборону на заранее подготовленных рубежах. Этот этап характеризовался дальнейшей активизацией действий обеих сторон, а также существенным изменением группировки советских войск и войск противника, поскольку к этому моменту бывший Сталинградский фронт был разделен на два фронта: Сталинградский и Юго-Восточный. Силы врага в это время значительно увеличились: подошедшая 4-я танковая армия генерала Гота приступила к активным действиям также на сталинградском направлении. Важнейшим событием, ознаменовавшим начало этого этапа, явился первый с начала битвы контрудар наших войск в районе Абганерово, увенчавшийся полным успехом. Войска противника (армия Гота), прорвавшие внешний обвод, были отброшены назад: части 64-й армии 10 августа выбили противника с разъезда «74 км» и овладели им. Однако враг не унимался. Он вынудил 62-ю армию после кровопролитных боев на правом берегу Дона отойти к 14 августа на левый берег Дона; здесь 62-я армия организовала оборону по внешнему обводу на участке Вертячий, Ляпичев. Предприняв в то же время перегруппировку сил, противник 15 августа ударил по слабой 4-й танковой армии на севере на участке Трехостровская, Большенабатовский. Однако наши войска, сдерживая врага, в порядке отошли за Дон к внешнему обводу, где остановили гитлеровцев на участке Иловля, Вертячий, Калач. Таким образом, враг был остановлен на внешнем обводе сталинградской обороны.

Третий этап продолжался с 19 августа по 3 сентября. Главное содержание этапа – бои на внешнем и среднем обводах сталинградской обороны и выход противника к Волге.

Фашистское командование решает овладеть городом посредством одновременных концентрических ударов обеих армий: из района Трехостровской на восток – силами 6-й армии и из района Абганерово на север – силами 4-й танковой армии. 6-я германская армия, передав участок от Павловска до устья реки Хопер 8-й итальянской армии, собирая мощный кулак, нацеливала теперь удар на форсирование Дона в районе Вертячего и рассчитывала ворваться в Сталинград с северо-запада. Одновременно 4-я танковая армия, подтянув свои силы на правый фланг и обеспечив свой левый фланг двумя румынскими дивизиями, должна была нанести главный удар на Сталинград с юга и также ворваться в Сталинград.

В начале этого этапа противнику удалось форсировать Дон в районе Вертячего и прорвать внешний обвод обороны города. 23 августа немецкие войска вышли к Волге на участке Ерзовка, Рынок. В результате этого 62-я армия оказалась отрезанной от других соединений Сталинградского фронта (куда она входила), и поэтому она была передана в состав Юго-Восточного фронта. Город в то время подвергался ожесточенной бомбардировке с воздуха. Враг бросил на Сталинград всю авиацию своего 4-го воздушного флота. С выходом к Волге немецкое командование предприняло удар с юга, стремясь отрезать от Сталинграда 62-ю армию и часть сил 64-й армии, находившихся еще на внешнем обводе в районе города Калач. Чтобы спасти 62-ю армию от разгрома, а Сталинград от захвата, советское командование приняло решение об отводе 62-й армии на средний обвод. Этот маневр, успешно осуществленный в ночь на 31 августа, не только сохранил силы 62-й армии, но и сорвал замысел врага захватить город с юга. Следует иметь в виду, что в самом Сталинграде в это время войск почти не было.

Четвертый этап продолжался с 4 по 13 сентября 1942 года. Основным содержанием этого этапа были бои на внутреннем обводе сталинградской обороны. Боевые действия наших войск на данном этапе характеризовались проведением многочисленных контрударов и контратак с юга и особенно с севера по наступающим и вышедшим к Волге войскам противника. Эти активные действия наших войск отвлекли значительные силы противника с направления его главного удара, а также позволили продолжать усиление обороны самого города.

Пятый этап – с 14 сентября по 18 ноября 1942 года – бои в черте города. Это был тяжелый этап, когда с исключительным упорством оборонялся каждый рубеж, каждый квартал города, а часто и отдельные дома. Одновременно на флангах наступающей группировки противника – севернее и южнее Сталинграда – велась подготовка наших войск к переходу в контр-

наступление. Наши части стремились окончательно остановить противника и нанести ему максимальные потери. Особенностью этапа явилось большое количество контратак, проведенных нашими войсками в ответ на все усиливавшиеся удары противника, а также ряд контрударов, нанесенных с целью оттягивания сил противника от направления его главного удара и маскировки готовящегося контрнаступления. Такова краткая характеристика этапов оборонительного периода Сталинградской битвы, которые обозначились у меня при ее внимательном анализе.

За пять этапов оборонительного периода Сталинградской битвы было отбито 700 вражеских атак, нанесено примерно такое же число контрударов и контратак, что превратило нашу оборону в особую категорию – в активную борьбу. Мы навязали свою волю противнику, нанесли ему колоссальные потери (не менее 800 тысяч человек убитыми и ранеными). Враг был остановлен, он выдохся и перешел к обороне.

Своими активными оборонительными действиями мы сделали возможным наш переход в контрнаступление. Мы победили обороняясь. Это была, подчеркиваю, не обычная оборона, это было оборонительное сражение особого рода.

Как известно, наступательный период Сталинградской битвы охватывает контрнаступление фронтов, завершившееся окружением и уничтожением сталинградской группировки немецко-фашистских войск. С точки зрения задач, последовательно решавшихся войсками в ходе контрнаступления, этот период имел пять отчетливо выделяющихся, ярко выраженных этапов.

Первый этап – подготовка контрнаступления – протекал параллельно с заключительным этапом обороны, но должен быть выделен особо, так как представлял собой комплекс мероприятий совершенно иного характера.

В этот период было выбрано направление главного удара, намечены и соответствующим образом подготовлены исходные районы, избраны наиболее результативные направления главных ударов – важнейшего фактора успеха в наступлении. Были сосредоточены и скрытно стянуты в соответствующие районы крупные резервы, осуществлена тщательная подготовка войск к намеченным действиям, подвезены резервы и т. д. Контрнаступление было спланировано как стратегическая операция трех фронтов: Юго-Западного, Сталинградского и Донского; оно разворачивалось одновременно на 400-километровом фронте. Советские войска зажимали в гигантские клещи силы двух армий противника на территории радиусом 100 километров, при этом создавалось два фронта окружения – внутренний и внешний. Разгром основных сил вермахта на Волге создавал условия для перехода Красной Армии в общее стратегическое наступление на всем советско-германском фронте.

Второй этап – с 19 ноября по 11 декабря 1942 года – окружение сталинградской группировки немецко-фашистских войск и сжимание кольца окружения. Задачи войск на этом этапе сводились к тому, чтобы прорвать фронт противника северо-западнее и южнее Сталинграда и окружить основные силы его сталинградской группировки, а затем сократить размеры котла вокруг окруженных, создать внешний фронт окружения с целью предотвратить попытки деблокады. Наступление советских войск на этом этапе характеризовалось решительностью, стремительностью, а также широкими маневренными действиями подвижных соединений.

Третий этап, о котором мы при планировании контрнаступления даже словом не обмолвились, возник в процессе боевых действий и вылился в самостоятельный большой этап боевых действий – это постановка противовоздушной блокады и разрушение так называемого воздушного моста, созданного Герингом по приказу Гитлера для оказания помощи окруженным продовольствием, боеприпасами и горючим. В случае удачи противник, имея возможность снабжать войска всем необходимым для боя и жизни, имел бы возможность не только оказать сильное сопротивление, но и смело выйти из окружения. Поэтому воздушная блокада, начатая еще в ноябре, сыграла важную роль в победе, истощив войска противника.

Четвертый этап охватывает боевые действия, протекавшие с 12 декабря 1942 года по 1 января 1943 года. Главным в действиях наших войск на этом этапе был разгром войсками Сталинградского фронта ударной группировки Гота – Манштейна, пытавшейся деблокировать окруженные немецкие войска; продолжалось также дальнейшее сжимание кольца вокруг окруженных войск противника. Одновременно войска Юго-Западного и частично Воронежского фронтов разгромили основные силы 8-й итальянской армии и так называемую оперативную группу «Холлидт».

Пятый этап – с 1 января по 2 февраля 1943 года – окончательное уничтожение окруженной под Сталинградом группировки немецко-фашистских войск. Этап характеризовался наступательными действиями войск Донского фронта, в который вошли основные армии Сталинградского фронта (62, 64, 57-я); это были действия, сначала направленные на рассечение окруженной группировки противника, а затем на уничтожение ее по частям. После произведенных перегруппировок наши войска на направлении главного удара превосходили противника как в живой силе, так и в технике.

Таким образом, в каждом из периодов Сталинградской битвы можно выделить ряд этапов. Каждый из них отличается группировкой войск, определенным содержанием боевых действий и, главное, задачами, возникавшими перед командованием и войсками. Исходя из этого мы считаем, что данная нами выше периодизация Сталинградской битвы наиболее правильна: она отвечает действительному развитию исторических событий под Сталинградом.

Строго придерживаясь изложенной периодизации, мы, однако, в данном труде не связывали себя академическими рамками, так как не преследовали цели дать только военно-историческое описание.

Крупные военные события, развернувшиеся под Сталинградом, внесли немало ценного в сокровищницу боевого опыта наших Вооруженных Сил, оказали существенное влияние на дальнейшее развитие советского военного искусства.

Боевой опыт оборонительного и наступательного периодов Сталинградской битвы дал очень многое для правильного планирования, подготовки и проведения последующих операций Великой Отечественной войны.

Здесь в крайне сжатые сроки под непрерывными и мощными ударами противника была создана оперативная оборона, устойчивость которой затем стала примером для подражания. Целью этой обороны было не только истощение превосходящих сил врага, но и создание условий для последующего перехода в контрнаступление.

Оборонительное сражение под Сталинградом убедительно показало значение глубоко эшелонированной обороны на важных стратегических направлениях. Так как ранее построенные укрепления не отвечали требованиям складывавшейся обстановки, пришлось в ходе боев создавать такую глубоко эшелонированную оборону, которая была бы эластичной и могла бы поглотить мощные таранные удары наступавшего противника и не допустить развития тактического прорыва в оперативный, а тем более в стратегический.

Сталинградское оборонительное сражение показало также, что современные условия войны не исключают, а допускают и предполагают возможность прорыва противником обороны на отдельных участках. В условиях такого прорыва задача обороны заключается в сохранении устойчивости обороняющихся войск на соседних участках; в этом случае необходимо упорным сопротивлением, соответствующим умелым загибом флангов в стороны прорыва и парированием попыток противника организовать обход и окружение обороняющихся войск подготовить контратаки и контрудары вторых эшелонов и резервов для уничтожения прорывавшегося противника.

Упорная оборона на флангах прорыва противника с использованием подготовленных или заново созданных отсечных позиций заставляет противника сильно растягивать свой фронт и тем самым поглощает силу его наступательного удара. Это положение отчетливо выявилось в

ходе оборонительных боев на правом берегу Дона, а также в оборонительных боях на реках Аксай и Мышкова в декабре 1942 года с рвавшейся к Сталинграду группировкой Манштейна.

Устойчивость и упорство обороны под Сталинградом в условиях значительного превосходства противника, особенно в авиации и танках, достигались прежде всего путем широкого маневра резервами и войсками, снятыми с неатакованных участков. Здесь, пожалуй, впервые практически была осуществлена идея создания сильных артиллерийско-противотанковых резервов. В основном именно эти резервы в течение месяца боев на рубеже реки Дон только на фронте двух армий уничтожили несколько сотен немецких танков.

Необходимость массирования огня артиллерии по крупным силам атакующего противника потребовала по-новому поставить и вопросы управления артиллерией. В составе фронта и некоторых его армий были созданы фронтовая и армейские артиллерийские группы, массированный огонь которых сыграл серьезнейшую роль в отражении вражеских атак. Такой характер управления артиллерией сыграл весьма важную роль при обороне Сталинграда и был одной из причин того, что так стойко держались малочисленные и утомленные непрерывными боями сталинградские войска.

В условиях Сталинградской битвы опыт создания в руках командующего фронтом и командующих армиями сильных артиллерийских групп оправдал себя. Таким образом, при обороне больших городов наряду с децентрализованным использованием артиллерии в батальонах и полках целесообразно на решающих направлениях создавать мощные артиллерийские группы в армиях и фронтах для массированных ударов по противнику.

Много нового внесло Сталинградское сражение и в вопрос об организации и проведении контрудара.

Под Сталинградом также едва ли не впервые была широко применена артиллерийская и авиационная контрподготовка с целью срыва готовящегося наступления противника. В дальнейшем, в оборонительном сражении на Курской дуге, она нашла применение в значительно большем масштабе благодаря использованию опыта, приобретенного под Сталинградом.

Контрнаступление под Сталинградом, примененное впервые в истории войн в таком масштабе, с таким массовым использованием танков, привело к совершенно новому, небывалому явлению: к окружению хорошо вооруженной и оснащенной 330-тысячной группировки противника.

История до Второй мировой войны знает буквально единичные примеры успешно проведенного окружения и уничтожения целых вражеских армий. При этом все они относятся в основном к весьма отдаленному прошлому и представляют собой по большей части окружение пассивного противника, который бездействовал, отсиживаясь в лагере. При этом окружавшие войска действовали в тактическом взаимодействии в пределах небольшого пространства. Нечего и говорить, что вооружение армий того времени не может идти ни в какое сравнение с современной боевой техникой.

Поэтому окружение немецко-фашистских войск под Сталинградом несравнимо, конечно, ни с Каннами, ни с Седаном⁹. Единственно общим для них является идея решительного и полного окружения противника. Но практически эта идея осуществлялась в совершенно различных условиях, совершенно различными силами и методами.

С 1 по 2 сентября 1870 года в районе Седана (город на северо-западе Франции) в период Франко-прусской войны 1870–1871 годов французская Шалонская армия (до 120 тысяч человек) была окружена, разгромлена и пленена 3-й и 4-й германскими армиями. Вместе с этой армией находился и французский император Наполеон III. Поражение при Седане ускорило крах прогнившей Третьей империи.

---

⁹ Битва при Каннах произошла в ходе Второй Пунической войны между Римом и Карфагеном (216 год до н. э.). В результате битвы 86-тысячная армия римлян была окружена и разгромлена войсками карфагенского полководца Ганнибала.

Как известно, в октябре и первой половине ноября была проведена огромная работа по подготовке и организации контрнаступления. К намеченным участкам прорывов в обороне противника сосредоточивались значительные силы за счет как резервов Ставки, так и внутренних перегруппировок фронтов. Сосредоточение большой массы войск и техники представляло серьезные трудности, тем более что все это производилось в условиях открытой местности, слабо развитой сети дорог, осенней распутицы и постоянного интенсивного воздействия авиации противника. Тем не менее это сосредоточение было так искусно проведено, что для немецко-фашистского командования начало контрнаступления 19 ноября 1942 года явилось полной неожиданностью.

В этой связи следует разоблачить утверждения Манштейна (см. его книгу «Утерянные победы». Бонн, 1955) и Бутлара («Мировая война 1939–1945 гг.». М.: Изд-во иностранной литературы, 1957) о том, что немецко-фашистскому командованию якобы было известно о готовившемся нами контрнаступлении. Это их утверждение начисто опровергает Йодль – генерал, более всех других бывший в курсе дел главного фашистского командования. Вот что он показал суду Международного трибунала: «Мы полностью просмотрели сосредоточение крупных русских сил на фланге 6-й армии (на Дону). Мы абсолютно не имели представления о силе русских в этом районе. Раньше здесь ничего не было, и внезапно был нанесен удар большой силы, имевший решающее значение».

Оперативная маскировка, проведенная при подготовке этой крупной наступательной операции трех фронтов, явилась большим достижением нашего командно-начальствующего состава, готовившего контрнаступление. Опыт подобной маскировки широко применялся во всех последующих операциях Великой Отечественной войны, но, к сожалению, так и остался почти необобщенным, что грозит утратой многих приемов оперативной маскировки, созданных и проверенных под Сталинградом.

Успех Сталинградского контрнаступления во многом предreshался правильным выбором направления главных ударов и временем перехода в контрнаступление войск Сталинградского, Юго-Западного и Донского фронтов. При выборе направлений учитывались конкретные слабые места фланговых группировок противника, отсутствие у него необходимых резервов, а также наличие в наших руках специально подготовленных выгодных плацдармов (на южном берегу Дона в его среднем течении и в районе межозерных дефиле южнее Сталинграда) для развертывания ударных группировок в исходном положении для наступления.

При выработке плана Сталинградской наступательной операции особое внимание было обращено на достижение высоких темпов прорыва обороны противника. Высокие темпы позволяли наносить поражение неприятельским войскам в тактической зоне обороны еще до подхода соединений, снятых с неатакованных участков фронта, и тем более до прибытия подкреплений из глубины.

Быстрота прорыва тактической зоны обороны стрелковыми соединениями при этом обеспечивалась массированным применением артиллерии и авиации.

Высокий же темп развития прорыва в оперативной глубине обеспечивал окружение крупной группировки противника в короткие сроки. Этот замысел основывался на эффективном использовании сильных подвижных соединений, находившихся в составе вторых эшелонов армий, и ударных групп и своевременном вводе их в прорыв, осуществляемый стрелковыми соединениями первых эшелонов. Танковые и механизированные соединения включались в действия после преодоления стрелковыми войсками, поддержанными танками непосредственной поддержки пехоты, основных оборонительных противотанковых рубежей противника, что сохраняло их силы для быстрого продвижения в оперативной глубине. При этом быстрота прорыва тактической зоны стрелковыми соединениями гарантировалась массированным применением артиллерии и авиации.

Подобный способ прорыва подготовленной обороны противника, характеризовавшийся быстротой его осуществления, а также максимальным использованием всех средств поражения и всех возможностей подвижных механизированных соединений, был впервые разработан и успешно применен именно под Сталинградом.

Эти способы постоянно совершенствовались в последующих наступательных операциях Великой Отечественной войны. Следует при этом заметить, что вплоть до появления оружия массового поражения основные принципы прорыва обороны противника, успешно примененные под Сталинградом, были жизненны. Суть этих принципов сводится к тому, что укрепленные и наиболее насыщенные противотанковыми средствами позиции и полосы врага прорываются с помощью стрелковых соединений, усиленных танками, при массовой поддержке артиллерии и авиации и уже после этого для развития тактического прорыва в оперативный, для завершения окружения и образования прочного внутреннего фронта окружения вводятся в сражение механизированные и танковые соединения из второго (оперативного) эшелона.

Практически прорыв обороны противника под Сталинградом так и осуществлялся.

Конечно, попытки перенести в современные условия эти принципы, оправдавшие себя в прошлом, будут являться серьезной ошибкой. Превращение любого хорошего метода в шаблон вредно. Ясно, что теперь, когда военная техника идет вперед семимильными шагами, эти принципы претерпевают существенные изменения.

Сталинградская битва положительно повлияла и на совершенствование организационной структуры наших войсковых соединений и объединений. Дальнейшее улучшение организации и наращивание огневой мощи стрелковых дивизий происходило в ходе Сталинградской битвы и продолжалось, естественно, и после ее окончания. В декабре 1942 года на основе укрепления военно-экономической базы и роста производства вооружения и боевой техники, а также использования сталинградского опыта был введен новый штат стрелковой дивизии (гвардейской и не гвардейской), который наиболее соответствовал условиям того времени и сохранился до конца 1944 года.

С конца 1942 года в связи с ростом военной экономики и возможностей усиления наступающих войск новыми соединениями и техникой, когда в руках командующих армиями стало сосредоточиваться большое количество войск, вооружения и т. д., возникла необходимость возродить корпусную организацию. Этому содействовал и рост офицерских кадров. Восстановление корпусной организации в то время было правильным шагом, так как стрелковые дивизии продолжали оставаться недостаточно подвижными, а их управление производилось в основном еще проводными средствами связи. Это подтвердилось всем дальнейшим ходом боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны.

Претерпела известные изменения и структура армии. Многие из этих изменений были связаны в той или иной степени с опытом, полученным на полях Сталинградской битвы. Естественно, что проводившиеся изменения осуществлялись по мере того, как социалистическая промышленность обеспечивала для этого материальную базу.

До Сталинградской битвы армия состояла из стрелковых дивизий или стрелковых бригад в количестве от четырех-пяти до десяти и более при одной штатной артиллерийской противотанковой бригаде и одном штатном танковом полку. В дальнейшем же рост боевого состава армии пошел не по линии увеличения общевойсковых соединений, а за счет технического оснащения армии: в ее составе появились крупные танковые и мотомеханизированные, а также мощные артиллерийские соединения. С сентября 1942 года начали формироваться отдельные танковые полки, а в 1943 году появились самоходно-артиллерийские полки.

Организация артиллерии под влиянием Сталинграда также претерпела заметные изменения. Так, приказом от 31 октября 1942 года впервые были созданы артиллерийские дивизии в составе восьми полков, а через два месяца, в декабре, штаты артиллерийской дивизии были улучшены.

Осенью 1942 года возникли истребительно-противотанковые бригады, тогда же, в октябре – ноябре, стали создаваться зенитные группы из полков ПВО и зенитных средств стрелковых соединений (см. Приказ ПВО от 22 октября 1942 года). В ноябре были созданы и зенитно-артиллерийские дивизии, а в начале декабря возникли бригады М-30.

Значительными были в этот период и изменения в структуре и в организации инженерных войск. Так, в ноябре 1942 года возникли понтонно-мостовые бригады вместо существовавших ранее понтонно-мостовых батальонов, что было следствием опыта, приобретенного на переправах через Волгу. После разгрома вражеской группировки 2 февраля 1943 года были созданы тыловые бригады разграждения, главным образом для разминирования освобождаемой территории.

Можно назвать еще целый ряд изменений в организации и структуре войск, связанных в той или иной степени с опытом, полученным на полях Сталинградской битвы.

Под Сталинградом был получен значительный опыт организации и ведения прорыва подготовленной обороны противника при взаимодействии всех родов войск сухопутных сил и авиации, а также опыт разработки и осуществления наступательной операции группы фронтов с целью окружения и уничтожения крупной группировки вражеских войск.

Основным выводом из накопленного в период контрнаступления опыта можно считать необходимость: а) быстрее соединения окружающих группировок и одновременного создания внутреннего и внешнего фронтов окружения; б) активных наступательных действий на внешнем фронте окружения с целью полностью устранить возможность деблокирования окруженного противника; в) расчленения окруженной группировки на части еще в ходе окружения или, по крайней мере, создания условий для ее расчленения и уничтожения. Особенно показательны боевые действия войск Сталинградского и Юго-Западного фронтов по созданию прочного внешнего фронта окружения и разгрому немецко-фашистских войск, пытавшихся деблокировать окруженных.

Очень важен в этой битве опыт родов войск и специальных войск (действия артиллерии, танков, кавалерии, инженерных частей, частей тыла), который был в значительной мере использован в последующих сражениях Великой Отечественной войны.

Немалый интерес представляет и то обстоятельство, что на сталинградском направлении в течение довольно продолжительного срока, с начала августа до конца сентября 1942 года, руководство войсками двух фронтов было сосредоточено в руках единого командования. По существу, это было руководство действиями войск на стратегическом направлении, лишь с той особенностью, что командующий и член Военного совета не имели какого-либо специального аппарата для управления войсками, а вынуждены были осуществлять руководство через два равнозначных штаба, что затрудняло работу по планированию операций и практическому управлению войсками. Вместе с тем наличие общего командования для двух фронтов, имевших в конечном счете единую цель – не допустить врага в Сталинград, сыграло положительную роль, так как такая сложная задача могла быть решена лишь при самом тесном взаимодействии войск обоих фронтов.

Громадную роль в победоносном исходе Сталинградской битвы сыграли наши советские командные кадры всех степеней. В сражениях у стен Сталинграда с необычайной отчетливостью проявилась партийная закалка наших командных кадров, их высокая идейность, патриотизм, высокая оперативно-тактическая подготовка, боевая зрелость и, наконец, превосходство их над командными кадрами немецко-фашистских войск.

В ходе все усложнявшейся обстановки еще более закалились и укрепились моральные качества советских воинов: выше стало чувство патриотизма, с каждым днем возрастала ненависть к врагу, каждый воин острее стал сознавать свой долг перед народом, перед Родиной. Все это было результатом огромной, ни на минуту не прекращавшейся политической работы партийных организаций в войсках, направлявшейся на укрепление дисциплины, на воспитание в

них стойкости и упорства, на разъяснение военного и политического значения сражения под Сталинградом. Такая работа с каждым днем увеличивала энергию сталинградцев, укрепляла их организованность, вселяла уверенность в свои силы, в неизбежность разгрома обнаглевшего врага. Политическая работа была поставлена так, что требования партии доводились до сознания каждого бойца. Вся эта благородная и кропотливая работа проводилась при непосредственном участии и руководстве члена Военного совета Сталинградского и Юго-Восточного фронтов Н.С. Хрущева. Огромную работу проделали сталинградские коммунисты, проявившие большую организационную гибкость и высокую идейность перед лицом грозной опасности, нависшей над городом.

В битве под Сталинградом ярко проявились непоколебимый дух советского народа и его армии, единство советского фронта и тыла. Воины-сталинградцы чувствовали, что весь советский народ поддерживает их словом и делом, морально и материально. Нескончаемым потоком шли в Сталинград письма, телеграммы, посылки от простых советских людей, коллективов заводов и шахт, колхозов и совхозов, от городов и советских республик. Так, послание туркменского народа было подписано более чем 200 тысячами граждан республики. Сталинград – это величайшая победа всего советского народа, достигнутая под руководством Коммунистической партии и советского правительства. Советский народ мобилизовал все свои силы для того, чтобы снабдить армию могучей первоклассной техникой и всем необходимым для победоносного наступления. Великая победа под Сталинградом вызвала у всех советских людей огромный подъем, вдохнула в них новые силы, укрепила уверенность в неизбежном и окончательном разгроме вражеских полчищ.

Потому-то так глубоко запечатлелась Сталинградская битва в памяти нашего народа. Она явилась вдохновляющим примером высокого патриотизма, на котором будут воспитываться все новые поколения нашей молодежи.

Часть первая

Оборона Сталинграда

Глава I

Назначение

*Он грозен, как утес прибрежный,
И молчалив, как часовой.
Он со степей не сводит глаза,
Откуда враг идет толпой,
Он весь как будто ждет приказа
Пойти в кровавый, смертный бой¹⁰.*

Звонок «кремлевки»¹¹ раздался в начале двенадцатого ночи, когда я уже почти перестал его ожидать. Волнение, обуревавшее меня весь день, вспыхнуло с новой силой. Сдерживая его, я отвечал спокойно.

Из приемной наркома обороны сообщили, что мой рапорт рассмотрен. Мне надлежало немедленно прибыть в Кремль.

Повешена телефонная трубка. В голове с кинематографической быстротой и четкостью промелькнули все детали ушедшего дня.

Это было 1 августа 1942 года. Рано утром произошла не совсем приятная беседа с лечащим врачом – профессором, хирургом товарищем Капланом. Как только профессор вошел в палату, я сказал ему, что чувствую себя совершенно здоровым и поэтому решил подать рапорт Верховному Главнокомандующему с просьбой направить меня в действующую армию. Профессор чуть вспылал, заявив, что не больным, а врачам положено решать вопрос о выписке из госпиталя. «Оставьте эту мысль по меньшей мере на месяц-полтора», – заключил он тоном, не терпящим возражений.

Улыбаясь, я возразил, что у медиков есть один большой недостаток: они могут установить болезнь, довольно успешно лечить больного, но, к сожалению, они почти никогда не могут точно установить момент выздоровления. Шутка несколько смягчила доктора.

– Что же, – проговорил он, – сейчас мы практически проверим ваше состояние; кладите палку и пройдите по палате.

Напрягаю все силы, чтобы твердо ступить на раненую ногу. Первые пять-шесть шагов сделаны удачно. Но дальше пришлось захромать, на лбу выступил холодный пот, ноющая боль в ноге была нестерпимой. Хотя к этому времени кости уже и срослись, но рана окончательно еще не закрылась и дала себя знать. Прошло еще только десять дней, как я отказался от костылей и стал ходить с тростью.

– Довольно, довольно! – воскликнул Каплан, как будто заранее ожидавший этого момента. – Теперь ясно, многоуважаемый генерал-полковник, кто ошибается в моменте выздоровления. Еще основательно придется лечиться.

Пришлось выложить все начистоту и сказать, что рапорт уже отправлен.

---

¹⁰ В качестве эпиграфа здесь и далее использованы отрывки из поэмы А.И. Еременко «Сталинград».

¹¹ Внутренний кремлевский телефон. В палате госпиталя, где я лечился после второго ранения, было три телефона: внутренний госпитальный, городской и «кремлевка».

– Тем хуже для вас, – невозмутимо продолжал доктор, – все равно без справки лечащего врача ваш рапорт не будет рассматриваться.

Поскольку разговор принимал нежелательный оборот, обращаюсь к чувствам врача. Поблагодарив доктора за заботу о моем здоровье, я просил его понять, что нельзя мне сейчас, в тяжелейший период войны, сидеть сложа руки, что хромота не мешает мне руководить боевыми действиями на фронте, ведь я не просто солдат. В заключение спокойно спросил:

– Скажите, профессор, положив руку на сердце, смогли бы вы, страдая болезнью, подобной моей в ее теперешней стадии, спокойно отсиживаться, зная, что сотни людей, изнемогая от ран, ждут вашей помощи, именно вашей, профессор?

Врач задумался. Видимо, лед тронулся. После продолжительной паузы уже совсем мирным тоном, не отвечая прямо на вопрос, он сказал:

– Что же, если вы дадите мне честное слово, что будете строжайше соблюдать режим, который я предпишу, то не стану возражать против вашей выписки.

Я пообещал доктору свято соблюдать все его советы, думая про себя: «Главное, вырваться от вас, дорогой профессор». Решение о выписке из госпиталя было принято. Каптан ушел.

Целый день я тренировался в ходьбе без трости и достиг немалого успеха. При медленном, расчетливом движении хромота становилась почти незаметной. Во всяком случае, думал я, во время приема в Кремле сумею держаться хорошо.

Долго пробиралась наша машина затемненными улицами по-военному суровой столицы. Почти на каждом перекрестке нас останавливали свистки патрулей. Представившись, осветив машину внутри быстрым лучом карманного фонаря, они строго требовали документы и только после внимательной проверки отпускали нас, отдав честь. Так что в Кремль я прибыл к часу ночи.

Приемная Верховного Главнокомандующего. Два человека – один военный, другой гражданский ожидают своей очереди. О моем приезде было доложено немедленно. Оставив свою подпорку-палку в приемной, я осторожно, чтобы скрыть хромоту, бодро вошел в кабинет председателя Государственного Комитета Обороны (ГКО). Большая, несколько продолговатая комната. Мягкий матовый свет. Иосиф Виссарионович, стоя за своим рабочим столом, только что закончил разговор по телефону. В кабинете находились другие члены ГКО.

Выслушав доклад о прибытии, И.В. Сталин подошел ко мне, поздоровался за руку и, пристально посмотрев мне в лицо, спросил:

– Значит, считаете, что поправились?

– Так точно, подлечился, – ответил я, мысленно решив, что все пропало, так как тон Иосифа Виссарионовича показался мне насмешливым.

Кто-то из присутствовавших заметил: «Видимо, рана еще беспокоит, ходит-то товарищ очень осторожно к к тому же прихрамывая».

– Прошу не беспокоиться, у меня все в порядке, кости срослись отлично, – несколько поспешно, но уверенно возразил я.

– Что же, – снова заговорил И.В. Сталин, – будем считать товарища Еременко возвратившимся в строй. Вы очень нужны сейчас нам. Перейдем к делу, – обращаясь прямо ко мне, закончил он.

Как будто тяжелый груз упал с моих плеч; мучившие меня сомнения о возможном демарше доктора рассеялись.

Мой рапорт пришелся кстати. В ГКО решался вопрос об оргмероприятиях, которые необходимо было срочно осуществить, чтобы выправить положение на сталинградском направлении. Обсуждались возможные кандидатуры на должность командующего новым фронтом.

Заключая обсуждение, И.В. Сталин обратился ко мне:

– Под Сталинградом сейчас так сложились обстоятельства, что нельзя обойтись без срочных мер по укреплению этого важнейшего участка фронта, без мер, рассчитанных на улучшение

ние управления войсками. Сталинградский фронт, образованный недавно, решено разделить на два. Возглавить один из них Государственный Комитет Оборона намерен поручить вам.

Пристально взглянув на меня, Иосиф Виссарионович спросил:

– Как вы на это смотрите?

– Готов нести службу там, куда сочтете необходимым послать, – ответил я.

Мне было приказано, не теряя времени, поехать в Генеральный штаб, ознакомиться там с обстановкой на Сталинградском фронте, с указаниями, которые даны Государственным Комитетом Оборона Генеральному штабу по оперативным и организационным вопросам, и вечером вместе с товарищем Василевским снова прибыть в Государственный Комитет Оборона, где и будет принято окончательное решение.

– Есть, – ответил я по-уставному. – Задача мне ясна.

– Тогда не станем вас больше задерживать. Рассчитывайте свою работу так, чтобы послезавтра вылететь в Сталинград, – заключил Иосиф Виссарионович, подавая мне руку.

Прощаясь, я как-то невольно задержал свой взгляд на Ленине, портрет которого висел здесь над рабочим столом; живые прищуренные глаза Ильича смотрели подбадривающе.

Около 4 часов утра я вернулся в госпиталь, располагавшийся в здании Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Прилегал, чтобы дать отдых ноге, но заснуть не мог, да и не пытался. В голове уже созрел подробный план работы в Генеральном штабе. Дополнительно к указанному включил в него вопрос об ознакомлении с кадрами начальствующего и командного состава, предназначенными для вновь создаваемого фронта.

В 8 часов уехал в Генеральный штаб и работал там весь день. Уяснив себе обстановку под Сталинградом весьма схематично, насколько это возможно по оперативным документам, я узнал следующее. Сталинградский фронт был образован 12 июля 1942 года (схема 1)¹². В момент образования в него вошли армии: 62-я, выдвинутая из района Сталинграда на запад с задачей не допустить выхода противника к реке Дон; сосредоточенные здесь из резерва Ставки 63-я, развернувшаяся на рубеже по северной излучине Дона, и 64-я – на фронте Суровикино, Верхне-Курмоярская (южнее 62-й армии). Сталинградский фронт граничил на севере с Воронежским фронтом (по линии Камышин, Ново-Анненский, Бабка) и на юге с Северо-Кавказским фронтом (по линии Астрахань, Кетченеры, Верхне-Курмоярская).

Во второй половине июля в состав Сталинградского фронта были включены армии: 21 и 57-я (из бывшего Юго-Западного фронта), а также 51-я (из Северо-Кавказского). К 23 июля войска Сталинградского фронта развернулись и заняли оборону: 63-я армия по левому берегу Дона на участке Бабка – устье реки Медведица (около 300 километров по фронту); 61-я армия восточнее 63-й армии также по левому берегу Дона до станции Клетская; 62-я армия находилась на рубеже Клетская – Суровикино.

64-я армия – на участке Суровикино – Суворовский и по левому берегу Дона до станции Верхне-Курмоярская; 51-я армия продолжала вести напряженные неравные бои в районе Верхне-Курмоярская, Цимлянская и западнее.

57-я армия, находясь севернее Сталинграда, приводила себя в порядок после боев.

Танковая армия формировалась в Сталинграде.

Ознакомившись также с последующими событиями на фронте (после 23 июля), а также с указаниями ГКО, связанными с реорганизацией этого фронта, я вместе с начальником командного управления подобрал необходимые для фронта руководящие кадры к вечеру был готов для доклада¹³. Прием у Верховного Главнокомандующего состоялся вечером 2 августа. На при-

---

¹² Схемы даются отдельной тетрадью.

¹³ Одна мысль, возникшая в итоге изучения географии района и оперативной обстановки, складывавшейся под Сталинградом, не давала мне покоя. С ней связывалась мысль на возможность с нашей стороны крупных контрмероприятий, чреватых для гитлеровцев серьезным поражением. Уже тогда было ясно, что гитлеровцы, имея задачу выйти к Волге и перерезать ее у Сталинграда, вынуждены будут сосредоточить основную ударную массу своих войск на ограниченной полосе Волго-Дон

еме, кроме меня, были начальник Генерального штаба генерал-полковник А.М. Василевский, генерал-майор В.Д. Иванов, тоже из Генерального штаба, и генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, вызванный в связи с назначением его под Сталинград на должность командующего 1-й гвардейской армией (эта армия формировалась из воздушно-десантных дивизий, располагавшихся под Москвой).

И.В. Сталин после обычных приветствий сразу же спросил меня о результатах работы в Генеральном штабе.

Я ответил, что почти сутки занимался в Генштабе, что оперативную обстановку, которая является весьма тяжелой, уяснил. Выслушав мой доклад о проделанной задень работе, И.В. Сталин заключил:

– Значит, вошли в курс дела, это и требовалось, – и тут же, обратившись к товарищу Василевскому, приказал ему доложить проект решения о разделе фронтов.

Пока товарищи Василевский и Иванов развертывали для доклада карту, И.В. Сталин подошел ко мне вплотную и, потрогав две золотые полоски на кителе, сказал:

– Правильно, что мы ввели знаки ранения. Народ должен знать тех, кто пролил свою кровь, защищая Отечество.

Лаконично, вместе с тем четко и ясно доложил товарищ Василевский об организационных вопросах образования двух фронтов, привел цифры состава их сил и средств.

По окончании доклада товарища Василевского И.В. Сталин обратился ко мне с вопросом:

– Вы познакомились с обстановкой под Сталинградом, вернее сказать, на сталинградском направлении и нашими наметками по Сталинградскому фронту. Все ли вам ясно, товарищ Еременко?

– Мне все ясно, наметки Ставки по реорганизации Сталинградского фронта понял, но, пока вами не принято окончательное решение, позвольте мне доложить некоторые свои соображения, – несколько возбужденным голосом ответил я.

– Хорошо! Докладывайте.

Коротко остановившись на обстановке, сложившейся в большой излучине Дона, я подчеркнул, что придерживаюсь несколько иного мнения (по сравнению с проектом директивы) в отношении разделения Сталинградского фронта на два фронта с границей по реке Царица и далее на Калач. При таком решении Сталинград разрезается на две части. Стык между фронтами и армиями – всегда уязвимое место обороны. Поэтому целесообразно разграничительную линию между фронтами провести с таким расчетом, чтобы не делить Сталинград и чтобы оборону города возложить целиком на один из фронтов.

После этих слов я сделал паузу, чтобы выслушать возможные замечания, если они будут. Неожиданно для меня, да и, по-видимому, для всех присутствующих И.В. Сталин несколько нервно реагировал на предложение. Весьма вероятно, что эта раздражительность явилась следствием телефонного разговора, который Иосиф Виссарионович вел в нашем присутствии с рядом фронтов. Он несколько раз говорил по телефону ВЧ; чувствовалось, что ему докладывали о тяжелом положении, просили помощи. Положение было действительно напряженным. Наши войска продолжали отход. Я невольно подумал о той великой ответственности за судьбы Родины, о той тяжелой ноше, что была возложена на плечи Иосифа Виссарионовича, как главы правительства, как Верховного Главнокомандующего.

ского междуречья, где две реки ближе всего сходятся между собой и Волга, образуя здесь почти прямой угол, далеко вдается на запад. Поэтому при реализации уже частично выявившегося тогда плана немцев фланги нашего фронта почти в любом случае должны были занять нависающее положение относительно ударных группировок противника. Особенно это касалось северного или правого фланга наших войск, ибо здесь, во-первых, легко было сохранить соответствующие плацдармы для контрдействий на левом берегу Дона, а во-вторых, налицо были прочные связи со стратегическим тылом, что способствовало лучшему сосредоточению войск, их материальному обеспечению. Вместе с тем условия южного (левого) фланга способствовали прочной обороне с последующим нанесением отсюда вспомогательного, но достаточно сильного удара.

Пройдясь по кабинету несколько раз, он остановился и, обратившись к товарищу Василевскому, перед которым на столе лежали карта и проект директивы, раздраженным тоном сказал:

– Все оставить, как мы наметили. Сталинградский фронт разделить на два фронта; границу между фронтами провести по реке Царица и далее на Калач.

Товарищ Василевский, сидевший с противоположной стороны длинного стола, за которым находились также и члены ГКО, начал вносить поправки, касавшиеся сроков исполнения, сил и средств.

И.В. Сталин еще раз прошелся по кабинету и, как бы обращаясь ко всем, сказал:

– Так как же мы назовем фронты?

Кто-то предложил: фронт, который будет действовать в северной части Сталинграда и севернее, наименовать Сталинградским, т. е. сохранить старое название, а фронту, действующему в южной части Сталинграда и южнее, дать наименование Юго-Восточный. И.В. Сталин согласился с этим. Сейчас же это и было записано в директиве.

Когда разделение фронтов стало совершившимся фактом, возник вопрос о назначении командующих фронтами. Были названы кандидатуры: моя и генерал-лейтенанта В.Н. Гордова (Сталинградским фронтом в то время уже командовал Гордов, назначенный две недели тому назад вместо маршала С.К. Тимошенко).

И в этом случае я попросил разрешения изложить свои соображения. И.В. Сталин с заметной улыбкой спокойным тоном сказал:

– Ну что же, доложите ваши соображения.

Ободренный этим, я старался изложить их как можно убедительнее. В моем кратком докладе было сказано, что, изучив вчера оперативную обстановку на сталинградском направлении, я пришел к определенному выводу, что в будущем левое крыло Сталинградского фронта, закрепившись на западных и юго-западных подступах к городу, будучи усилено свежими частями, обеспечит активную оборону в то время, как его правое крыло, также получив пополнение, будет в состоянии нанести с севера удар по противнику на западном берегу Дона и во взаимодействии с «левым» (Юго-Восточным) фронтом уничтожить противника под Сталинградом. С севера – главный удар, с юга же – вспомогательный, фланговый удар, отвлекающий противника от направления главного удара. Заканчивая изложение своих мыслей, я просил назначить меня, если моя наметка будет принята, на «правый» (Сталинградский) фронт, добавив, что моя «военная душа» больше лежит к наступлению, чем к обороне, даже самой ответственной.

Все присутствующие выслушали меня внимательно. Наступила пауза. И.В. Сталин, снова пройдя по кабинету, сказал:

– Ваше предложение правильное и заслуживает внимания, но это – дело будущего, а сейчас нужно остановить наступление немцев.

Набивая табак в трубку, он сделал паузу. Я воспользовался этим, вставив реплику: «Я и предлагаю на будущее, а сейчас нужно задержать немцев во что бы то ни стало».

– Правильно понимаете, – утвердительно сказал он, – поэтому мы и решили послать вас на Юго-Восточный фронт, чтобы задержать и остановить противника, который наносит удар из района Котельниково на Сталинград. Юго-Восточный фронт нужно создавать заново и быстро. У вас есть опыт в этом: вы заново создали Брянский фронт. Так что поезжайте, вернее, летите завтра же в Сталинград и создавайте Юго-Восточный фронт.

Для меня стало ясно, что вопрос уже решен, и я ответил кратким «слушаюсь».

Дальнейшее развитие военных событий показало ошибочность принятого тогда решения. Причем сам товарищ Сталин спустя 12–15 дней, разговаривая со мной по телефону, самокритично признал, что была допущена ошибка при разделении Сталинградского фронта

и в особенности самого Сталинграда между двумя фронтами. Однако быстро меняющаяся обстановка не позволила полностью исправить положение, т. е. допущенную ошибку.

Должен сказать, что в тот момент я знал обстановку, естественно, лишь «теоретически», поэтому, когда мне ответили, что вопрос о разграничительной линии не является принципиальным и может быть при необходимости пересмотрен в рабочем порядке, я не стал возражать. Довод о том, что необходимо сосредоточить все силы и средства для прекращения наступления противника с юго-запада из района Котельниково, казался достаточно веским. Моя просьба о назначении на «правый» фронт тоже не была учтена.

Итак, я был назначен командующим войсками вновь созданного фронта, получившего название Юго-Восточного. Сталинградский фронт сохранил прежнее свое название.

Разграничительная линия между фронтами прошла от Калача на Сталинград, а в черте города по реке Царица (сейчас Пионерка), рассекая таким образом основной объект обороны на две части. Штабы обоих фронтов было приказано разместить в самом Сталинграде.

В духе принятых решений была окончательно откорректирована директива, тут же утвержденная Верховным Главнокомандующим.

В заключение беседы И.В. Сталин, обращаясь ко мне, особо подчеркнул, что необходимо повысить требовательность, поднять дисциплину, навести строжайший порядок в войсках, принимая для этого самые решительные меры.

– Я верю вам, товарищ Еременко, и надеюсь на вас. Подчеркиваю, что ваша главная задача – остановить наступление врага и разбить его.

К трем часам ночи все вопросы были решены, директива подписана. Прощаясь с нами, И.В. Сталин пожелал боевого успеха. Я ответил коротко: «Доверие, оказанное мне партией, оправдаю, задачу по обороне Сталинграда выполню». Я вышел с мыслями о глубочайшей ответственности за выполнение порученного мне дела. Оказанное доверие окрылило меня, я как будто приобрел новые качества, прибавилось энергии, воля сделалась стальной. Было ясно, что от развития боевых действий под Сталинградом будет зависеть в какой-то, вероятно, в значительной степени успех нашей борьбы против гитлеризма.

Здесь нелишне будет напомнить читателю о сложившейся тогда для нашей страны военно-политической обстановке. Оговариваюсь, что в то время я не мог, естественно, представлять ее в полном объеме.

Но прежде чем говорить об обстановке, фактически сложившейся тогда на советско-германском фронте, необходимо коснуться планов сторон на летнюю кампанию 1942 года.

Сейчас это сделать несколько легче, поскольку опубликован ряд документов, проливающих свет на этот вопрос.

Как уже отмечалось выше, долгое время считалось, что основным в планах врага на лето 1942 года было овладение Москвой путем обхода ее с востока, в этих целях якобы и производился вражеский удар на Сталинград. Наступление гитлеровцев на юг к нефтяным районам Кавказа расценивалось как имеющее вспомогательную цель – отвлечь наши резервы от московского стратегического района. Однако такое толкование немецко-фашистских планов не выдерживает сопоставления с фактами, зафиксированными в документах.

Так, 11 ноября 1941 года в директиве главному командованию германских сухопутных сил указывалось: «...при соответствующем состоянии погоды будет целесообразно использовать все имеющиеся в распоряжении силы для того, чтобы в результате нанесения удара на юге на Сталинград или путем быстрого выхода на линию Майкоп, Грозный улучшить снабжение армии нефтью, поскольку наши ресурсы в этой области ограничены».

По свидетельству генерала Гальдера Гитлер 19 ноября 1941 года следующим образом определил цели на 1942 год: «Задачи на будущий год: в первую очередь Кавказ, цель – русская южная граница...»

Общий замысел всей кампании 1942 года был сформулирован следующим образом: «... Окончательно уничтожить живую силу, оставшуюся еще в распоряжении Советов, лишить русских возможно большего количества важнейших военно-экономических центров. Для этого будут использованы все войска, имеющиеся в распоряжении германских вооруженных сил и вооруженных сил союзников»¹⁴.

Но наиболее обстоятельно гитлеровский план летней кампании излагается в его директиве № 41 от 5 апреля 1942 года.

Каковы ее основные положения?

«I. Общий замысел. Главная задача состоит в том, чтобы при сдерживающих действиях центральной группы армий на севере добиться падения Ленинграда и установления наземной связи с финнами, а на южном фланге добиться прорыва в районе Кавказа, придерживаясь при всем этом первоначальных принципов относительно восточного похода. Осуществление этой цели, должно производиться не одновременно по всему фронту, а только по отдельным участкам и в соответствии со сложившейся обстановкой в итоге зимних боев, а также в соответствии с имеющимися силами, средствами и транспортными условиями.

Поэтому первоначально необходимо объединить все имеющиеся силы для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтяные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет.

Окончательное блокирование Ленинграда и захват Ингерманландии могут быть произведены, как только позволит обстановка в районе окружения или высвободятся какие-либо другие силы, которых будет достаточно для проведения данного мероприятия...

II. Проведение операций.

A...

Б. Дальнейшая задача заключается в том, чтобы очистить от противника Керченский полуостров и захватить Севастополь... В южном районе, на линии реки Донец, необходимо отрезать и уничтожить неприятеля, прорвавшегося по обе стороны Изюма.

В. Главная операция на Восточном фронте. Цель этой операции, как уже указывалось, заключается в том, чтобы для обеспечения овладения Кавказом разбить и уничтожить русские войска, расположенные в районе Воронежа к югу от него, а также западнее и севернее реки Дон.

По причинам, связанным с порядком прибытия предназначенных для этого частей, данная операция может быть проведена только в виде целого ряда отдельных наступлений, следующих непосредственно одно за другим, взаимно связанных между собой и восполняющих друг друга.

Поэтому они должны быть проведены, начиная с севера к югу, в такой временной последовательности, чтобы можно было на решающих участках каждого отдельного наступления в цепи этой общей операции обеспечить максимум концентрации как сухопутных, так и военно-воздушных сил... Началом всей этой операции должно послужить охватывающее наступление или прорыв из района южнее Орла в направлении Воронежа. Из двух группировок танковых и моторизованных соединений, предназначенных для охвата, наиболее сильной должна быть северная группировка. Цель этого прорыва – захват города Воронежа.

В то время как часть пехотных дивизий имеет задачу немедленно построить мощный фронт обороны на линии от исходного пункта наступления Орел в направлении Воронеж, перед танковыми и моторизованными соединениями стоит задача своим левым флангом продолжить наступление от Воронежа в южном направлении для поддержки второго прорыва, который должен быть предпринят из района Харькова в восточном направлении. И в этом случае первоочередная цель заключается не в том, чтобы подавить русский фронт как таковой,

---

¹⁴ ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны. Инв. № 682. Л. 436–437.

а в том, чтобы во взаимодействии с моторизованными соединениями, наступающими вниз по Дону, уничтожить русские силы.

Третье наступление в рамках этой операции должно быть проведено с таким расчетом, чтобы силы, наступающие вниз по Дону, соединились в районе Сталинграда с теми силами, которые наступают из района Таганрог, Артемовск, между нижним течением Дона и Ворошиловградом через Донец в восточном направлении. И в завершение последние должны соединиться с танковой армией, наступающей на Сталинград.

Если в ходе этих операций, особенно благодаря захвату неповрежденных мостов, представится возможным образовать предмостные плацдармы восточнее и южнее Дона, то этим необходимо воспользоваться. Во всяком случае, следует пытаться дойти до самого Сталинграда или по крайней мере вырвать его из числа промышленных центров и узлов сообщений, подвергнув его действию нашего тяжелого оружия... И далее, принимая во внимание условия, связанные с временем года, необходимо форсировать наступательное движение через Дон в южном направлении для достижения оперативных целей».

Таким образом, немецко-фашистское командование летом 1942 года уже не могло развернуть наступление одновременно на всех направлениях, как это было летом 1941 года, поэтому для достижения поставленных целей намечалось провести ряд последовательных наступательных операций. При этом основные усилия сосредоточивались на юго-западном направлении с целью уничтожения наших войск за Доном, чтобы затем захватить нефтяные районы в пределах Кавказа и перерезать коммуникации СССР с внешним миром, идущие через Кавказ и Иран. Кроме главной операции на юге, планировалось провести еще несколько операций на северо-западном и западном направлениях и создать выгодную обстановку для последующего развития наступления на западном направлении с целью разгрома центральной группировки советских войск и выхода на широком фронте на Волгу в ее среднем течении. С выполнением этих задач предполагалось, что СССР будет вынужден капитулировать. Однако конкретных оперативных планов на решение этих конечных задач немецким командованием не было разработано.

Начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии о планах летней кампании 1942 года говорил, что «выход на Волгу сразу на широком участке не планировался, предполагалось выйти к реке в одном из мест, чтобы в дальнейшем захватить стратегически важный центр – Сталинград. В дальнейшем предполагалось в случае успеха и изоляции Москвы с юга предпринять поворот крупными силами к северу. Я затрудняюсь сказать какие-либо сроки для проведения этой операции».

Стремление противника во что бы то ни стало овладеть югом объяснялось главным образом «нефтяными» соображениями. Нефть была самым больным местом в экономике фашистского рейха. На совещании высшего командного состава Восточного фронта, проведенном 1 июня 1942 года в Полтаве, Гитлер заявил об этом весьма недвусмысленно: «Моя основная мысль – занять область Кавказа, возможно основательнее разбив русские силы... Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен покончить с этой войной». Как увидим дальше, немецко-фашистское командование с присущим ему упорством стремилось осуществить этот план.

Таким образом, становится совершенно ясным, что основным объектом вожеланий Гитлера и его подручных летом 1942 года был юг нашей страны с его огромными богатствами: сельскохозяйственными районами благодатной Кубани, углем Донбасса, промышленностью Украины, Азово-Черноморья, а главное, нефтью Майкопа, Грозного, а затем и Баку.

Однако устремления Гитлера на юг диктовались не только чисто экономическими потребностями рейха, здесь были налицо весьма определенные политические цели. Встав перед необходимостью вести длительную войну, руководители фашистской Германии не могли не заботиться о расширении круга своих сателлитов за счет стран Ближнего Востока. Здесь

они встречали поддержку своим намерениям прежде всего со стороны реакционного турецкого правительства, которое к весне 1942 года сосредоточило в непосредственной близости от южных границ нашей Родины около двух с половиной десятков своих дивизий. Втягивание Турции в войну, естественно, явилось бы первым шагом на пути к овладению Ближним и Средним Востоком.

В ходе летней кампании, однако, главную роль приобрел Сталинград, а не Кавказ. Причины этого станут ясны из последующего изложения.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что решающим моментом в планах Гитлера на лето 1942 года было то, что после поражений, понесенных им зимой, немецко-фашистская военная машина не могла уже действовать одновременно на всем тысячекилометровом советско-германском фронте и была вынуждена фактически ограничиться действиями лишь на южном участке этого фронта¹⁵.

Посмотрим, каковы были планы советской стороны на этот период. Прежде всего они обуславливались стремлением удержать захваченную зимой 1941/42 года стратегическую инициативу.

Исходя из общей военной и политической обстановки, сложившейся к весне 1942 года, Ставка Верховного Главнокомандования решила провести весной и летом 1942 года ряд наступательных операций на северо-западном, западном и юго-западном направлениях и в Крыму с задачами: снять блокаду Ленинграда, разгромить делянскую, ржевско-вяземскую, харьковскую и крымскую группировки противника и создать тем самым благоприятные предпосылки для полного освобождения советской земли от немецко-фашистских захватчиков. Причем серьезные усилия советских войск сосредоточивались на юго-западном направлении. В соответствии с этим наибольшее усиление из резервов Ставки получили войска юго-западного направления (более половины стрелковых дивизий, до 45 % стрелковых бригад и 80 % танковых бригад, направленных Ставкой в действующие фронты).

Одновременно, поскольку считалось, что угроза столице не миновала, весьма значительные резервы были сосредоточены на московском направлении севернее линии Борисоглебск, Саратов. Резервные армии, находившиеся в распоряжении Ставки, дислоцировались в районах Тулы, Люблино, Тамбова, Борисоглебска, Мичуринска, Саратова, Горького, Иванова, Орла.

Основные наступательные действия в летней кампании планировались на харьковском направлении. Предусматривалось окружить и уничтожить крупную группировку войск противника, находившуюся на этом направлении, и вернуть крупнейший промышленный центр Украины – Харьков. Далее, после перегруппировки, предполагалось продолжать наступление в направлении Днепропетровска и Синельниково; имелось в виду лишить противника главных переправ на Днепре.

Проведение харьковской наступательной операции планировалось осуществить в основном силами двух фронтов: Юго-Западного и Южного.

Юго-Западный фронт начал наступление 12 мая 1942 года. Первоначально события развивались по плану. В течение пяти дней войска фронта прошли с боями до 40–50 километров. Но неожиданный удар сильной танковой группировки генерала Клейста утром 17 мая поставил наше наступление под угрозу срыва.

Немецкие танки, нацеленные на южный фас так называемого Барвенковского выступа, прорвались в глубь обороны Южного фронта. Противник захватил Барвенково. Таким образом, враг вышел в тыл ударной группировки наступающего Юго-Западного фронта. Почти

---

¹⁵ Небезынтересно отметить, что если в ноябре 1941 года, в период наступления на Москву, Гитлер рассчитывал в ближайшем будущем овладеть на юге Кавказом, а в центре Вологдой или Горьким, то весной 1942 года в цитированной выше директиве № 41 о наступлении на центральном направлении уже не упоминается; речь идет лишь о необходимости добиться падения Ленинграда и овладеть Кавказом.

одновременно противник нанес удар из района Балаклея силами двух танковых и одной пехотной дивизий.

Особенно тяжелое положение сложилось, когда противник 21–22 мая нанес удар: а) силами двух танковых дивизий из района Андреевка на Червонный Донец навстречу группе Клейста, б) силами до четырех дивизий из района Протопоповка, Загородная в северном направлении на Чепель и в) из Чугуевского выступа также навстречу Клейсту. Прорвав нашу оборону, танки противника отрезали наши войска от переправ на реке Северный Донец. 23–26 мая была сделана отчаянная попытка прорвать кольцо окружения, но успеха она не имела. До конца месяца из окружения вышли лишь разрозненные отряды наших войск. Наступательной операцией в районе Харькова (ее условное наименование «Фредерикус») противник добился ликвидации нашего плацдарма в районе Барвенково, Лозовая и захвата выгодного рубежа для развития наступления на левобережье Северного Донца.

Основная причина поражения наших войск под Харьковом кроется, несомненно, в ошибочности общего стратегического плана на лето 1942 года. Неудачно было выбрано направление главного удара, причем ни на одном из участков советско-германского фронта это наступление не было поддержано, что дало возможность противнику безбоязненно маневрировать своими силами и средствами. Планирование нашего наступления на данном участке не учитывало намерений противника, избравшего его также для своих наступательных действий.

Вместе с тем имелись ошибки и более частного характера, связанные с просчетами разведки и командования Юго-Западного и Южного фронтов. Так, разведка Юго-Западного фронта примерно на 30 % преуменьшила силы врага, несвоевременно установила подход его резервов. Нашему командованию не удалось добиться внезапности в нанесении удара; в то же время контрнаступление противника явилось для нас ошеломляюще неожиданным.

Однако при всех этих обстоятельствах возможно было избежать катастрофы под Харьковом в том масштабе, в каком она разыгралась в конце мая. Для этого после первого же удара врага 17 мая следовало немедленно прекратить наступательные действия, что не было разрешено, несмотря на настоятельные просьбы¹⁶.

Как же начала осуществлять свои планы немецко-фашистская сторона? Гитлеровская ставка занялась прежде всего обеспечением наиболее уязвимых мест своей обороны, какими были Крым и район Харькова (о котором я только что сказал).

Что касается действий в Крыму, то там мы понесли значительные потери в мае. 8 мая противник перешел в наступление на Керченском полуострове. Основным удар, нанесенный силами трех пехотных дивизий при поддержке морского десанта, привел к прорыву фронта. Была оставлена Феодосия. Наши войска начали беспорядочный отход к Керченскому проливу. 19 мая организованное сопротивление наших войск в этом районе прекратилось. Основной причиной серьезного поражения на этом участке было неудачное (линейное) построение нашей обороны (от которого нельзя было отказаться в силу настойчивых требований Ставки Верховного Главнокомандования) и отсутствие резервов. Захват Керченского полуострова позволил противнику перебросить главные силы 11-й армии (командующий Манштейн) в район Севастополя, что в значительной степени обусловило падение этого важнейшего стратегического пункта, несмотря на выдающийся героизм его защитников (Севастополь был оставлен 3 июля).

Параллельно развернулась наступательная операция противника в районе Харькова. О реализации этого плана говорилось выше.

Закончив довольно успешно подготовку к главной операции, гитлеровская ставка приступила к выполнению своего основного плана. Но здесь-то фашистских стратегов и ждало жестокое разочарование.

---

¹⁶ Разрешение на это тщетно просил у Ставки член Военного совета Юго-Западного направления Н.С. Хрущев.

Сравнительно подробное изложение этих событий сделано генерал-майором бывшей немецко-фашистской армии Гансом Дёрром в его книге «Поход на Сталинград», изданной в Западной Германии в 1955 году. Для осуществления плана летней кампании 1942 года предусматривалось проведение четырех операций:

«1. Прорыв на Воронеж (2-я армия и 4-я танковая армия).

2. Разгром противника перед фронтом 6-й армии, западнее Дона.

Для выполнения этой задачи: а) 6-я армия осуществляла прорыв из района восточнее Харькова на восток; б) одновременно 4-я танковая армия, наносившая удар на Воронеж, поворачивала вдоль Дона на юг с задачей во взаимодействии с 6-й армией уничтожить противника западнее Дона.

3. Наступление на Сталинград:

силами группы армий «Б» (6-я армия и 4-я танковая армия) вниз по течению Дона на юго-восток;

силами группы армий «А» (17-я армия и 1-я танковая армия) из района восточнее Таганрог, Артемовск через нижнее течение Донца и затем на северо-восток вверх по течению Дона.

Обе группы армий должны были соединиться в районе Сталинграда и путем захвата или обстрела лишить этот город его значения как центра военной промышленности и узла коммуникаций.

4. Завоевание Кавказа»¹⁷.

Мнение Дёрра о том, что операция по овладению Сталинградом была наиболее важной из ближайших задач летней кампании, соответствует действительности.

В конце июня, т. е. в начале летней кампании 1942 года, расположение группы армий «Юг», разделенной впоследствии на группы армий «А» и «Б», представлялось в следующем виде: 11-я армия – в Крыму; 14-й танковый корпус – несколько севернее Таганрога; 17-я армия вместе с итальянским экспедиционным корпусом – в районе Сталино (восточнее); 1-я танковая, 6-я и 4-я танковая армии – в районе Изюм, Харьков, Курск. 2-я венгерская и 2-я немецкая армии были расположены под Курском: первая – юго-восточнее, вторая – севернее города; эти армии вместе с 4-й танковой составляли армейскую группу генерал-полковника фон Вейхса. В резерве оставалось восемь дивизий, из них две немецкие.

Началом комплекса летних операций 1942 года послужило начавшееся 28 июня наступление 2-й, 4-й танковой и 2-й венгерской армий (группа Вейхса) из района восточнее Курска на Воронеж. Целью этого удара было обеспечить северный фланг всей наступающей группировки немецко-фашистских войск и создать предпосылки для поражения наших войск западнее Дона. Главный удар приходился южнее железной дороги Курск – Воронеж в восточном направлении; осуществлявшая его 4-я танковая армия имела задачей выйти к Дону. В связи с упорным сопротивлением наших войск эта задача была выполнена к назначенному сроку (до 6 июля) лишь в основном: врагу не удалось овладеть всем городом, в частности университетским городком, не была форсирована река Воронеж и, главное, железнодорожная линия Москва – Ростов не была перерезана; все это – при наличии явного преимущества в силах и средствах на стороне гитлеровцев.

Генерал Дёрр, описывая эти события, стремится отнести неудачи группы Вейхса на счет непоследовательности Гитлера, который якобы проявил колебания в вопросе о захвате Воронежа. Это, конечно, стремление обелить своего шефа фон Вейхса, которому Дёрр и посвятил свой труд. В действительности дело здесь в том, что враг допустил просчет в оценке наших сил в районе Воронежа и их способности к сопротивлению.

Вслед за этой операцией началась реализация второго акта общего плана действий: попытка ликвидировать советские войска в районе западнее Дона. Врагу и на этот раз не уда-

---

¹⁷ Дёрр Г. Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957. С. 17–18.

лось достигнуть полностью поставленной цели: наши войска успели организованно уйти за Дон¹⁸. 9 июля немецкие части вышли к Кантемировке. Перед этим была произведена перегруппировка: группа армий «Юг» разделилась на группы армий «А» и «Б», о чем уже упоминалось выше. Войска противника изготавились к наступлению на Сталинград. Главная роль в этой операции отводилась первоначально группе армий «А» в составе 17-й, 1-й танковой, а позднее (с 14 июля) и 4-й танковой армий. Одновременно группа армий «Б» в составе 6-й, 2-й венгерской и 8-й итальянской армий получила задачу продолжать движение на восток и создать оборону по рубежу реки Дон.

Так в основном развивались события на фронтах в предавгустовские дни 1942 года, когда я лежал в госпитале после ранения под Понизовьем в районе действий 4-й ударной армии.

Немецкие военные писатели, в частности Дёрр, этим моментом обуславливают провал всего так называемого похода на Сталинград; самый просчет приписывается целиком Гитлеру. Несомненно, дальнейшее продвижение на Сталинград 4-й танковой армии поставило бы наши войска, получившие задачу оборонять дальние подступы к городу, в тяжелое положение. Однако это, конечно, ни в коем случае не означает, что Сталинград был бы взят с ходу. Дело в том, что уже 8 июля 62-я армия заняла оборону на рубеже Клетская, Суровикино; кроме того, навстречу наступавшему врагу также выдвигалась 64-я армия. Что касается просчета, то его следует отнести на счет фашистской разведки, которая фальшивыми данными ввела, видимо, в заблуждение и германский генеральный штаб, и самого фюрера.

---

¹⁸ С этим шагом германского командования связан грубый стратегический просчет. Дело в том, что гитлеровская ставка считала, что в районе севернее Ростова сосредоточены наши главные силы. Желая устроить котел, т. е. окружить и уничтожить эти «главные силы», вражеское командование повернуло 4-ю танковую армию, двигавшуюся на Сталинград, и в частности ее 40-й танковый корпус, достигший к 9 июля рубежа реки Чир у Боковской, круто на юг. Авангардные же части 6-й армии вышли сюда лишь через неделю, 17 июля.

Глава II

Первые шаги в Сталинграде

*Не ураган ворвался в степи,
Не хлынул с неба гром и град, —
То, словно спущенные с цепи,
Фашисты рвутся в Сталинград.*

Ранним утром 4 августа, еще до восхода солнца, серебристый «Дуглас» вырулил, поднимая тучи пыли, к старту, яростно взревел моторами и, пробежав по бетонной дорожке центрального аэродрома, взмыл в ясную голубизну московского неба. Его курс лежал на юго-восток, к городу, который дорог теперь всем честным людям на земле, — к Сталинграду.

Пассажиров было человек десять, в большинстве командиры, назначенные в штаб вновь создаваемого фронта, здесь были также военфельдшер Нина Гриб¹⁹, прикомандированная ко мне доктором Капланом, и мой адъютант Дубровин.

Меня целиком поглотили планы предстоящей борьбы с сильным, наглым и жестоким врагом, известным мне по опыту боев на западе и северо-западе: под Смоленском и Ярцевом, а затем под Брянском, Пено, Андреаполем, Торопцом, Велижем. Но если подумают, что я строил всеобъемлющие «стратегические» расчеты на продолжительные сроки, это будет ошибкой. Нет, я рассчитывал каждый свой шаг на ближайшие несколько дней, быть может, неделю; занимали мысли, как сформировать штаб, как разместить его, как надежнее взять управление войсками в свои руки, как быстрее изучить оперативную обстановку, как расставить своих непосредственных подчиненных. Мысли одна за другой фиксировали план по дням и даже часам: поездки в войска, на оборонительные обводы, встречи с руководителями партийных и советских органов города и области, меры по налаживанию службы тыла. В моих размышлениях было много «прозаических деталей», о которых мало говорят, но которые отнимают уйму времени при их осуществлении.

В основном же мысли сосредоточивались на главном, на том, как лучше, эффективнее и полнее практически провести в жизнь решения, которые были приняты накануне, с чего лучше начать эту работу.

В полной мере я отдавал себе отчет в сложности дела, порученного мне партией. Предстояло возглавить фронт, оборонительная линия которого на дальних подступах к городу, по реке Дон, была уже прорвана врагом в нескольких местах. Было известно, что неприятель там сосредоточил свои отборные силы, пытаясь в короткий срок овладеть важнейшим стратегическим центром юга нашей страны. На стороне опытного, сильного и изворотливого врага было превосходство как в численном отношении, так и в технике.

Однако, несмотря на чрезвычайную сложность положения, сомнений в успешном для нас развитии Сталинградской операции не было. Уверенность эта возникла у меня еще во время первой беседы в Кремле, когда я понял, что Сталинградская операция по решению партии должна явиться важной вехой на пути к нашей победе. Это было одно из тех решений партии, на выполнение которых мобилизуется весь советский народ. Воля советских людей к победе, их мужество и самоотверженность направлялись партией к одной цели — остановить врага у Сталинграда.

---

¹⁹ Нина Ивановна Гриб впоследствии стала женой А.И. Еременко. — *Примеч. Т.Е.*

Мысленно не раз строго проверял себя, насколько я, как военачальник, готов к выполнению полученного важнейшего боевого задания, насколько собраны и мобилизованы мои душевные силы, знания и умение – словом, все, что необходимо для борьбы и победы.

После четырехчасового полета мы вышли к Волге, попав в прифронтовую полосу; отсюда наш корабль сопровождало несколько истребителей. Самолет взял курс на юг над серебристо-голубой полосой реки. С небольшой высоты (500–600 метров), на которой мы шли, видимость была прекрасная. Внизу сменялись одна за другой чудесные картины русской природы с их необычайным богатством красок. Ключом била в тяжелые военные дни кипучая, трудовая жизнь нашего народа в городах и селах, раскинувшихся по обеим сторонам реки. Необъятные просторы, открывавшиеся перед нами, наполняли наши сердца чувством высокой гордости за нашу Родину, за ее людей, вступивших в беспрецедентное в истории единоборство с коварным врагом.

Чем дальше продвигались мы на юг, тем все больше и больше чувствовалась близость фронта: большими и малыми группами устремлялись наши самолеты за передний край для выполнения боевых задач; оживленнее стали дороги, по которым сплошной лентой двигались войска, за ними тянулись обозы; по берегам и руслу самой реки в разных местах дымились пожары; одни из них уже угасали, другие разгорались. Вот показались густые клубы черного дыма, высокими столбами вздымавшегося к небу. До них еще далеко, но прозрачность воздуха, скрадывая расстояние, приближала их. Это был Сталинград. Севернее его горели нефтеналивные суда, зажженные авиацией противника.

При подходе к городу самолет, не снижая высоты, направился к северной его части. Здесь уже действительно по-настоящему запахло фронтом. В стороне от нас то здесь, то там в воздухе возникали облака дыма, и, заглушаемые ревом наших моторов, раздавались разрывы снарядов нашей зенитной артиллерии, обстреливавшей самолеты противника.

Величественная панорама раскинувшегося вдоль Волги на десятки километров Сталинграда – города, дорогого сердцу каждого советского патриота, города, у стен которого советскому народу суждено было дважды отражать врагов нашего государства. Около трех столетий прошло со времени основания Царицына. Однако Сталинград казался совсем молодым: в предвоенные пятилетки он пережил свое второе рождение, превратившись в мощный индустриальный центр. В ясной синеве летнего неба четко вырисовывались бесчисленные трубы заводов и фабрик. Громады производственных корпусов перемежались с кварталами многоэтажных благоустроенных жилых домов рабочих поселков. Яркие пятна зелени садов и парков и серо-голубая лента Волги, обрамлявшая город, делали картину еще более привлекательной.

Видны уже движущиеся трамваи, автомашины, обозы, отдельные колонны войск. По реке скользят пароходы, речные трамваи, множество лодок. Трудовое оживление бурлило всюду; оно чувствовалось на пристанях, вокзалах, заводских и фабричных территориях. Большой город жил напряженной жизнью военного времени.

Сделав круг над северной частью города, наш самолет пошел к центральному аэродрому на посадку.

Хотя раньше в Сталинграде я не бывал, город показался мне давно знакомым, родным, и не только потому, что я тщательно изучил его по картам, планам, рассказам очевидцев и описаниям в справочниках и книгах, но главным образом, по-видимому, потому, что в течение последних дней я мысленно жил жизнью этого города, заботами и нуждами его граждан и войск.

Солнце стояло еще высоко, когда мы вышли из кабины самолета. Поблагодарив летчиков за удачный перелет, я на автомашине Н.С. Хрущева отправился к нему на квартиру. Быстро промчались мы по городским улицам от северной окраины к центру.

Труженики города как в незабываемую эпоху Гражданской войны, так и в годы социалистических пятилеток с невиданной самоотверженностью боролись здесь за победу сво-

его правого дела. Сейчас население города и прилегающих районов вновь грудью встало на борьбу против жестокого врага, угрожавшего самому существованию социалистической державы; большинство жителей города трудились на возведении оборонительных сооружений на сталинградских обводах.

Н.С. Хрущев жил в центре города вместе с тогдашним командующим войсками Сталинградского фронта генерал-лейтенантом В.Н. Гордовым. Здесь и произошла наша встреча с Никитой Сергеевичем Хрущевым, которого я знал ранее лишь по его необычайно плодотворной работе в Москве и на Украине, видел много раз, но лично не был с ним знаком. Никита Сергеевич, в свою очередь, знал меня лишь понаслышке.

Войдя в дом, я сразу же встретился с Н.С. Хрущевым. Мы познакомились, обменявшись обычными в таких случаях приветствиями и фразами о здоровье; Никита Сергеевич указал отведенную мне комнату, куда я и прошел. Это была небольшая комната; в ней кровать, два стула, раскладной стол, стоявший в красном углу. Не успел я войти, как резко зазвучал зуммер полевого телефона на столе. Подняв трубку, по привычке ответил: «Первый слушает», – то был мой позывной в 4-й ударной армии. Проверили линию.

На столе лежала карта с обстановкой под Сталинградом по состоянию на вчерашний день. Наскоро умывшись, я сразу же взялся за нее; ее данные были, конечно, более свежими, чем те, с которыми я ознакомился в Генеральном штабе. За этим занятием и застал меня Никита Сергеевич, зашедший ко мне через несколько минут.

Никита Сергеевич незадолго до моего приезда возвратился из поездки по войскам. Вместе с товарищем Гордовым они были в районе города Калач на участках 64-й и 62-й армий, где начиная с конца июля шли особенно напряженные бои.

Наша беседа сразу же, естественно, сосредоточилась на положении, сложившемся на фронте. Никита Сергеевич кратко, но с глубоким знанием действительной обстановки рассказал о поездке, о тяжелом положении, создавшемся на участках обеих армий. Он подчеркнул:

– Положение на участках 62-й и 64-й армий требует форсировать оборонительное строительство с максимальной энергией. Противник нас теснит, а причина этого, к сожалению, не только в превосходстве его сил, но и в недостаточной организованности среди части наших войск, в неумении отдельных командиров и политработников привить каждому солдату упорство и стойкость в бою. Не все обстоит благополучно и в отношении руководства войсками со стороны командования фронтом, я имею в виду товарища Гордова. Полагаю, что эти недостатки нам удастся изжить в самое ближайшее время. Уверен, что в Сталинграде мы расквитаемся с фашистами за Харьков и Крым.

С первого взгляда Н.С. Хрущев показался мне утомленным, усталым, но озабоченность, взволнованность, с которыми он вел беседу, говорили о другом, о том, что он полон энергии: его голос, жесты были исполнены бодрости и решительности. Рабочая простота, душевность сразу же располагали к нему собеседника. Он производил впечатление человека одаренного, человека большого ума, который знает что-то такое, особенно важное, что дает ему возможность решать самые трудные задачи.

По всем четырем комнатам квартиры неутомимо носилась Мария Ивановна, присматривавшая за несложным «домашним хозяйством» командующего и члена Военного совета. Сейчас она хлопотала по поводу чая, которым собиралась угостить и хозяев, и гостя.

Никита Сергеевич с весьма серьезным видом подзадоривал ее:

– Смотрите не ударьте лицом в грязь перед московским гостем, а то опозорите сталинградцев, будут думать, что мы народ сухой и негостеприимный.

Мария Ивановна, принимая шутки за чистую монету, молчала к с еще большим рвением гремела посудой.

Никита Сергеевич сказал, что ему вчера позвонили из Москвы и сообщили о цели моего приезда.

– Но пока об этом ничего определенного я никому не говорил, – добавил он. – Правда, штаб сейчас готовит необходимые материалы для осуществления организационных мероприятий, анализирует и обобщает обстановку на всех участках фронта, обрабатывает данные разведки о силах противника и его намерениях.

– Пока эта работа будет сделана, мы подкрепимся, побалуемся, по русскому обычаю, чайком.

Я с удовольствием принял приглашение к чаю. Все прошли в соседнюю комнату, кабинет товарища Хрущева, превращенный хлопотами Марии Ивановны в домашнюю столовую. Меня Никита Сергеевич посадил рядом с собой; за стол также сели генерал Гордов, помощник Никиты Сергеевича полковой комиссар Тапочка и его порученец полковник Сычев.

За столом завязалась оживленная беседа, главным в которой оставалось положение на участках 62-й и 64-й армий; делились свежими впечатлениями о поездке в Калач. Я внимательно прислушивался к товарищу Гордову, у которого, как мне показалось, в результате этой поездки поколебалась уверенность в возможности остановить наступление противника; некоторая растерянность и нервозность в его поведении насторожили меня. Его дальнейшее поведение удивило меня еще больше. Бегло ознакомившись с привезенной мной директивой о разделении фронтов, он молча возвратил ее и, сославшись на усталость, ушел к себе. Он даже не спросил, какая помощь потребуется с его стороны для осуществления очень большого срочного организационного мероприятия.

Командный пункт, где были оперативная группа и узел связи, размещался в подземелье, вырытом в виде штольни, вблизи от дома, в котором мы жили. Вход в нее находился со стороны русла Царицы. В штольне, приготовленной под командный пункт заранее, свободно размещались главные узлы управления штаба фронта. Все это сооружение было устроено в виде буквы «П» и имело два выхода, оба в сторону реки Царицы. К подземному сооружению имелось также два подхода; один из них – пеший – шел прямо от домика, где находились мы, и представлял собой многоколенчатую деревянную лестницу, примерно с двумя сотнями ступеней, укрепленную на почти отвесном скате оврага; второй, служивший подъездом, вел круглым путем, начинаясь там, где более пологие берега оврага позволяли постепенно свернуть к ровному и широкому дну этой громадной балки. Так как с большой ногой трудно было преодолеть почти отвесную дорожку, я воспользовался машиной, а Никита Сергеевич спустился по лестнице.

Придя на командный пункт, я прежде всего с разрешения Гордова заслушал начальника штаба генерал-майора Д.Н. Никишева об обстановке на фронте.

Доклад товарища Никишева ввел меня в курс дела, но не удовлетворил, во многих вопросах, затронутых им, не было необходимой конкретности и ясности, что следовало отнести за счет недостаточно четкой работы нашей разведки. Чувствовалось, что начальник штаба недостаточно изучил войска, его штаб не сумел наладить четкого управления. Прежде я не знал генерал-майора Никишева, а наша первая беседа оставила у меня, к сожалению, неблагоприятное впечатление.

Из доклада начальника штаба я мог почерпнуть лишь самые общие сведения о силах фронта и развитии боевой обстановки. Поэтому, чтобы составить более полное представление о происходящем, пришлось поработать дополнительно.

Постараюсь коротко изложить ход событий, относящихся к первому этапу обороны Сталинграда, с учетом и тех данных, которых я тогда не мог знать в полном объеме.

В начале июля, как отмечалось выше, Ставка Верховного Главнокомандования спешно выдвинула из своего резерва три армии (62, 63 и 64-ю) в составе четырех-пяти стрелковых дивизий каждая. В целях координации их действий 12 июля был создан Сталинградский фронт. Его оборонительная линия проходила по рубежу Павловск, Серафимович, Суровикино, Верхне-Курмоярская. В конце июля фронт был пополнен еще рядом соединений, в том числе вновь формируемыми танковыми армиями.

В 20-х числах июля войска фронта развернулись и заняли оборону по левому берегу Дона от населенного пункта Бабка до станиц Цимлянская, Константиновская. В Сталинграде сосредоточились небольшие оперативные резервы.

В это же время развернулось строительство оборонительных рубежей – обводов. Немалую помощь в этом деле оказали Сталинградский областной комитет ВКП(б) и городской комитет обороны, по призыву которых на помощь 5-й саперной армии в строительстве оборонительных рубежей ежедневно выходило от 100 до 180 тысяч человек гражданского населения города и области. Тем не менее к началу боев в излучине Дона сооружение их было произведено лишь на 50 %, а в их расположении на местности были допущены, к сожалению, ошибки, о чем подробнее скажу ниже.

Когда вражеские войска вышли в район Кантемировки (9 июля), их основной дальнейшей задачей было концентрическими ударами в направлении Сталинграда уничтожить наши войска и захватить город.

Боевые действия на сталинградском направлении открылись 17 июля выходом гитлеровцев на рубеж реки Чир.

В результате героических действий передовых отрядов 62-й и 64-й армий на реках Чир, Цимла и ударов нашей авиации по колоннам и скоплениям врага его наступление в период с 17 по 22 июля развивалось медленно, и он смог выйти к рубежу, занимаемому главными силами войск Сталинградского фронта, лишь 22 июля, что дало возможность советскому командованию выиграть время для усиления обороны войск 62-й армии и выдвинуть 64-ю армию на западный берег Дона. Героическое сопротивление передовых отрядов вынудило немецкое командование начать усиление своих войск на сталинградском направлении, к концу июля враг имел здесь до 30 дивизий и более 1200 самолетов. В результате усиления войск, наступавших на Сталинград, противник на направлениях своих ударов превосходил войска 62-й и 64-й армий в людях более чем в 1,5 раза, в артиллерии и минометах – в 2–3 раза и в авиации более чем в 3 раза.

23 июля враг атаковал правый фланг 62-й армии (схема 2). В итоге боев, продолжавшихся почти трое суток, противник прорвал фронт армии, зажал в кольцо ее правый фланг (две дивизии) и вышел в район Верхне-Бузиновка, Манойлин. Здесь развернулись ожесточенные бои, длившиеся до начала августа. Советские воины проявили исключительную стойкость. 24 июля на одну из дивизий наступало до 150 танков, из них 35 было выведено из строя простейшими противотанковыми средствами. В результате предпринятых командованием фронта двух контрударов положение в известной степени было выправлено. Противнику не удалось окружить 62-ю армию, и он не был допущен к переправам через Дон в районе Вертячий, Калач. Первый контрудар был нанесен 25 июля из района Калача в северо-западном направлении силами 1-й танковой армии, а второй – силами 4-й танковой армии 27 июля из района Трехостровской в западном направлении. Эти армии были переданы из резерва Ставки в состав Сталинградского фронта с целью разгрома прорвавшейся группировки и восстановления положения на участке 62-й армии.

Однако следует отметить, что задача разгрома противника, прорвавшегося в район Верхне-Бузиновки, и восстановления утраченного положения 62-й армии не была полностью выполнена. Главными причинами этого было то, что 1-я и 4-я танковые армии еще не закончили своего формирования и были слабыми по своему составу; сыграла отрицательную роль и неодновременность их контрударов, что позволило врагу последовательно отразить их.

25—26 июля враг повел наступление и против 64-й армии. Противник потеснил ее войска, которые отошли на рубеж Суровикино, Рычковский, но дальше враг продвинуться не смог. Стойкость и активность личного состава армии стабилизировали здесь фронт.

Несмотря на то что оборонительные бои в силу сложившихся обстоятельств нам пришлось вести в очень тяжелых условиях, немецко-фашистское командование не смогло осуще-

ствить взаимодействие между своими северной и южной группировками, а значит, и окружить наши войска, оборонявшиеся на западном берегу Дона. Переправиться через Дон в это время враг не смог. Первая попытка врага взять Сталинград с ходу кончилась провалом. Вражеское наступление свелось к фронтальным действиям. Основные силы 6-й немецкой армии были вынуждены втянуться в затяжные бои на правом берегу Дона и до подхода свежих сил перейти к обороне. Однако положение советских войск, оборонявшихся в излучине Дона, оставалось сложным. Оба фланга 62-й армии оказались глубоко охваченными противником. Отход части сил 64-й армии за Дон в районе Нижне-Чирская и выход противника в этот район создавали угрозу нанесения вражеского удара на Сталинград с юго-запада. Но к сожалению, из доклада начальника штаба я не мог сделать столь ясную оценку обстановки.

Характеристика командующих соединениями, данная товарищем Никишевым, также, на мой взгляд, была неполной, но здесь мне помогли мои знания подавляющего большинства из них по совместной учебе и службе.

Кто же возглавлял армии фронта, противостоявшие противнику?

63-я армия, действовавшая на правом фланге, возглавлялась опытным и волевым генерал-лейтенантом В.И. Кузнецовым, которого я знал еще в мирное время. 4-я танковая армия, части которой оборонялись на самом восточном участке излучины Дона, примыкавшем к Иловлинской долине, вела борьбу под руководством генерал-майора В.Д. Крючёнкина. О нем, к сожалению, я не имел достаточного представления, хотя и встречался с ним в мирное время. До войны он был хозяйственным работником, одно время находился на должности начальника снабжения 5-й кавалерийской дивизии, работал хорошо и впоследствии был переведен на строевую работу. О его успехах на этом поприще я не имел достаточного представления, но, судя по первым впечатлениям, я считал, что он способен справиться с кругом обязанностей строевого командира. В дальнейшем эта оценка полностью подтвердилась: товарищ Крючёнкин оказался способным и храбрым командармом.

Генерал-лейтенант А.И. Лопатин, армия которого действовала на западном берегу Дона у города Калач, был моим подчиненным в мирное время. Это как раз та знаменитая 62-я армия, которая приняла на себя вместе с 64-й армией первый удар гитлеровцев, а затем в период всей Сталинградской битвы находилась в центре событий. Генерал Лопатин был командиром 6-й Чонгарской имени Буденного дивизии в то время, когда я командовал 6-м казачьим корпусом в Белоруссии. Под моим командованием он оказался потом и на Дальнем Востоке в 1-й Краснознаменной армии в качестве командира корпуса. Это был требовательный, энергичный, храбрый, хорошо подготовленный командир.

Здесь следует отметить, что 62-я армия, взаимодействуя с частями генерал-майора К.С. Москаленко (1-я танковая армия)²⁰, в течение нескольких последних дней вела упорные бои с превосходящими, главным образом танковыми, силами противника, который, понеся большие потери (нам эти бои также стоили очень дорого), вынужден был отойти и перенести свой удар на новый участок, южнее первоначального.

В то время, когда генерал Никишев докладывал обстановку, 62-я армия, загнув фланги, вела бои западнее Дона, в районе города Калач.

К юго-западу от Сталинграда, южнее 62-й армии, от Калача до Верхне-Курмоярской и южнее действовала 64-я армия под командованием генерал-лейтенанта М.С. Шумилова. По этой армии в то время противник наносил свой главный удар силами 4-й танковой армии генерала Гота, который уже четко обозначился вдоль железной дороги Котельниково – Аксай – Абганерово – Сталинград.

Товарищ Шумилов обладал хорошими военными способностями, сильной волей, здравым смыслом и глубокими знаниями в области оперативного искусства. Уже в первых сраже-

---

²⁰ 1-я и 4-я танковые армии почти не были укомплектованы танками.

ниях Великой Отечественной войны он показал себя как военачальник, который в самой сложной и угрожающей обстановке не теряет присутствия духа и не поддается панике.

Заместителем М.С. Шумилова был генерал-лейтенант В.И. Чуйков. Накануне он был переведен с должности командарма в связи с якобы допущенными им ошибками в руководстве войсками. Перемещение товарища Чуйкова было едва ли обоснованным. Наши встречи с ним в предвоенные годы оставили у меня благоприятное впечатление о нем как об очень способном командире.

На участке от Котельниково и далее на юг на широком фронте отходили остатки 51-й армии, понесшей большие потери в предыдущих боях. Обязанности командарма 51-й исполнил генерал-майор Т.К. Коломиец, заместитель командующего армией. Учившийся вместе со мной в Академии имени М.В. Фрунзе, он запечатлелся в моей памяти как компанейский, покладистый, веселый товарищ, однако ему недоставало организаторских навыков и волевых качеств, он был несколько вял и малоподвижен. Все это сказалось теперь на практике.

Таким образом, из всех командующих армиями фронта я не имел никакого представления лишь о двух: о генерал-майоре А.И. Данилове, части которого (21-я армия) обороняли второстепенное направление, левее 63-й армии, и генерал-майоре Н.И. Труфанове, командующем 51-й армией (в это время генерал Труфанов находился в госпитале).

Кстати сказать, применявшийся в наших Вооруженных Силах в мирное время принцип перемещений, периодические учебные сборы и другие методы общения командного состава по службе имели очень большое практическое значение, поскольку позволяли нам узнавать друг друга, получать личное впечатление о качествах товарищей, с которыми затем пришлось вместе делить страданные дни войны.

Вывод, сделанный мной по докладу генерала Никишева, если не принимать во внимание оценку самого доклада, заключался в необходимости принять самые срочные меры по организации обороны, налаживанию управления и взаимодействия войск; совершенно очевидному численному превосходству противника необходимо было сейчас противопоставить организованность, инициативу и стойкость.

Два слова о численном превосходстве противника над нашими силами под Сталинградом. У изучающего этот вопрос возникает недоумение. Ведь соединений, именуемых армиями, у нас было больше, чем у гитлеровцев. Это несоответствие явилось результатом организационных мероприятий, проведенных незадолго до описываемого периода.

В начале войны, как известно, структура наших Вооруженных Сил выглядела следующим образом: во главе всех Вооруженных Сил стоял Верховный Главнокомандующий, ему непосредственно подчинялись командующие фронтами, им подчинялись командующие армиями, последним подчинялись корпуса, командирам корпусов – дивизии, командирам дивизий – полки и командирам полков – батальоны. Это командная лестница, по которой шло управление.

Естественно, что с началом войны наша армия начала разворачиваться по штатам военного времени. Произошло большое выдвижение новых кадров, которые передвигались на одну или даже на две ступени выше. Наши командные кадры, в основном хорошо подготовленные, не имели ни опыта войны, ни опыта управления большими массами войск. Это, как только началась война, стало заметно ощущаться: то запоздают боевые распоряжения в связи с медленной обработкой их в штабах, то возникнут пробелы в организации боя и управлении войсками. Командарм же зачастую «не доходил» до дивизии, являвшейся основной тактической единицей, самостоятельно организующей и ведущей общевойсковой бой.

В начале войны для упрощения управления войсками Государственный Комитет Обороны принял следующее решение: до тех пор пока у наших командных кадров не будет необходимого опыта в руководстве войсками, следует упразднить корпусное управление с целью приблизить командарма к дивизиям. При корпусной системе в армии было по 9—10 дивизий

с 3–4 корпусными управлениями. Молодой командарм, вчерашний командир дивизии, не мог по неопытности охватить конкретным руководством всю эту махину. С упразднением корпусов дело сразу же выиграло. Командарм получал в свое подчинение 4–5 дивизий и довольно легко с ними справлялся. Он уже выступал как организатор боя дивизий и даже полков, резко улучшилось взаимодействие между родами войск и т. д.

Упразднение корпусов было необычным, но очень острым и своевременным решением вопроса. Оно сыграло тогда большую роль, особенно в период обороны Сталинграда.

Теперь структура управления имела следующую схему: полк – дивизия – армия.

В составе же каждой немецко-фашистской армии было четыре корпуса, а в каждом из них – от трех до пяти дивизий. Таким образом, наша армия того времени по своему составу равнялась немецкому корпусу, нередко уступая ему по численности.

Докладом товарища Никишева я был недоволен не только потому, что Никишев неважно знал состояние дел на фронте, но главным образом потому, что он высказал совершенно неприемлемые наметки ближайших действий фронта, заключавшиеся в том, чтобы значительно усилить правофланговую армию, собрать здесь сильный кулак и нанести фланговый удар по войскам противника с севера на юг по западному (правому) берегу реки Дон для того, чтобы помочь 62-й армии и 4-й танковой армии удержать занимаемый ими рубеж. Идея этого намерения на первый взгляд была хорошей, но при складывавшейся обстановке попытки осуществить его могли сыграть на руку врагу.

Главная ошибка этого плана заключалась в том, что для создания такого ударного кулака не созрела обстановка. Подобный замысел мог быть осуществлен с успехом лишь в том случае, если бы мы располагали свободными оперативными резервами и временем; мы же не имели ни того ни другого. В сложившихся условиях для реализации этого замысла пришлось бы снимать с главного направления, прикрывающего Сталинград, последние резервы и средства усиления. Такое решение совершенно не отвечало задачам, которые стояли перед войсками Сталинградского фронта в тот момент. Было совершенно ясно, что противник рвется к Сталинграду, стремясь захватить город с ходу. Игнорируя это, командование Сталинградского фронта вместо того, чтобы усилить главное направление, прикрывающее Сталинград с запада, ослабляло это направление и уводило войска далеко от Сталинграда на расстояние 100–120 километров.

По изложенному замыслу действий я, как завтрашний сосед Сталинградского фронта с юга, высказал свои замечания. Суть их сводилась к следующему.

Планы маневра на север и удара оттуда по противнику через переправы на реке Дон были чреваты двумя весьма опасными последствиями:

а) активные действия авиации при ее подавляющем господстве могли сковать действия войск, наносивших контрудар, или даже обескровить их, и тогда, естественно, 62-я и 4-я танковая армии не получили бы никакой помощи при ослаблении войск, оборонявшихся на направлении главного удара противника;

б) при нанесении врагом удара в ближайшие дни, в чем не было особых сомнений (если иметь в виду активность гитлеровцев в районе Калача), противник, находившийся в 100 километрах от Сталинграда, упредил бы контрудар с севера и прорвал бы нашу оборону ранее, чем северная группировка, находившаяся в 120–130 километрах от Сталинграда, смогла бы что-либо предпринять.

Сделав эти замечания и будучи уверен в том, что попытка исполнить этот замысел в данный момент нанесет большой ущерб делу обороны Сталинграда, я попросил начальника штаба доложить мое мнение товарищу Гордову, подчеркнув, что активность сейчас нам нужна на главном направлении удара врага. Такая же активность, которая предлагается, ослабит нас; она свидетельствует о догматическом подходе к делу и является попыткой использовать устаревшую схему действий, усвоенную, видимо, на академической скамье: «Сильный удар с фланга – сковывание с фронта».

– На такой риск идти сейчас безрассудно, – заключил я.

– Генерал Гордов считает, что без большого риска нет больших успехов, – вставил товарищ Никишев.

– Эта сентенция Мольтке мне известна, – продолжал я. – Пусть ею пользуется фашистская армия, мы же должны действовать более расчетливо, не по шаблону. Лично я тоже за активность, за контрудар, но за такую активность, которая укрепляла бы нас, а не ослабляла. Сейчас главное – группировать так войска, привлекаемые для контрудара, чтобы они одним своим присутствием, размещением боевых порядков увеличивали бы нашу глубину, укрепляли бы моральное состояние наших солдат, ведущих напряженные бои. Только при этом условии войска смогут быстро нанести контрудар по самым активным частям противника, вклинивающимся в наши порядки.

Товарищ Никишев обещал доложить своему командующему мое мнение и поддержать его.

Несмотря на хорошо устроенную вентиляцию, на командном пункте дышалось все-таки тяжело. Намереваясь освежиться на воздухе, я вышел из помещения. Хотя солнце уже давно зашло, было душно; при полном безветрии термометр показывал +35°. У подошвы обрыва вился небольшой ручеек, который назывался Царицей. В крутых берегах этого ручья (речушки) и в прилегающих к нему районах размещался штаб Сталинградского фронта. Штаб вновь образовавшегося Юго-Восточного фронта в ходе его формирования предполагалось разместить в южной части Сталинграда с центром в здании одной из школ.

Возвратившись в домик, я встретился с ожидавшими меня товарищами из обкома партии, облисполкома и других гражданских учреждений.

В моей комнате сидел секретарь Сталинградского обкома партии А.С. Чуянов с несколькими товарищами из обкома и облисполкома. Положение Сталинграда с каждым днем становилось все более напряженным. Враг приближался к городу. Товарищи хотели из первых рук узнать о решении ГКО, касающемся Сталинграда, с тем чтобы соответственно строить свою работу, носившую теперь более военный, чем гражданский характер в связи с переводом заводов и фабрик на рельсы военного производства, а в последнее время и в связи с создавшейся угрозой военного нападения непосредственно на Сталинград, где у нас находились большие запасы военного сырья и полуфабрикатов. Я рассказал товарищам коротко о том, какое значение придает Центральный Комитет событиям под Сталинградом. Подробно остановился на создавшейся обстановке. Поделился с ними также опытом, накопленным мною за истекший период войны, подчеркнув, что войска стойко будут защищать город. Сейчас главное – в укреплении обороны города. Это в данной обстановке является первоочередной задачей. Секретарь обкома сказал, что все силы и средства мобилизуются на защиту города. Продолжается возведение в нем и вокруг него укреплений, однако следовало бы подготовить некоторые объекты к эвакуации из города. Я ответил, что если мы начнем эвакуацию Сталинграда, то это может быть истолковано как решение оставить город, а нам следует приготовиться к самым ожесточенным и длительным боям. Кое-что, конечно, придется вывезти из города, но не в порядке эвакуации заводов и фабрик, а в порядке удаления того, что будет мешать боевым действиям; это – детские учреждения, многодетные семьи рабочих и служащих, которые необходимо перевезти за Волгу. Подобная мера улучшит положение в городе и сократит наши потери при бомбежках. Ведь Сталинград сейчас находится уже в зоне большого сражения. Кто-то из присутствующих заверил, что сейчас население работает с полным напряжением сил, комитет местной обороны, областные и городские органы власти создали на заводах дружины и отряды из рабочих, усиливаются пожарные команды и, главное, на заводах возрос выпуск военной продукции.

Беседа наша подходила к концу, в заключение я твердо сказал: «Сталинград не будет сдан: таково решение партии, таков приказ Ставки, нужно всемерно усиливать мобилизацию всех сил на помощь фронту, на укрепление города и прилегающих к нему районов».

Я был очень доволен, что сразу же установился тесный контакт с руководителями Сталинградской партийной организации. Надо сказать, что местные партийные и советские органы под руководством Сталинградского областного и городского комитетов ВКП(б) совместно с Военным советом фронта, прежде всего с товарищем Н.С. Хрущевым, на протяжении всей битвы проводили широкую организаторскую и агитационно-пропагандистскую работу, поднимая население на укрепление города, на упорный труд на заводах и фабриках.

Первую ночь, несмотря на большую усталость, я заснуть не мог. Дни в Сталинграде стояли жаркие, ночи – душные. Но не жара тому была причиной. В голове непрерывно рождались новые мысли. Придумываешь, примеряешь, подсчитываешь, сравниваешь, расставляешь силы. Часто встаю с койки, сажусь за стол, чтобы записать четко отложившуюся мысль, оформившееся решение. К утру был готов план организационной работы на ближайшие дни. В числе других вопросов наметил вызвать из Калача в Сталинград командующего 1-й танковой армией генерал-майора К.С. Москаленко с его штабом. Войска этой армии были переданы в состав 4-й танковой армии, так как обе армии в еще не доукомплектованном состоянии понесли значительные потери в предыдущих боях.

Весь день 5 августа потратил на то, чтобы изучить все, что должно было составить Юго-Восточный фронт, вызывал к себе командира полка связи, других своих подчиненных, знакомился, беседовал, отдавал распоряжения. Одним словом, формировал рабочий аппарат штаба фронта. Прибыли К.С. Москаленко и его начальник штаба полковник С.П. Иванов. Штаб 1-й танковой армии и составил костяк штаба Юго-Восточного фронта. Раньше я не встречался с товарищем Москаленко. Среднего роста, сухощавый, подтянутый, исполненный энергии. Внешний вид говорил о том, что человек этот немало пережил невзгод, но мужественно выдержал их удары. Полковник Иванов внешне был полной противоположностью своему командарму: плотный, высокий, краснощекий.

Ознакомившись с личным составом штаба, весьма малочисленным, я приказал к утру следующего дня, т. е. к 6 августа, развернуть этот штаб в Сталинграде и именовать его впредь штабом Юго-Восточного фронта.

Утром 6 августа я работал уже в «своем штабе», продолжая организацию, собрание, расстановку и подготовку сил и средств для отпора врагу.

Передо мной большая карта оперативной обстановки. На ней во всех подробностях изображена местность, на которой уже идет или в ближайшем будущем будет вестись жесточайшая борьба за каждую пядь советской земли. Глядя на эту карту, в силу выработавшейся привычки как-то невольно в своем воображении трансформируешь условности картографии в реальные ландшафты со всеми их «земными» особенностями. Все видишь как бы в «натуре»: улицы Сталинграда, заводские кварталы, сады, степи, раскинувшиеся вокруг, с выжженными травами, красновато-желтыми балками, глинобитными хатами, людьми, населяющими их.

Район, ставший театром военных действий, был обширен. Его условные границы проходили на западе по линии железной дороги Россошь – Ростов; на востоке – по железнодорожной линии от Палласовки до озера Баскунчак; на севере – по линии Россошь – Камышин и на юге – от Ростова по рекам Дон, Сал, далее Зимовники, Заветное, Никольское, что на Волге (схема 4).

В этих границах находились боевые линии переднего края, боевые порядки наших и вражеских войск, районы сосредоточения армейских и фронтовых резервов, а также районы расположения тылов. Боевые действия в основном развернулись сначала в большой излучине Дона, а затем на большом пространстве между Доном и Волгой, в районе, ограниченном с севера условной линией устье реки Иловля, Дубовка (на Волге), а на юге – река Сал, озеро Сарпа. Этот район охватывал территорию площадью свыше 70 тысяч квадратных километров.

Район крайне беден лесами. Открытый характер местности, естественно, сильно затруднял маскировку войск и путей их снабжения. Рельеф местности центральной части района и особенно юго-восточной степной части не представлял каких-либо значительных препятствий

для передвижения частей любого рода войск. Лишь ближе к Сталинграду известную трудность представляли многочисленные овраги, как их здесь называют, балки.

Для организации упорной обороны рельеф местности не создавал благоприятных условий, мало помогали этому и водные преграды.

Дон против Сталинграда описывает большую дугу, обращенную своей выпуклой частью к Волге. Ширина Дона колеблется от 140 до 400 метров, глубина – от 2 до 15 метров. Скорость течения очень небольшая. Правый берег Дона командует над левым, что создавало для противника большие преимущества. В ряде мест береговое превышение достигает 100 и более метров, откуда местность левобережья Дона просматривается на глубину до 25 километров. Левый, песчаный берег, совершенно открытый, спускается к реке отлого и по этим причинам крайне неудобен для организации упорной обороны. К тому же в летние месяцы на Дону открывается много бродов, удобных для форсирования реки.

Из мелких рек и речушек между Волгой и Доном следует отметить такие, как притоки Дона Чир (правый приток), Карповка, Мышкова, Червленая и Аксай (левые притоки), а также правые притоки Волги Мокрая Мечетка, Царица, впадающие в реку в черте Сталинграда. Летом эти реки похожи на ручьи. Текут они в глубоких балках с обрывистыми берегами, что помогало использовать их в качестве естественных противотанковых препятствий.

В восточной части района протекает крупнейшая в Европейской части нашей страны река – Волга, описывающая здесь дугу, обращенную своей выпуклой частью к Дону. Обрывистый правый берег высок; левый, луговой берег сразу же переходит в песчаные степи Заволжья. Волга разделяется здесь на многие рукава, образуя ряд больших и малых островов. Ширина реки у Сталинграда – от 1 до 2 километров, а глубина – от 5 до 24 метров. Мостов через Волгу в этом районе не было. Сообщение поддерживалось главным образом паромными переправами, пароходами и катерами.

Во всех отношениях театр военных действий для нас был неблагоприятным; для успеха обороны требовались большие усилия, высокое мужество и огромное упорство войск.

В ходе борьбы за Сталинград известную роль сыграли сталинградские рубежи обороны, которые подготавливались заранее. Оборонительные рубежи, или, как тогда их называли, обводы, создавались еще в июне, но работы вначале проводились крайне медленно, и лишь в июле, с развитием боевых действий, они были ускорены и развернуты в широком масштабе.

Так как в западной военно-исторической литературе нередко преувеличивается степень инженерного оборудования местности под Сталинградом, необходимо сказать несколько слов о системе оборонительных сооружений, о сталинградских обводах.

Советским командованием велось строительство четырех оборонительных обводов вокруг города²¹ (схема 5).

Внешний обвод «О» проходил по линии от Горной Пролейки на Волге по рекам Бердия, Иловля, Дон до устья его притока Мышкова, затем по реке Мышкова на Абганерово, озеро Цаца, Райгород. Протяжение обвода достигало 500 километров.

Средний, или второй, обвод «К» от Пичуги на Волге шел на запад, огибал с северо-запада Самофаловку, направляясь далее по рекам Россошка, Червленая к станции Тундутово, откуда поворачивал на Красноармейск. Его протяжение составляло около 150 километров.

Внутренний обвод «С» проходил по линии от Рынка на Волге через Орловку, станцию Гумрак, Алексеевку, Елхи, Красноармейск. Протяжение обвода – до 70 километров.

И наконец, городской обвод «Г», непосредственно окаймлявший город, проходил по его окраинам от Рынка до Купоросного. Длина этого обвода равнялась 45 километрам.

Все эти оборонительные рубежи своими флангами упирались в Волгу.

---

²¹ ЦАМО РФ. Ф. 413. Оп. 71928. Д. 3. Л. 1—35.

К началу боевых действий сооружение обводов не было закончено. На внешнем обводе, например, лишь на отдельных участках были подготовлены ротные и частично батальонные районы обороны, на некоторых участках этого обвода строительные работы лишь начинались, во многих местах была произведена только трассировка будущих сооружений. Готовность важнейших участков колебалась от 15 до 60 %. Готовность рубежей обороны на среднем и внутреннем обводах не превышала 50 %. Рубежи, представлявшие собой четыре тонкие ниточки, конечно, не могли обеспечить прочной обороны; оборонительные средства были разбросаны на широком фронте. Надо признать, что выбор рубежей на местности не везде был произведен удачно. Прежде всего малопригодным к длительной обороне являлся рубеж полевому берегу Дона: позиции противника на противоположном берегу реки абсолютно господствовали над нашими позициями и давили нашу оборону. Это позволило противнику сравнительно легко во многих местах форсировать Дон. Да и протяжение внешнего обвода, составлявшее 500 километров, было чрезмерно большим, совершенно несоразмерным с количеством войск, которые могли быть выставлены на этот рубеж. Чтобы создать сколько-нибудь прочную оборону, нам необходимо было иметь не менее 20 дивизий первой линии только на главном направлении, а чтобы сделать оборону прочной и на других направлениях, требовалось много больше войск.

Создавая средний обвод на участке Самофаловка, устье реки Россошка по ее левому берегу, строители стремились использовать реку как естественное противотанковое препятствие. Но очень досадно, что не были использованы преимущества господствующих высот, которые расположены на правом берегу. Создание здесь обвода дало бы нашей обороне хорошее наблюдение и позволило бы по-настоящему организовать систему огня перед передним краем.

На южном фасе среднего обвода, прямо к югу от Сталинграда, противнику оставялась линия озер. Эта линия с узким межозерным дефиле, очень выгодная для построения обороны, также первоначально не была использована. Только в дальнейшем, уже в ходе боевых действий, эта ошибка была исправлена.

В процессе сражения приходилось выправлять и некоторые другие ошибки такого же порядка; однако не все оказалось возможным исправить.

Городской обвод совершенно не был сделан. Городские же здания вообще остались непригодными к обороне. Слабость инженерного оборудования обводов заключалась еще и в том, что устойчивость их мы строили на системе дзотов и дотов; практика же военных действий заставила нас ввести траншейную систему обороны, многополосную, с развитыми ходами сообщения, с опорными пунктами и узлами сопротивления.

Временами в печати тех дней появлялись материалы об укреплениях Сталинграда. Многие зарубежные газеты характеризовали эти укрепления как неприступные рубежи обороны. К сожалению, это не соответствовало действительности. Готовность сталинградских рубежей в инженерном отношении была, как мы видим, недостаточной; это и понятно, поскольку временем для создания совершенной обороны мы не располагали.

Таким образом, ясно, что сталинградская оборона не базировалась на каких-либо мощных укреплениях, как об этом трубили на весь мир немецко-фашистские заправилы, пытаясь оправдать провал своих планов.

Дело здесь, конечно, не в укреплениях. Мы ведь знаем, что и первоклассные укрепления, даже такие, как линия Мажино, линия Маннергейма, линия Зигфрида, железобетонный пояс по прежней границе Чехословакии и Германии в районе Моравска-Остравы, создававшиеся, укреплявшиеся и совершенствовались годами, не устояли перед наступавшими войсками.

Сила сталинградской обороны была в уверенности в победе и твердости, в решительности и организованности действий наших войск, беспримерной стойкости и героизме, в умелом управлении этими войсками. Короче говоря, успех обороны Сталинграда решили не инженерные укрепления, которые, будучи усовершенствованы в ходе сражения, бесспорно, сыграли

существенную роль в защите города, а советские люди, воины нашей армии, вставшие насмерть на правом берегу Волги, с честью и доблестью выполнившие свой долг перед Родиной, проявившие невиданные дотоле упорство и активность не только в обороне, но и в бою. Лозунг – стоять насмерть – не удовлетворял нас. Будучи в обороне, мы своей активностью навязывали врагу свою волю и истребляли его на каждом шагу. Обороняясь, мы разгромили противника.

Уместно привести здесь свидетельство представителя немецко-фашистской стороны, уже упоминавшегося нами генерала Ганса Дёрра.

Вот что он пишет²² о сталинградских оборонительных сооружениях:

«Противник начал организовывать оборону Сталинграда, наскоро оборудуя позиции. Южная линия позиций проходила у верхнего течения р. Мышкова и примыкала к господствующим над местностью высотам в районе высоты с отметкой 169, севернее станции Абганерово. Ближе к Сталинграду строились позиции полевого типа по линии проектируемого Волго-Донского канала (по течению р. Червленая) от Красноармейск через Ивановка и Цыбенко на р. Карповка, опорой которых были высоты южнее Красноармейск и Бекетовка.

Немецкая пропаганда называла эти полевые позиции “внутренним и внешним крепостным поясом” и создала у многих впечатление о Сталинграде как о крепости. Этот термин даже часто применялся к Сталинграду. Это все не соответствовало действительности и привело лишь к тому, что главное командование германской армии сделало из падения этой “крепости” *point d'honneur*²³».

Воины-сталинградцы навсегда сохранят чувство горячей благодарности к жителям Сталинграда и Сталинградской области, главным образом женщинам, девушкам, подросткам, которые своими слабыми, подчас не привыкшими к лопате руками в условиях авиабомбежки, а часто и артолетов создавали эти оборонительные сооружения. Пусть не обидит их критика в отношении расположения рубежей. Она направлена, конечно, в адрес не тех, кто работал, а тех, кто планировал.

---

²² Дёрр Г. Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957. С. 37.

²³ Вопрос престижа (*фр.*).

Глава III

Ударом на удар

*И в час багрового заката
Враги рванулись в Сталинград.
Пришла, пришла большая дата,
Крепись, крепись, великий град.*

Директива Ставки, привезенная мной, предписывала вступить в командование Юго-Восточным фронтом с 9 августа. Первые четыре дня предполагалось использовать для организационной работы. Но обстановка с каждым днем усложнялась. Противник изо всех сил рвался к Сталинграду, нанося в это время главный удар с юго-запада вдоль железной дороги Котельниково – Аксай – станция Тингута. Ставка потребовала немедленного образования фронта и моего вступления в командование войсками. Поэтому, несмотря на нехватку средств связи, на отсутствие заместителей, начальника штаба, члена Военного совета, с утра 7 августа я вступил в командование войсками и утром отдал первый приказ по Юго-Восточному фронту. Это был приказ политического характера, направленный главным образом на поднятие морального духа наших воинов. Здесь была указана основная задача, стоявшая перед фронтом: это – разгром и уничтожение рвущихся к городу гитлеровских орд. Приказ был обращен к высоким патриотическим чувствам защитников города, он призывал русских и украинцев, белорусов и грузин, армян и азербайджанцев – представителей всех народов нашей необъятной Родины, посланных сюда, чтобы остановить врага, самоотверженно и упорно отстаивать честь социалистического Отечества. В приказе говорилось о зверствах и бесчинствах врага на нашей земле с тем, чтобы воины отрешились от благодушия, от настроений мирного времени.

«Пусть под Сталинградом будет положено нашими руками начало конца гитлеризма! Пусть скажут о каждом из нас, что он был в великой битве под Сталинградом! Ни шагу назад – таков приказ Верховного Главнокомандующего, таков приказ Родины!»

Этими словами заканчивался первый приказ по фронту, воинам которого буквально завтра нужно было ценой своей крови, а быть может, и жизни остановить яростный напор превосходящих сил врага и отбросить его прочь от стен Сталинграда.

Составляя этот приказ, я исходил из ленинского завета о решающем значении моральной силы войск. Для меня значение морального фактора было непреложным законом войны, тем более что в своей боевой практике я находил тому множество подтверждений. Побеждает тот, кто знает, за что он прольет кровь или сложит голову, побеждает тот, кто убежден в своем превосходстве над врагом, тот, кто страстно верит в победу, кто твердо решил победить. Не секрет, что в то время эти могучие силы у многих воинов таились еще под спудом житейских привычек мирного времени. Задачей было пробудить их, и как можно скорее. Первый приказ по Юго-Восточному фронту имел целью не только дать воинам общие перспективы борьбы на этом участке советско-германского фронта, но должен был помочь решить задачу и сегодняшнего дня. Обстановка требовала от нас самых решительных действий.

В этот первый период моей работы в Сталинграде серьезную помощь оказал мне полковник С.П. Иванов, назначенный начальником оперативного отдела штаба фронта и исполнявший обязанности начальника штаба фронта. Он проявил недюжинные организаторские способности и громадную работоспособность.

Однако прежде чем перейти к рассказу о последующих действиях в районе Юго-Восточного и Сталинградского фронтов, я позволю себе еще раз остановиться на событиях более

широкого масштаба, относящихся к этому моменту. Лишь в свете их можно правильно оценить развитие борьбы под Сталинградом.

Обстановка на юге страны становилась все более угрожающей. Крым был теперь полностью в руках оккупантов. Наши армии понесли серьезные потери под Феодосией, Керчью, Севастополем. Войска Южного фронта спешно отходили на Северный Кавказ. Были оставлены Новочеркасск, Ростов-на-Дону. Сосредоточив основную массу своих войск на участке фронта от Курска до Азовского моря, враг создал огромный перевес в силах и средствах на юге. Более чем тысячекилометровая линия фронта, выгнувшаяся огромной дугой на восток между Курском и Ростовом в направлении на Сталинград, требовала организации устойчивой обороны. Выше (во вступлении) мы уже отмечали, как интенсивно враг усиливал южное крыло советско-германского фронта. К началу августа, т. е. к тому моменту, о котором идет речь, здесь действовало более 40 % вражеских сил (101 дивизия из 242).

23 июля Гитлер издал новую директиву (№ 45) о «Продолжении операции “Брауншвейг”» (кодовое название летней кампании 1942 года).

В соответствии с этой директивой войска противника получили следующие задачи (цитирую документ)²⁴:

«I. Во время кампании, продолжавшейся менее трех недель, большие задачи, поставленные мной перед южным флангом Восточного фронта, в основном выполнены. Только небольшим силам противника, оборонявшимся в этом районе, удалось уйти от окружения и достичь южного берега р. Дон. Следует считаться с тем, что они будут усилены за счет войск, находящихся на Кавказе.

Происходит сосредоточение еще одной группировки противника в районе Сталинграда, который он, по-видимому, собирает оборонять.

II. ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШИХ ОПЕРАЦИЙ

A. Сухопутные силы

1. Ближайшая задача группы армий “А” состоит в окружении и уничтожении сил противника, ушедших за р. Дон, в районе южнее и юго-восточнее Ростова.

Для этого использовать крупные силы танковых и моторизованных войск, которые должны наступать с плацдармов в районе Константиновская, Цимлянская (эти плацдармы должны быть заблаговременно захвачены нашими войсками) в общем направлении на юго-запад (примерно на Тихорецк), а также пехотные, егерские и горные дивизии. Реку Дон форсировать в районе Ростова.

Наряду с этим остается в силе задача передовых частей оседлать железную дорогу Тихорецк – Сталинград.

Два танковых соединения группы армий “А” (в том числе 24-ю танковую дивизию) передать группе армий “Б” для продолжения операций в юго-восточном направлении...

2. После уничтожения группировки противника южнее р. Дон важнейшей задачей группы армий “А” является овладение всем восточным побережьем Черного моря, в результате чего черноморские порты и Черноморский флот противника будут парализованы.

Для этого переправить предназначенные для выполнения этой задачи соединения 11-й армии (румынский горный корпус) через Керченский пролив, как только обозначится успех продвижения главных сил группы армий “А”, чтобы затем нанести удар вдоль дороги, проходящей по Черноморскому побережью на юго-восток.

Другая группировка, в состав которой войдут все остальные горные и егерские дивизии, имеет задачей форсировать р. Кубань и захватить возвышенную местность в районе Майкоп и Армавир.

²⁴ Дёрр Г. Поход на Сталинград. С. 131–132.

В ходе дальнейшего продвижения этой группировки, которая должна быть своевременно усилена горными частями, в направлении на Кавказ и через его западную часть должны быть использованы все его доступные перевалы. Задача состоит в том, чтобы во взаимодействии с войсками 11-й армии захватить Черноморское побережье.

3. Одновременно группировка, имеющая в своем составе главным образом танковые и моторизованные соединения, выделив часть сил для обеспечения фланга и выдвинув их в восточном направлении, имеет задачу захватить район Грозный и частью сил перерезать Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги по возможности на перевалах. В заключение ударом вдоль Каспийского моря овладеть районом Баку.

Группе армий "А" будет передан итальянский альпийский корпус. Для этих операций группы армий "А" вводится кодированное название "Эдельвейс". Степень секретности: сов. секретно.

4. На долю группы армий "Б", как указывалось ранее, выпадает задача наряду с оборудованием оборонительных позиций на р. Дон нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой.

Вслед за этим танковые и моторизованные войска должны нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и парализовать там также движение по главному руслу Волги.

Эти операции группы армий "Б" получают кодированное название "Фишрейер" ("Серая цапля". – А.Е.). Степень секретности: сов. секретно».

Авиации в числе прочих задач указано, что «особенно большое значение имеет заблаговременное разрушение города Сталинграда».

Гитлер одновременно требует прибегать к бомбардировке с воздуха Баку и Грозного лишь в случае крайней необходимости.

Из директивы следует, что расстановка сил для исполнения плана летней кампании была существенно изменена²⁵.

По первоначальному замыслу немецко-фашистского командования для захвата Кавказа намечалось использовать 1-ю, 4-ю танковые и 17-ю армии. После овладения Севастополем гитлеровское командование намеревалось направить на Кавказ также и 11-ю армию из Крыма. На сталинградском направлении должна была наступать лишь 6-я армия. Однако в ходе развития операций этот замысел претерпел существенные изменения. Упорное сопротивление и частые контрудары советских войск под Сталинградом вынудили немецко-фашистское командование, опасавшееся за фланги и тыл своей кавказской группировки, в конце июля повернуть с кавказского направления на сталинградское 4-ю танковую армию, а в последующем выдвинуть сюда 3-ю и 4-ю румынские армии. Кроме того, к Дону была выдвинута и 8-я итальянская армия.

Таким образом, для наступления на Кавказ вместо четырех армий фактически могли быть использованы лишь две армии: 17-я и 1-я танковая. Такое резкое уменьшение немецких сил на кавказском направлении облегчало положение войск Закавказского фронта. В то же время значительное увеличение войск противника на сталинградском направлении чрез-

---

²⁵ Изменение Гитлером своего первоначального плана объясняется отчасти тем, что он в то время особенно грубо недооценивал наши силы. Он действительно считал, что Советское государство существует последние месяцы. Достоин внимания то, что такую переоценку собственных сил вызвал у фюрера известный приказ Верховного Главнокомандующего «Ни шагу назад!». В объективной оценке наших поражений и потерь, изложенной в этом документе, значение которого для нашей армии было действительно огромным, авантюристу Гитлеру, никогда не признававшему своих ошибок, и почудились доказательства скорого краха социалистического государства. Он понял смысл приказа таким образом, что если-де русские сделают еще хоть один шаг назад, то для СССР наступит конец. Большую роль сыграли здесь и экономические цели: алчное стремление овладеть богатейшими источниками сырья и одновременно лишить этих источников Советскую страну. В этом отношении поддержал Гитлера и весь генералитет, которому давно снилось получение горючего для танковых и механизированных частей не с запада, за тысячи километров, а с юга: из Баку, Грозного, Майкопа. Имели значение, конечно, и политические расчеты, главным образом давление на Турцию с целью втянуть ее поскорее в войну.

вычайно осложнило борьбу советских войск, действовавших под Сталинградом и в среднем течении Дона. Нашим довольно малочисленным войскам предстояло выдержать натиск двух германских армий (6-й и 4-й танковой) усиленного состава.

План действий группы армий «Б» (т. е. 6-й и 4-й танковой армий) был на первый взгляд прост и надежен: 4-я танковая и 6-я армии наносили удар южнее и севернее Сталинграда, поворачивали в сторону города и брали в клещи весь район Сталинграда с обороняющимися его войсками (схема 4). С воздуха их поддерживал 4-й воздушный флот (усиленный 8-м авиационным корпусом), имевший задачу стереть Сталинград с лица земли.

Во исполнение этого плана 31 июля 4-я танковая армия открыла наступление с плацдарма в районе Цимлянская (см. схему 1).

Начинался новый этап боев у Сталинграда на его внешнем оборонительном обводе, причем обстановка, сложившаяся к этому времени на левом фланге Сталинградского и правом фланге Северо-Кавказского фронтов, благоприятствовала осуществлению планов противника.

64-я армия была вынуждена отойти за Дон. Слабая 51-я армия, имевшая всего пять крайне малочисленных дивизий, оборонявшаяся на чрезвычайно растянутом фронте (200 километров), не могла противостоять натиску группировки противника, наступавшей вдоль Северного Донца на кавказском направлении. Это позволило гитлеровцам в конце июля захватить ряд плацдармов на левом берегу Дона, на участке Константиновская, Цимлянская. Так, 48-й танковый и 4-й армейский корпуса 4-й танковой армии к 30 июля оказались на исходных рубежах к югу от станицы Цимлянская. Вскоре сюда подошел и 6-й румынский армейский корпус. В результате здесь оказалось до семи пехотных дивизий, две моторизованные и две танковые дивизии. Эта группировка получила конкретную задачу – наступая вдоль железной дороги Тихорецк – Сталинград, выйти в тыл войскам, оборонявшим город, и при содействии 6-й армии, окружив их, овладеть Сталинградом (6-я армия, как известно, должна была полностью овладеть западным берегом Дона и продолжать движение на Сталинград).

Учитывая тяжелую обстановку на левом фланге Сталинградского фронта, 28 июля Ставка направила командованию Сталинградского фронта следующую директиву № 170535:

«В связи с отходом 214 сд 64-й армии южнее устья р. Чир за Дон и выходом здесь противника на западный берег р. Дон, направление Нижне-Чирская, Сталинград в данный момент является для фронта наиболее опасным, а следовательно, и основным. Опасность эта состоит в том, что противник, переправившись через р. Дон, может обойти Сталинград с юга и выйти в тыл Сталинградскому фронту.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

Продолжая действия по полному уничтожению противника в районе Верхнее – Бузиновка, основной задачей фронта в ближайшие дни иметь: активными действиями 64-й армии с использованием подошедших в район Калач и южнее 204 и 321 стрелковых дивизий и 23-го танкового корпуса во что бы то ни стало не позднее 30 июля разбить противника, вышедшего южнее Нижне-Чирская на западный берег р. Дон, и полностью восстановить здесь оборону по Сталинградскому рубежу, отбросив в дальнейшем противника на запад за р. Цимла.

О принятых мерах донести в Ставку не позднее утра 29.7.

Одновременно принять немедленные меры по усилению обороны юго-западного фаса Сталинградского внешнего обвода от станции Красный Дон до Райгород на р. Волга, к к утру 29.7 донести в Ставку, насколько прочно и какими частями занимается этот фас и о Ваших дополнительных мероприятиях по его усилению.

К утру 29.7 донести в Ставку Ваши соображения по дальнейшему использованию прибывающих в состав фронта десяти стр. дивизий с учетом всех произошедших изменений в обстановке.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Василевский

Передал в 17 ч. 15 м. 28.7.42. *Василевский*²⁶.

Эта директива, в основном правильно оценивавшая положение, тем не менее ставила фронту невыполнимые задачи, так как у него не хватало сил для их реализации. Однако командование фронта не сумело сделать и того, что было в его силах.

31 июля, как уже говорилось, противник перешел в наступление из района Николаевская, Цимлянская и без труда прорвал растянутый в ниточку фронт 51-й армии, насчитывавшей всего 3000 активных штыков. В тот же день неприятель вышел в район Нижний Жиров, станция Гашун и, развивая наступление вдоль дороги Тихорецк – Сталинград, 1 августа захватил станцию Ремонтную, 2 августа – станцию и город Котельниково, 3 августа в его руках было уже и Жутово. Вместе с тем 6-й румынский армейский корпус вышел к Дону на участке Тормосин, Нижне-Курмоярская. 51-я армия вынуждена была отойти на рубеж Ново-Сальский, Нововеселый.

Командующий Сталинградским фронтом, стремясь выполнить соответствующие указания Ставки, создал тогда оперативную группу в составе трех стрелковых дивизий, одной танковой и одной морской бригад. Командование группой было возложено на генерал-лейтенанта Чуйкова. Однако под натиском превосходящих сил противника группа к 5 августа отошла на северный берег реки Аксай и заняла там оборону, затем она вошла в состав 64-й армии.

Немецко-фашистские войска продолжали наступление вдоль железной дороги и 6 августа силами 4-й танковой армии вышли на рубеж реки Аксай до Жутово, далее Абганерово, озеро Цаца.

Рано утром 6 августа противник начал атаки левого фланга 64-й армии между Абганерово и Тингута. Эти атаки поддерживались большими массами танков и ударами авиации. В этот же день врагу удалось занять разъезд «74 км» и продвинуться далее к станции Тингута.

Таким образом, к моменту моего вступления в командование Юго-Восточным фронтом противнику уже удалось пробить нашу оборону на внешнем Сталинградском обводе и продвинуться на одном участке за этот рубеж. Враг находился в 30 километрах от Сталинграда. Над городом нависла самая серьезная угроза захвата его противником. Требовались решительные и спешные мероприятия, и прежде всего стойкость и упорство наших войск.

В состав Юго-Восточного фронта в это время входили три армии: 64, 57 и 51-я. Из них лишь 64-я армия, выдвинутая из резерва в составе четырех дивизий, была удовлетворительно укомплектована личным составом и вооружением. 51-я армия, переданная в свое время из состава Северо-Кавказского фронта в значительно ослабленном состоянии, подверглась новым ударам уже в составе Сталинградского фронта. По силам и средствам эта армия не превосходила дивизии нормального состава; в ее состав входили 302-я, 91-я стрелковые и 115-я кавалерийская дивизии. Все они были крайне малочисленны (1000, 800 и 700 человек соответственно), с ослабленной боеспособностью. 57-я армия, перешедшая к нам из Юго-Западного фронта, тоже была малочисленна. Ее личный состав в результате непрерывных боев и длительных маршей был сильно утомлен, а материальная часть в значительной степени изношена. Кроме двух стрелковых дивизий (244-й и 15-й гвардейской), в армию еще входили два батальона укрепленного района. Таким образом, войска, входившие в состав фронта, в общей сложности значительно уступали по своим силам одной армии противника с корпусной структурой.

Для усиления фронта Ставка выдвигала соединения из резерва, но они были еще в пути. Так, 1-я гвардейская армия, включенная в состав фронта, даже головными эшелонами могла прибыть не ранее чем через неделю.

---

²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 48-А. Оп. 2642. Д. 12. Л. 272—273.

В этой угрожающей обстановке необходимо было прежде всего навести строжайший порядок в самом городе, где, к сожалению, чувствовалась некоторая растерянность; если откровенно сказать, вполне реальной была и возможность захвата города противником. Надлежащего воинского порядка, какой должен быть в городе, расположенном в прифронтовом районе, не было. Отсутствовал начальник гарнизона. На единственной автомобильной дороге, ставшей теперь военной автомобильной дорогой (ВАД), проходящей через город, не было организовано службы регулирования, а потому на ней немало было заторов, аварий, беспорядков, партизанщины. Сталинградцы невесело шутили: «Этот ВАД – сущий ад». Требовались самые неотложные меры. Если бы Сталинград целиком входил в Юго-Восточный фронт, наладить дело было бы просто. При наличии же двух фронтов даже назначение начальника гарнизона требовало согласования с командованием Сталинградского фронта. В результате я вынужден был просить Ставку назначить начальника гарнизона.

В таких условиях была крайне трудна и вместе с тем весьма ответственна роль только что созданного фронта, фактически не имевшего ни аппарата управления, ни связи. Необходимо было проявить живейшую оперативность и настойчивость в борьбе с обнаглевшим врагом. Пришлось приложить все силы к тому, чтобы организаторской, оперативной и политической работой повсеместно и безотлагательно навести боевой воинский порядок.

А задача, вставшая во весь рост перед войсками фронта, требовала немедленного разрешения. Необходимо было во что бы то ни стало остановить врага, рвавшегося к юго-западу к Сталинграду. За один день 7 августа были собраны все имевшиеся резервы и средства. Пришлось забрать танковые и артиллерийские подразделения даже с пунктов формирования, пополнить ими части левого фланга 64-й армии, чтобы иметь возможность организовать контрудар против вражеских сил, прорвавшихся через внешний обвод в районе разъезда «74 км». В созданную для контрудара группировку вошли 13-й танковый корпус (38 танков), 133-я танковая бригада (21 танк) и 204-я стрелковая дивизия.

Контрудар по прорвавшейся в районе разъезда «74 км» вражеской группировке был нанесен с утра 9 августа: 204-я стрелковая дивизия с 254-й танковой бригадой при поддержке артиллерийской группы 64-й армии атаковала противника в направлении Зеты, разъезд «74 км»; 13-й танковый корпус развивал удар на главном направлении – на юго-запад, вдоль железной дороги; 38-я стрелковая дивизия повела атаку из района фермы № 3 в западном направлении (схема 5).

По указанию командования фронта на главном направлении контрудара, который пришелся прямо в лоб противнику, боевой порядок был построен следующим образом: первый эшелон составляли танки 13-го танкового корпуса и 133-й танковой бригады, за танками во втором эшелоне на дистанциях несколько более широких, чем обычно, развернулись четыре истребительно-противотанковых артиллерийских полка, за ними, в третьем эшелоне, – два полка (4-й и 5-й) гвардейских минометов. Такое построение обеспечивало всем эшелонам и всем огневым средствам одновременное участие в бою. При этом ни одна из частей не мешала друг другу. Со стороны противника наступали главным образом танки и мотопехота. Бой начался залпом гвардейских минометов. За ними вступили в бой артиллерийские полки, ведя огонь в промежутках между танками и на флангах, а затем вступили в бой и танки. Мощный, сосредоточенный, решительный удар наших частей вызвал замешательство в рядах противника. Однако, получив подкрепления свежими частями и авиацией, враг вновь перешел в наступление. Упорные и ожесточенные бои в районе Абганерово продолжались несколько дней. В итоге их противник понес крупные потери. Наши войска уничтожили до трех полков пехоты, подбили до 110 танков, захватили много орудий и других трофеев. Вражеские войска, прорвавшие внешний Сталинградский обвод, были потеснены назад. Положение нашей обороны здесь (по внешнему обводу) было полностью восстановлено. После контрудара левый

фланг войск Юго-Восточного фронта закрепился на рубеже Красный Дон, Абганерово, Тингута, озеро Цаца, далее на юг по линии озер до озера Сарпа.

Этот контрудар, проводившийся при недостатке сил и средств, а также времени на его подготовку, дал тем не менее эффективные результаты. Противник понес большие потери, оперативное положение обороны было восстановлено. План врага захватить город с юго-запада стремительным ударом вдоль железной дороги Котельниково – Сталинград потерпел крах. В результате этих боев 4-я немецкая танковая армия временно перешла к обороне. Командование немецкой группы «Б» вынуждено было срочно перебросить на усиление этой армии танковую и пехотную дивизии из 6-й армии.

Контрудар показал также, что при соответствующей организации и подготовке можно успешно наносить удары, если обстановка вынуждает к этому, и в лоб атакующему противнику, несмотря на его превосходство в наземной технике и авиации. Все зависит от обстановки, которая в данном случае требовала немедленного удара прямо по острию клина, который противник намеревался вбить в нашу оборону. Времени для проведения какого-либо маневра на флангах не было.

Тот, кто в то время внимательно следил за сводками Совинформбюро, возможно, помнит, что в числе самых первых сообщений печатались сведения о боях северо-восточнее Котельниково, при этом там часто фигурировала одна железнодорожная станция, которая переходила из рук в руки. Речь шла о нашем контрударе, «железнодорожная станция» была всего-навсего разъездом «74 км». Необходимо отдать должное писателю Василию Гроссману: бои на этом участке правдиво отображены в его романе «За правое дело».

Но посмотрим, как оценили их в стане наших противников. Генерал Дёрр всячески выгораживает действия XXXXVIII танкового корпуса. По его словам, действиям корпуса мешали и недостаток горючего, и жара, и отсутствие резервов, и недалёковидность Гитлера, и даже поля подсолнечника и кукурузы; для варваров, не убоявшихся сжигать древнейшие памятники культуры, видите ли, помехой стали поля кукурузы и подсолнечника. Тем не менее он все же вынужден признать, что «48-й танковый корпус, продвинувшись далеко вперед и имея открытые фланги, попал в районе севернее Абганерово в тяжелое положение, когда русские при сильной поддержке авиации (авиации у нас в то время было очень мало. – А.Е.) перешли к охватывающему контрудару. В продолжавшихся несколько дней тяжелых боях корпус смог удержаться севернее Плодовитое и ст. Абганерово, пока не подошли пехотные дивизии 6-го армейского корпуса; наконец, 94-я пехотная дивизия разрядила напряженность взятием высоты 10.8 западнее Абганерово и этим закрыв брешь между 48-м танковым корпусом и румынами, продвинувшись отсюда на запад.

4-я танковая армия, таким образом, в полном составе сосредоточилась в районе Абганерово, т. е. севернее р. Аксай, и вынуждена была перейти к обороне...»²⁷

Далее Дёрр вновь ссылается на «слабость» танковых сил²⁸, остановленных наспех стянутыми частями Юго-Восточного фронта, которые противопоставили врагу не столько танки и авиацию, сколько свое мужество, упорство, воинскую предприимчивость и веру в правоту своего дела.

Однако, несмотря на то что противник юго-восточнее Сталинграда был остановлен и оттеснен за внешний обвод, положение города оставалось крайне тяжелым. На левом фланге Сталинградского фронта, на калачинском направлении, обстановка не улучшалась, а ухуд-

---

²⁷ Дёрр Г. Поход на Сталинград. С. 38.

²⁸ Ссылка на слабость непонятна. Битому гитлеровскому генералу хочется во что бы то ни стало доказать, что русские-де били их скопом, численным превосходством. Подсчитаем. У нас в этом районе находились 126-я и 38-я дивизии, 13-й танковый корпус (двухбригадного состава, с общим количеством 38 танков), позже были подброшены 204-я дивизия с 254-й бригадой. В 4-й же танковой армии врага были танковый корпус почти полного состава и два армейских корпуса в составе восьми дивизий каждый.

шалась из-за неудовлетворительной оперативной работы командования фронта. В период с 31 июля по 10 августа положение здесь продолжало оставаться весьма напряженным. Утром 7 августа в полосе 62-й армии перешла в наступление 6-я армия Паулюса, которая наносила удары с севера и юга под основание выступа, занимаемого нашими войсками на правом берегу Дона. Здесь напряженные бои продолжались до 14 августа.

Для улучшения взаимодействия между фронтами с 10 августа 1942 года Сталинградский фронт в оперативном отношении был подчинен мне – командующему Юго-Восточным фронтом.

Накануне, 9 августа в 11 часов вечера по прямому проводу была получена директива Ставки № 170562 следующего содержания:

«1. С 6 часов 10 августа подчинить Сталинградский фронт командующему Юго-Восточным фронтом генерал-полковнику Еременко, оставив за т. Еременко командование и Юго-Восточным фронтом по совместительству.

2. Назначить заместителем к тов. Еременко по Юго-Восточному фронту генерал-лейтенанта тов. Голикова, освободив его от обязанностей командующего 1-й гвардейской армией.

3. Назначить генерал-майора т. Москаленко командующим 1-й гвардейской армией.

4. Назначить командира 10-й дивизии войск НКВД подполковника Сараева начальником гарнизона г. Сталинграда.

5. Иметь в виду, как т. Еременко, так и т. Гордову, что оборона Сталинграда и разгром врага, идущего с запада к с юга на Сталинград, имеет решающее значение для всего нашего советского фронта.

Верховное Главнокомандование обязывает как генерал-полковника Еременко, так и генерал-лейтенанта Гордова не щадить сил и не останавливаться ни перед какими жертвами для того, чтобы отстоять Сталинград и разбить врага.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

*А. Василевский»*²⁹.

Таким образом, в полученной по этому вопросу директиве в определенной степени учитывались пожелания, высказанные мною в Ставке, но этот документ не мог коренным образом улучшить положения.

Дело в том, что решение о разделении фронтов на сталинградском направлении не соответствовало сложившейся здесь обстановке. Район большого Сталинграда, являвшийся, по существу, основным объектом обороны, делился пополам между двумя высшими оперативными объединениями-фронтами. Кроме того, связанные с разделением фронтов организационные мероприятия: «дележ» войск, создание штабов, тылов, организация управления, перегруппировка войск, обеспечение смежных флангов, увязка взаимодействия и т. д. – влекли за собой ничем не оправданный расход времени и сил, так необходимых для организации стойкой обороны. Практически это вызвало образование невыгодной для нас группировки войск на северном крыле сталинградских фронтов, создание стыка между фронтами в одном из наиболее уязвимых мест обороны; усложнилось управление войсками и организация их взаимодействия, условия обороны в целом стали, следовательно, более сложными. При этом город становился своеобразным перевалочным пунктом в прямом смысле этого слова. При малочисленности гарнизона Сталинград оказался перегруженным маршевыми частями. Единственная, упомянутая выше, дорога города была закупорена автотранспортом и боевой техникой. Из-за этого маневр вдоль фронта был крайне затруднен, противник же имел громадное превосходство, особенно в технике. Только оперативность в маневрировании, быстрая переброска войск

---

²⁹ ЦАМО РФ. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 13. Л. 6–7.

с неугрожаемых участков на угрожаемые и спешное использование прибывающих войск могли спасти положение.

С получением упомянутой директивы командование двух фронтов в какой-то мере объединялось, речь шла о так называемом оперативном подчинении одного фронта другому, при котором у подчиненного оставалось право на известную свободу действий. Характерной была формулировка конца директивы, которая давала право считать, что оба командующих несут равную ответственность за оборону города. Во всяком случае, Ставка сделала первый робкий шаг с целью исправить ошибку, связанную с разделением фронта. Однако ясно, что, по существу, эта ошибка была неисправимой, так как время упущено, а группировка сил ухудшилась. Тем не менее директива имела положительный характер, так как усиливала возможности координации действий двух фронтов. Кроме того, Верховный Главнокомандующий исполнил мою просьбу и назначил начальником Сталинградского гарнизона полковника Сараева, человека, который был способен при правильном руководстве наладить в городе образцовый воинский порядок.

9 августа в подчинение фронту вошла Волжская военная флотилия под командованием контр-адмирала Д.Д. Рогачева. На нее возлагались задачи: огнем во взаимодействии с 57-й армией не допустить подхода противника к переднему краю внешнего обвода Сталинградской оборонительной полосы в районе Райгород; курсируя бронекатерами на участке от Райгорода до Капановки, воспретить просачивание мелких групп противника к Волге; тральщиками вылавливать мины на участке от Сталинграда до Астрахани.

Постепенно, все более входя в курс сталинградских событий, я старался «прибирать к своим рукам» все, что способствовало укреплению обороны Сталинграда.

В эти дни проводилась разнообразная, направленная к одной цели работа, наводился железный воинский порядок, которого во многих частях не было. В каждую армию, в каждую дивизию были посланы представители штаба с целью учета их сил и средств и для повышения морального состояния их личного состава.

Происходившие в эти дни бои дали прекрасный материал для оценки боеспособности частей и дивизий фронта. Выявились как наиболее боеспособные соединения: 126-я стрелковая дивизия, 204-я стрелковая дивизия, 133-я танковая бригада, 20-я истребительно-противотанковая бригада и многие другие.

Было обращено особое внимание на вопросы организации массированного огня, который организовывался на поле боя еще плохо. Пришлось вмешаться в это дело командование и штабу фронта, чтобы добиться действительного массирования огня, четкой организации маневра и взаимодействия. По этому вопросу был издан специальный приказ, которым устанавливались также и боевые порядки при контрударах. В приказе, между прочим, указывалось, что перед контратакой, контрударом, как правило, полки гвардейских минометов дают залп по скоплениям и боевым порядкам противника; затем в развернутом строю атакуют танки; непосредственно за ними, а также на флангах следует противотанковая артиллерия. Тем временем артиллерия дивизий и резерва Главного командования должна была подавлять противотанковую оборону противника и действовать против его боевых порядков. Танки, выдвинувшись на 1–2 километра, огнем с места (с коротких остановок) к с ходу, а также небольшим маневром дезорганизовывали противника. Истребительно-противотанковая артиллерия в боевых порядках пехоты к с флангов должна была истреблять танки противника. Пехота, быстро выдвигаясь за танками, обгоняла их и закрепляла захваченную территорию. Гвардейские минометные части, зарядив установки, снова становились на огневые позиции и давали залп за залпом, создавая тем самым возможность продвижения танкам, а за ними артиллерии, пехоте и т. д. При подобной организации боя контратаки противника не страшны, ибо огневая система всегда готова к бою, в любое время организована и управляема. Если же при этом после залпа гвардейских минометов противник будет деморализован и побежит, танки могут безостановочно

вочно преследовать и уничтожать его. Вслед за танками готовы к движению (преследованию) минометные и противотанковые полки, которые будут подавлять всякое сопротивление, оказываемое танкам. Тем временем пехота, частью посаженная на танки в виде десанта, стремительно и организованно наступает за танками совместно со своей артиллерией.

В этом приказе определялись основные принципы и порядок взаимодействия, которые в конкретной обстановке по необходимости, естественно, могли подвергаться тем или иным изменениям.

Такое построение боевого порядка, впервые примененное в мою бытность на Западном фронте, давало обычно хорошие результаты. Под Сталинградом такой боевой порядок тоже оправдал себя, особенно в боях 7—11 августа в районе разъезда «74 км» и станции Абганерово.

В этих ожесточеннейших боях мы стремились показать командному составу всех категорий значение нашей техники: артиллерии, гвардейских (РС) и пехотных минометов, автоматического оружия, сыгравших решающую роль в успехе контрудара. Командиры, полюбив эту технику, смелее стали привлекать ее для боя. Все это далось, однако, не сразу. В этих первых боях лишь наметилась тенденция к более смелому, полному использованию боевой техники. Поэтому в дальнейшем приходилось ни на йоту не ослаблять внимания к вопросам умелого применения техники в бою. В ряде случаев приходилось не останавливаться перед снятием с должности иных артиллерийских и неартиллерийских начальников, которые не понимали всей важности этого вопроса, упорствовали в своем консерватизме и тем самым мешали использованию в бою важнейших средств поражения противника.

Вопросы организации боя, применения в нем боевой техники, организации взаимодействия между родами оружия, естественно, были в центре приказов по фронту и армиям, бесед с командным составом, учебы солдат и офицеров непосредственно на поле боя. В войсках систематически организовывались не только дневные, но и ночные действия, проводились крупные боевые атаки и контратаки. Это была кропотливая организаторская и воспитательная работа, непрерывно проводившаяся в ходе Сталинградского сражения.

К 12 августа в результате ожесточенных боев группировка наших войск на юго-западном участке обороны улучшилась, части правого фланга 64-й армии (оперативная группа генерала Чуйкова) были отведены с рубежа реки Аксай к внешнему обводу на участок Ермохинский, Громославка, Капкинский и заняли укрепленный район. Тем временем в бой вступили расположенные здесь пулеметные и стрелковые батальоны (ранее они бездействовали). Фронт сократился примерно на 50 километров. Это позволило создать в глубине необходимые резервы (214-я стрелковая дивизия в районе Ново-Петровка, 38-я стрелковая дивизия в районе совхоза имени Юркина и 29-я стрелковая дивизия в районе Зеты). Резервы полезны всегда, а в создавшейся обстановке, когда противник, маневрируя своими силами и средствами, пытался наносить глубокие удары, резервы были крайне необходимы. В данных условиях они имели решающее значение не только как сила для нанесения контратак и контрударов, но и как моральный фактор.

Одновременно прибывали и сосредоточивались танковые и истребительно-противотанковые бригады, а также стрелковые дивизии: 35-я, 36-я гвардейские и 422-я.

57-я армия, к этому моменту усиленная за счет только что названных двух гвардейских дивизий, занимала оборону по внешнему обводу от Тингута до Райгорода.

Глава IV

Командующий войсками двух фронтов

*Враг в наступлениях своих
Сейчас массирует удары.
И контрмерами для них
Нужны такие же контрудары...*

К 10–11 августа в войсках Юго-Восточного фронта нам удалось навести относительный порядок и взять управление войсками в твердые руки. Но в войсках Сталинградского фронта, подчиненного мне с 10 августа лишь в оперативном отношении, было еще множество недостатков.

Прежде всего группировка войск фронта оставалась в крайне неблагоприятном для нас положении. На главном направлении удара противника не было достаточного количества войск, способных прикрыть Сталинград. Значительная часть была оттянута на север по плану Гордова, который частенько говаривал: «Отсель грозить мы будем шведам».

Исключительно тяжелая обстановка сложилась на левом крыле Сталинградского фронта. 62-я армия генерал-лейтенанта А.И. Лопатина вела борьбу западнее Калача на западном берегу Дона. Часть ее сил (до трех дивизий), наносившая контрудар, причинила врагу значительные потери, но сама оказалась зажатой с трех сторон и вела тяжелые бои по выходу из полуокружения. Главные силы армии вышли к 14 августа на восточный берег Дона, где и заняли оборону на внешнем обводе. С дивизиями, которые остались в окружении, штаб армии связи не имел. Дальнейшее продвижение противника было здесь приостановлено организованным огнем и упорным сопротивлением войск, но положение по-прежнему оставалось критическим, так как, нарастив силы, гитлеровцы намеревались нанести здесь еще более мощный удар как раз в то время, когда группировка войск фронта не соответствовала сложившейся обстановке. Одним из серьезных недостатков командования Сталинградского фронта было как раз то, что они поспешно, без учета обстановки часто группировали войска так, что противник получал возможность бить нас по частям. При правильной же группировке войск у нас хватало и сил, и средств не только для того, чтобы остановить противника, но и нанести ему поражение.

При всем при этом хуже всего было то, что генерал Гордов болезненно относился к критике, он не желал (или не мог) понять те недостатки, которые «заедали» фронт. В первые дни было довольно трудно разобраться в истоках этих недостатков, особенно на местах, в армиях. Тогда я взял на прямой провод каждого командующего Сталинградским фронтом. Нужно было как можно быстрее получать полную и достоверную информацию о событиях на их участках, а также строго контролировать выполнение директив и приказов Ставки и фронта. Чтобы еще лучше разобраться в истинном положении дел на местах, устранить ряд существенных недостатков, твердо и оперативно руководить и помогать, в армии были посланы офицеры – представители штаба.

Моя работа в этом направлении затруднялась тем, что генерал Гордов неправильно понял суть моих мероприятий и «полез», как говорится, в «пузырь». Он считал, что вмешиваются в его функции, подменяют его и т. п. Хотя мои действия в этом направлении отражали указания Ставки: навести порядок в войсках, поднять дисциплину, повысить упорство войск в бою. Казалось бы, что все должны быть заинтересованы в этом. Однако командующий Сталинградским фронтом стал на путь бездействия и невмешательства, вел себя невыдержанно как по отношению ко мне, так к своим командармам. Это создавало некоторую нервозность в

работе и не способствовало ни взаимному пониманию и доверию, ни столь необходимой оперативной сработанности, ни укреплению дисциплины. Мое положение, как ответственного за оба фронта, становилось все более трудным и сложным. Штаб Юго-Восточного фронта был еще далеко не полностью укомплектован, и тем не менее именно отсюда приходилось снимать и посылать на помощь Сталинградскому фронту наиболее подготовленных офицеров и генералов. Юго-Восточный фронт еще не имел ни члена Военного совета, ни начальника Политического управления, ни начальника штаба, уже назначенного, но еще не прибывшего. Так что я был единоначальником, но не в обычном смысле этого слова. Сталинградский фронт имел укомплектованный аппарат штаба, который, к сожалению, не стал еще боевым органом управления. Это плохо сказывалось на войсках. Из-за этого в крайне тяжелом положении вела борьбу 62-я армия, и помочь ей было нечем, так как по маниловскому плану Гордова, о котором шла речь выше (см. нашу беседу с Никишевым), даже те незначительные резервы, которые имел фронт, были оттянуты на север.

В этой обстановке дело могло закончиться катастрофой. Об этом я вынужден был доложить Ставке Верховного Главнокомандования. Ее решение было несколько неожиданным. Я ожидал, что на должность командующего Сталинградским фронтом будет назначен генерал, способный коренным образом изменить в нашу пользу создавшуюся на том участке обстановку. В тесном сотрудничестве с ним я предполагал обеспечить решение задач по обороне Сталинграда. Но вопрос был решен по-другому.

13 августа, поздно вечером, было получено по Бодо распоряжение Ставки, в котором говорилось, что командующий Юго-Восточным фронтом назначается и командующим Сталинградским фронтом (по совместительству), а товарищ Хрущев Никита Сергеевич назначается членом Военного совета обоих фронтов. В связи с этим назначением, естественно, увеличились круг обязанностей и объем работы командования, поэтому товарищ Ф.И. Голиков был назначен заместителем командующего по Юго-Восточному фронту, а командующим 1-й гвардейской армией стал генерал-майор К.С. Москаленко. Одновременно начальником гарнизона города Сталинграда был назначен командир 10-й дивизии полковник А. Сараев, непосредственно подчинявшийся командованию Юго-Восточного фронта, заместителем командующего по Сталинградскому фронту был назначен генерал-лейтенант Гордов.

В ночь на 14 августа я отправился в штаб Сталинградского фронта, чтобы детально ознакомиться с положением войск, и в первую очередь с группировкой сил и средств. Основные средства усиления Сталинградского фронта были сосредоточены на правом крыле, на участке 21-й армии за рекой Дон, восточнее Серафимовича. Там находились два полка артиллерии резерва Главного командования, два отдельных танковых батальона, минометные гвардейские полки и несколько истребительно-противотанковых полков, т. е. основные средства борьбы против танков. И все это держалось на участке 21-й армии, по сути дела, в бездействии, в то время как противник наседавал на 62-ю армию и готовился нанести удар по частям генерала В.Д. Крючёнкина (4-я танковая армия), с тем чтобы выйти к реке Дон, в самую восточную часть его излучины. Наша разведка раскрыла этот замысел противника заблаговременно, в течение трех дней наблюдая за сосредоточением противника против очень слабых частей генерала Крючёнкина. Следовало бы немедленно, не позднее 10–11 августа, совершить серьезную перегруппировку сил, а именно: перебросить с участка 21-й армии на участок Крючёнкина и Лопатина средства усиления, а также не менее двух стрелковых дивизий, которые могли быть взяты из состава все той же 21-й армии и из соединений товарища Кузнецова. Человеку, даже не очень сведущему в вопросах оперативного искусства, было бы ясно, какие последствия повлечет бездействие или даже медлительность. К полудню, в основном разобравшись с состоянием дел на Сталинградском фронте, я установил, что переход противника в наступление с участка, где он сосредоточился, был вероятен уже завтра, т. е. 15 августа. Сдерживать его здесь было почти нечем. О реальном положении дел я немедленно доложил Ставке. Одновременно

отдал распоряжение о спешной перегруппировке войск, которая и началась немедленно. На перегруппировку требовалось минимум 30–40 часов времени. Но даст ли нам противник эти часы? Поскольку удар мог последовать незамедлительно, было отдано распоряжение о снятии нескольких соединений к с Юго-Восточного фронта, чтобы усилить состав наших войск на угрожаемом участке. Противник действительно не дал нам и 12 часов времени, начав свое наступление на рассвете 15 августа против войск 4-й танковой армии, и нанес удар в направлении Трехостровской.

Части, перебрасывавшиеся с правого крыла Сталинградского фронта в новые районы, с ходу вступали в бой и отражали удары противника. Большинство же из них даже при невероятном напряжении не успели прибыть вовремя. Не смогли также полностью прибыть и части, высвобожденные с Юго-Восточного фронта.

Противник имел огромное превосходство в танках, артиллерии и авиации. Последняя ни на минуту не покидала поле боя и непрерывно бомбила наши боевые порядки. Это позволило гитлеровцам к исходу дня 15 августа выйти к Дону на большом участке – от Трехостровской до Большенабатовского. Тем самым они решили свою ближайшую задачу, которая состояла, как это теперь стало совершенно ясно, в занятии исходного положения для форсирования реки Дон. Чтобы спасти здесь положение, чтобы локализовать успех противника, который непрерывно накапливал свои силы, пришлось взять с Юго-Восточного фронта пять истребитель-но-противотанковых полков, три стрелковые дивизии, две бригады и сто танков.

Таким образом, чтобы спасти положение, пришлось преждевременно использовать часть резервов, прибывших для создания контрударной группировки. К таким тяжелым последствиям повлекли ошибка в выборе направления для контрудара и обусловленное этим невыгодное оперативное сосредоточение войск.

Противник, используя эту ошибку, продолжал активные действия и не дал нам времени для проведения намеченной перегруппировки войск в полном объеме. «После большого прочета приходится долго расплачиваться» – таково суровое правило войны.

В результате боев с 15 по 17 августа войска 4-й танковой армии своим левым флангом отошли к рубежу Дона на внешний оборонительный обвод. Правее танковой армии вступили в сражение три дивизии 1-й гвардейской армии под командованием генерал-майора К.С. Москаленко, ранее переданной из резерва Ставки в Юго-Восточный фронт. Войска 1-й гвардейской армии и другие части, выдвинутые сюда с Юго-Восточного фронта, остановили наступление противника на своем участке, сохранив за собой плацдарм на правом берегу Дона.

К.С. Москаленко, возглавлявший 1-ю танковую, а затем 1-ю гвардейскую армию, успешно руководил войсками в крайне трудных условиях первых этапов битвы, когда войска армий, не успев закончить сосредоточения, вынуждены были вступить в неравные ожесточенные бои с противником. Командирская воля, решительность, личный героизм командующего не раз играли важную роль в деле выполнения боевых задач, поставленных перед войсками.

Руководство двумя фронтами, особенно в начальный период, требовало огромного напряжения сил, так как объем работы был весьма велик. В управлении войсками создалось необычайное положение. При одном командующем и одном члене Военного совета состояли два равнозначных штаба, два очень крупных фронтовых управления. Это сильно осложняло всю систему руководства войсками.

Если командование направлением или группой фронтов обычно осуществлялось через сравнительно небольшой штаб, представляющий собой оперативную группу квалифицированных генштабистов, то при сложившихся обстоятельствах руководить приходилось через два параллельно действующих штаба. Не говоря уже ни о чем другом, даже технически осуществление функций руководства войсками требовало вдвое больше времени.

Приказы, директивы, распоряжения, как правило, издавались в двух вариантах (для одного и другого фронта), будучи подготовлены двумя разными штабами. Приходилось заслу-

шивать двух начальников штабов, двух начальников разведывательных отделов, двух артиллеристов, двух танкистов, двух командующих ВВС, двух инженеров, двух заместителей по тылу. Одних только заместителей по двум фронтам набиралось до двенадцати человек. А ведь нужно было не только выслушать каждого, но и дать исчерпывающие распоряжения и указания, контролировать их исполнение.

Ясно, что все эти распоряжения, указания могли быть исчерпывающими только в том случае, если в основе их лежало точное знание в любой момент всех данных о каждом соединении, начиная от морального состояния его личного состава и кончая наличием и состоянием техники, оружия, боепитания и т. п., точное знание данных о противнике. Стремление быть всегда в курсе всех вопросов, касающихся обоих фронтов, вынуждало нас напрягать всю энергию и, не считаясь ни с чем, ни на минуту не упускать живой связи с войсками. При всем этом нельзя было допустить, чтобы наша личная работа в какой-либо степени сдерживала или замедляла осуществление принятых решений и подготовку новых мероприятий. В тех условиях было крайне необходимо, чтобы деятельность члена Военного совета и командующего активизировала подчиненных, будила их инициативу, не давала им возможности самоуспокаиваться. В этот период я неделями не отлучался с командного пункта, спал урывками.

Сейчас трудно представить весь объем работы, которую в тот период приходилось ежедневно выполнять. Конечно, это был исключительный случай; в прошлом такое положение не имело прецедента. Несомненно, легче управлять восемью – десятью армиями, объединенными в одном фронте, чем семью армиями, разделенными между двумя фронтами.

Нам – Военному совету двух фронтов – на первых порах командования неопределимую услугу в управлении войсками оказало то, что Никита Сергеевич Хрущев, находясь под Сталинградом с начала битвы, хорошо знал войска и командно-политический состав. Нужно к этому добавить, что кипучая энергия Никиты Сергеевича, его умение работать с людьми и правильно отмечать положительные стороны и недостатки в работе, его высокая партийность были примером для нас всех.

Основная функция по руководству войсками фронта дополнялась работой, вызванной подчинением фронтам бывшего Сталинградского военного округа и возложением на нас ответственности за оборону Астрахани и астраханского направления. Несмотря на все это, централизация управления войсками двух фронтов была в той обстановке целесообразной и облегчала решение важнейшей задачи по организации взаимодействия сил и средств в целом, и особенно в стыке их, на флангах.

Объединение командования фронтами позволило более гибко осуществлять взаимодействие и маневрирование силами и средствами в масштабе двух фронтов, по существу, на стратегическом направлении, что сыграло весьма существенную роль в выполнении войсками обоих фронтов задачи по удержанию города, перемалыванию ударных группировок врага и подготовке условий для контрнаступления. Координация в деле осуществления оперативных решений, организации разведки, материального обеспечения войск (представлявшего особую трудность в условиях Сталинграда в связи с тем, что тылы были за Волгой) имела также большое положительное значение.

Командование двух фронтов уделяло самое серьезное внимание делу политического воспитания войск. В наиболее критические моменты битвы отдавались приказы, распространялись воззвания, носившие политический характер, с таким расчетом, чтобы вокруг них можно было развернуть широкую разъяснительную и агитационно-массовую работу, чтобы в результате ее дойти, что называется, до сердца каждого воина-сталинградца. Совет фронтов считал одной из своих решающих задач тесное общение с войсками, постоянное прощупывание их боевого пульса.

Таким образом, тот факт, что командование двух фронтов было объединено, в целом следует признать положительным.

Необходимость полного разделения фронтов возникла значительно позже, при подготовке к контрнаступлению, примерно в конце сентября 1942 года, когда бывший Сталинградский фронт должен был тесно взаимодействовать с вновь созданным Юго-Западным фронтом. В дальнейшем, 30 сентября 1942 года, фронт, располагавшийся к северу от Сталинграда, был переименован в Донской и передан в подчинение нового командующего, а Юго-Восточный фронт, все время оборонявший Сталинград, получил наименование Сталинградского и остался в моем подчинении.

В своей деятельности по руководству войсками я всегда придерживался принципа «Без знания противника нет успеха». Поэтому в ходе борьбы за Сталинград много времени приходилось уделять вопросам организации разведки. Мною ежедневно заслушивались доклады о вновь полученных данных о противнике. С этими докладами ко мне являлись начальник разведки фронта и командующий ВВС или его начальник штаба. Поскольку с разведкой дело обстояло недостаточно благополучно, пришлось начиная с середины августа пристально заняться вопросами разведки, чтобы добиться коренного улучшения.

Еще 13 августа я отдал специальный приказ, в котором отметил, что войска фронта плохо ведут разведку. Думаю, что небезынтересно ознакомить читателя с этим документом.

«1. Противник, получив должный отпор в районе разъезда “74 км”, ст. Абганерово, приостановил наступление и подтягивает силы.

2. Войска Юго-Восточного и Сталинградского фронтов еще плохо ведут разведку, а подчас и совсем не ведут ее, порою не зная, что за противник находится перед фронтом полков и дивизий. В условиях маневренной войны противник часто делает перегруппировки на открытой местности днем, а наша разведка и наблюдение всех видов умудряются не заметить этих действий противника, из-за чего, применяя широкий маневр, противник часто появляется там, где его не ожидают.

3. Командиры полков, дивизий и высшие штабы, равно как и начальники разведотделов и отделений, уделяют недостаточное внимание этому важнейшему виду боевого обеспечения боевой деятельности войск и плохо руководят разведкой, поручая это дело малоопытным командирам.

4. Следует помнить, что “у страха глаза велики”; иногда группа смелых разведчиков может быть принята противником за целую роту и даже больше, а два-три танка – за танковый батальон и больше, тем более в условиях пыльных дорог.

5. Нужно так активизировать нашу разведку, чтобы она дышать не давала врагу, проникала бы во все щели, дезорганизовывала бы его управление, связь, боевые порядки, тылы, изматывала врага, не давала ему покоя ни днем, ни ночью.

Для этого нужно разведку организовать и ею руководить. Пора нашему разведчику организовать и вести разведку по-настоящему, пора встряхнуться от спячки, разбудить в разведчике замечательные качества, присущие нашему русскому народу: храбрость, выносливость, инициативу и находчивость.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Немедленно приступить на обоих фронтах к ведению систематической, непрерывной, организованной разведки противника всеми видами и способами: наблюдением, засадами, поисками, лазутчиками, рейдами, боем, посылкой дивизионной и армейской агентуры в тыл врага и т. д.

2. В каждой дивизии на своем участке ежедневно иметь контрольных пленных, трофеи и документы.

3. Периодически создавать отряды для разведки, рейдов, вклинения в боевые порядки противника, тщательно проводя их подготовку.

4. Командующему 57-й армией к 20.00 13.8.42 г. подготовить отряд в составе: одной роты пехоты, посаженной на машины, с автоматами; одной танковой роты; батареи иптап и дивизи-

зиона 51-й гвардейской мп с тремя залпами РС. Командование отрядом поручить храброму, решительному и инициативному командиру. Отряд сосредоточить к 20.00 13.8.42 г. в Большие Чапурники. Задача высылается особо.

5. К исходу 14.8.42 г. довести этот приказ до командиров полков всех войсковых частей и соединений Сталинградского и Юго-Восточного фронтов включительно».

Предпоследний пункт приказа, адресованный командующему 57-й армией, имел своей целью не только выполнение конкретной задачи по разведке боем участка перед войсками этой армии, но должен был показать командирам не только как именно организуется разведка, а также и то, что им самим следует заниматься разведкой, коль скоро командующий фронтом делает это.

Задача, поставленная командующему 57-й армией, была успешно выполнена.

К ведению разведки на фронте привлекались все виды и рода войск и служб. Например, для поддержки разведчиков мы успешно стали применять минометы.

Приведу здесь выдержки из сообщения командира роты старшего лейтенанта Ельцова, докладывавшего мне лично об успешном выполнении его подразделением поставленной задачи. По моему приказанию рассказ Ельцова был помещен во фронтовой газете. Вот выдержка из этого рассказа:

«Нам была поставлена задача провести разведку боем и добыть “языка”. Для выполнения этого задания в помощь разведчикам был придан минометный взвод младшего лейтенанта Веретенникова. Перед тем как отправиться на разведку, политрук роты Новинский пробрался в район действия разведчиков, осмотрел местность, наметил пути подхода и отхода минометчиков, определил, где можно будет занять удобные огневые позиции.

Поздней ночью разведчики, а вместе с ними и минометчики двинулись в путь. Достигнув намеченного рубежа, расчеты заняли позиции у стены длинного колхозного сарая.

Вперед отправилась группа саперов. У проволочного ограждения гитлеровцы ее обнаружили и открыли стрельбу из двух пулеметов. Метким огнем минометчики заставили их замолчать, но сразу же, правее, заговорил еще один пулемет. Пока фашисты перестреливались с нашими минометчиками, группа разведчиков оврагом слева проникла за проволочное ограждение и там, у хорошо протоптанной тропы, проходившей по ложбине, устроила засаду. Вскоре разведчики заметили, что по тропе идет немецкий солдат. Какое-то мгновение, и он был схвачен.

Выполнив свою первую задачу, минометчики быстро сменили огневую позицию. Оставаться на старой было нельзя потому, что противник установил, откуда велся огонь, и, бесспорно, должен был обстрелять позиции. Так оно и оказалось.

Выполнив задание, разведчики стали отходить. У проволочного ограждения они опять попали под вражеский обстрел. Вдруг взвилась ракета. Это был сигнал наших разведчиков о том, куда направить огонь минометов для прикрытия отхода. В стане врага был сделан большой переполох.

Поставленная задача была выполнена успешно. Разведчики взяли “языка” и установили расположение огневых средств противника на этом участке его обороны».

Этот, казалось бы, частный случай показал, что миномет – незаменимое оружие в разведке, легко применим в ее сложных условиях и для отвлечения внимания противника, и для быстрого подавления огневых точек, мешающих разведчикам.

В вопросах организации разведки командиры всех степеней держались всегда в большом напряжении. Контролируя, надо было быть требовательным к подчиненным в вопросах разведки (как, впрочем, и во всех других) и строго взыскивать за невыполнение или медлительное выполнение приказов. В основе этой требовательности лежала необходимость постоянно воспитывать подчиненных воинов, прививать вкус к разведке большим и малым начальникам. Результаты сказывались. Вскоре в этом деле стала проявляться широкая инициатива.

Нередко наши офицеры, сержанты и солдаты, непосредственно не имевшие прямой задачи вести разведку, брать пленных, вести наблюдение за действиями противника, делали это по собственному почину, как это и должно быть. В разведывательных донесениях все чаще и чаще стали появляться сообщения о широкой инициативе в деле разведки противника. Отдельные примеры печатались во фронтовых газетах. Помню старшего лейтенанта Тимофеева, который взял в плен немецкого офицера и доставил его в штаб. Вспоминаю один танковый экипаж (к сожалению, я запамятовал фамилию его командира), доставивший в штаб фронта в исправном состоянии только что принятую противником на вооружение радиостанцию. Этот случай описан также в дневнике, захваченном позднее нашими разведчиками у врага. В нем лейтенант 7 апд Лаурент пишет:

«... Вот еще одно происшествие. Наш офицер ехал с новенькой радиостанцией (на автомашине со смонтированной на ней радиостанцией. – А.Е.) на фронт. Неожиданный разрыв снаряда перед радиатором заставил его и двух радистов выскочить из машины и укрыться в ближайшем окопе. В это время показался русский танк. Он медленно подъехал к радиостанции и остановился около нее. Люк открылся, из танка выходит человек с концом троса в руках и привязывает эту новую прекрасную машину к своему танку, затем возвращается назад; и вот танк неторопливо разворачивается и медленно уходит восвояси, дав для острастки еще выстрел по злополучным радистам, которые, выпучив глаза, смотрят на все это и бездействуют, как обалдевшие. Они лишились всего, в увезенной машине остались даже кисточки для бритья и носки. Но хуже всего то, что теперь нужно идти пешком, разыскивать начальника, которому предназначалась радиостанция, и доложить ему о случившемся. Безумная выходка со стороны русских, но что поделаешь!...»

Плоды улучшения работы нашей разведки не замедлили сказаться. Мы стали располагать весьма ценными сведениями о противнике: о численности, вооружении, передвижениях его войск, изменении состава соединений, о политико-моральном состоянии и настроениях неприятельских солдат и офицеров, о замыслах вражеского командования, а также и об оценке врагом достоинств и недостатков нашего вооружения, нашей тактики, боеспособности отдельных наших частей.

Из показаний пленных, трофейных писем и дневников мы убедились, что моральное состояние большинства немецких солдат и унтер-офицеров в то время оставалось еще весьма высоким. Так, солдат 276-го пехотного полка 94-й пехотной дивизии Ганс Парман, взятый в это время в плен, показал, что моральное состояние части неплохое, усталости у солдат не чувствуется, пораженческих настроений среди солдат и офицеров нет; напротив, имеется уверенность в победе Германии, надежда на то, что текущий год не принесет таких разочарований, как прошлый (имеется в виду зимнее наступление Советской армии 1941/42 года. – А.Е.).

Из показаний обер-ефрейтора 71-го пехотного полка 29-й механизированной дивизии Шнейдера, взятого в плен в одном из ночных поисков в середине августа, выяснилось, что личный состав его части неоднороден: солдаты старших возрастов считают, что войну нужно закончить поскорее, при этом не важно, с каким исходом, так как они устали и стремятся поскорее вернуться к семьям; солдаты молодых возрастов настроены довольно бодро и желают воевать до победного конца.

Взятый в плен в то же время унтер-офицер 129-го танкового дивизиона 29-й механизированной дивизии Вилли Цейдлер заявил, что боевое настроение немецких солдат поддерживается строжайшей дисциплиной и системой жестоких наказаний за каждый проступок, а также шпионажем эсэсовцев. Несколько иное положение в этом отношении занимают молодые немецкие солдаты, которые, находясь под влиянием нацистской пропаганды, еще продолжали верить в победу фюрера. Об этом свидетельствовал ряд показаний пленных. Так, солдат 2-й танковой истребительной роты 94-й пехотной дивизии Йохим Бройлих на допросе заявил:

«Я думаю, что Германия выиграет войну потому, что мы уже у русских очень много захватили, резервы наши неисчислимы, питание у нас замечательное, зимнее обмундирование будет. Я в мае слышал по радио речь Гитлера. Он сказал, что вообще в конце этого года с русскими будет покончено. Тогда же он сказал, что германская армия в скором времени получит такое новое вооружение, которое будет способно разбить любой русский город всего несколькими выстрелами. Верно, этих пушек еще нет, но, как говорили офицеры, на днях они должны прибыть вместе с новыми дивизиями из Германии и Франции. Как только придут эти дивизии, начнется последнее большое наступление. Сталинград будет взят, потом падут Москва и Ленинград, и война с Россией будет закончена».

Такая же точка зрения, однако с обоснованиями «идейного» характера, изложена в письмах и дневнике лейтенанта 6-й роты 578-го пехотного полка 305-й пехотной дивизии Г. Хэннэса – представителя «мыслящей» по-гитлеровски прослойки германского офицерства. Он записал: «... у нас война. Оставим вопрос, почему и зачем она началась. Война начата, и сейчас каждый, сражающийся на Востоке, знает, что мы должны ее вести. Вопрос стоит так: быть или не быть немецкому народу. Поэтому каждый солдат готов принести жертву. Война требует жертв... Становится все яснее, что немецкий солдат на Востоке поставлен в такие условия, при которых уже нет больше правил для ведения войны. Об этой жестокой необходимости солдат хорошо знает. Нет никакой грани между жизнью и смертью. Это еще более важно знать в тылу. Войска должны быть подготовлены в военном отношении, сильными физически, но во многом война зависит от духовного состояния. В сегодняшнем запутанном мире очень много зависит от того, насколько знают, за что борются».

Однако за этими высокопарными фразами о «высших идейных» мотивах войны, вызванной якобы необходимостью борьбы за само существование немецкой нации, кроются весьма прозаические цели. Они уже практически осуществлялись немецкими оккупантами: разбой, грабеж, вывоз в Германию советского народного достояния, устройство немецких помещичьих поселений, вывоз в Германию русских граждан и т. д. Для иллюстрации этого положения достаточно привести очень короткую, но выразительную выдержку из письма сестры к солдату Фрицу Биллингу (полевая почта № 39006) от 28 июля 1942 года: «...сражайся хорошо, мой маленький Фриц, и ты получишь землю и русских рабов. Твоя любящая сестра».

Характерны также показания солдата штабной роты 15-го пехотного полка 29-й механизированной дивизии Роберта Дауна:

«Немецким солдатам говорят, что война между СССР и Германией является не просто борьбой за территории, а войной между мировоззрениями. Многие из солдат еще не возлагают вины за лишения, которые они испытывают на войне, на Гитлера и его режим. Немало таких, которые считают, что гитлеровский режим является наиболее подходящим для Германии. Они говорят, что за время пребывания у власти Гитлер создал сильную, единую империю, способную противостоять любому нападению извне. Они считают также, что поражение гитлеризма и уничтожение его равнозначно уничтожению самой Германии. Если будет свергнут Гитлер, Германия будет разделена на ряд мелких государств и прекратит свое существование в качестве самостоятельного государства. Она попадет в полное подчинение Англии. Боязнь этого является, между прочим, одной из причин, способствующих упорной борьбе многих немецких солдат, особенно молодежи».

Несколько по-иному были настроены представители других национальностей, входивших в состав гитлеровской армии. Так, австрийцы вследствие пренебрежительного отношения к ним со стороны немецких солдат и особенно офицеров выражали глухое недовольство гитлеровским режимом.

Низким было моральное состояние румынских войск. Солдаты-румыны в своем большинстве понимали, что вынуждены рисковать жизнью за чуждые им интересы. Вот отрывок из письма солдата Албу-Сика своим родным (г. Бухарест, ул. Прест, 12):

«Сообщаю, что жив, но живу в нищете. Недавно были сильно атакованы и опять потеряли много солдат и офицеров. Не знаю, когда все это кончится! Мне это так надоело, что я уже не в силах терпеть мучений. Из всех солдат, обслуживающих орудие, осталось в живых только нас двое. Бог спас и меня. Сейчас мы находимся под Сталинградом, где русские дерутся до последнего. Так что живу очень плохо во всех отношениях; если и дальше так будет продолжаться, то я просто сойду с ума. Что думают делать с нами, не знаю. Наверно, хотят всех нас погубить...

От Донца до этих мест, где находимся сейчас, прошли весь путь в 700 километров пешком. Обе ноги в волдырях. Не знаю, придет ли тот день, когда нас сменят с позиций.

Я вас просил что-нибудь сделать, чтобы я приехал домой, но вы пишете, что ничего нельзя сделать. Наши солдаты получают отпуска по протекциям из страны. Вам особенно легко это сделать сейчас, когда наш генерал Чалык поехал в Бухарест. Это можно сделать по рекомендации Попеску (он знаком с генералом). Очень прошу вас пойти туда, куда только возможно, и сделать так, чтобы вырвать меня отсюда как можно поскорее, так как эти собаки хотят уничтожить нас всех. Уже погибло больше половины из полка. Нас совсем не жалеют.

Русские имеют очень много вооружения. Сколько вооружения мы уже взяли и сколько взяли немцы, а конца не видно! Русские стреляют без жалости и каждый день убивают наших людей. Все это не беспокоит наше большое начальство, так как оно находится на десятки километров в тылу и не знает, что переживаем мы в окопах первой линии, в 100 метрах от противника. Умирают и те наши люди, которые могли бы еще жить: за ранеными не смотрят, не оказывают помощи, и они умирают.

Еще раз прошу, сделайте что можно и где можно, но вырвите меня из этого проклятого окопа, ибо русские применяют очень много разного огня, чтобы уничтожить нас...»

Солдат 2-го батальона 91-го пехотного полка 20-й пехотной румынской дивизии Спирую Ромулис показал: «Моральное состояние в полку неважное. Солдаты не хотят воевать за немцев. Офицеры обещали, что скоро дивизия вернется домой. Но солдаты теперь уже перестали верить. Это удалось только попу, который после первого боя убежал домой».

В показаниях пленных, в письмах солдат и офицеров на родину, попавших в руки наших разведчиков до того, как они были отправлены, в дневниках и других подобных документах часто давалась более или менее объективная оценка нашей тактики, действий нашей артиллерии, минометов, авиации, боеспособности тех или иных наших частей.

Ефрейтор 4-го танкового полка 6-й танковой дивизии Макс Беккер рассказал:

«Унтер-офицеры и даже лейтенанты объясняли солдатам, что задача дивизии под Сталинградом очень трудна ввиду превосходства пехоты противника, что артиллерией советские войска будто бы оснащены в меньшей степени, в частности, на этом фронте якобы отсутствуют “сталинские органы” (реактивные минометы). Нам пришлось самим увидеть всю вздорность этих предположений и испытать влияние этой музыки; мы ее слышали, и она произвела исключительно сильное впечатление».

Командир батальона 571-го пехотного полка 305-й пехотной дивизии Фридрих Гизе показал: «Красная Армия сильна в обороне, особенно сильна пехота, “катюши” сводят с ума». О действиях нашей авиации он отозвался: «Ваши бомбардировщики действуют только ночью. Только один раз они крепко били нас днем, это было у реки Оскол».

Унтер-офицер 297-го артиллерийского полка 297-й пехотной дивизии Алоис Хаймессер в своем дневнике не раз отмечает сокрушительные действия нашей артиллерии и авиации:

«19.8.42. Артиллерия обстреливает местность; приходит первое сообщение, что другие батареи нашего полка опять имеют большие потери; артиллерия очень хорошо садит здесь.

20.8. Две мины попали прямо по ОП. Тяжелая батарея русских стреляет неприятно долго и близко от нас.

23.8. Русское залповое орудие три раза обстреляло наш участок. В этом месте находится много уничтоженных машин 14-й танковой дивизии и 29-й моторизованной дивизии.

26.8. В 11.30 русские после артподготовки идут в атаку. Русские мины и артснаряды ложатся совсем близко от нашего НП.

30.8. Воздушный налет 20 русских бомбардировщиков. Генерал Пфефер и командир полка тоже лежат на животе. Перед Сталинградом можно видеть по крайней мере 50 прожекторов. Ночью сильная бомбежка. “Сталинский орган” тоже здесь.

31.8. В 3 часа... нападение русской штурмовой авиации. На огневых позициях сильная бомбежка, нападение штурмовой авиации. В 14 часов опять нападение русских самолетов.

1.9. “Сталинский оргán” стрелял через нас; как мы узнали позже, были обстреляны огневая позиция и наши боевые порядки. Убито 4 человека и 10 лошадей. В 9-й батарее убито 26 лошадей. В 9 часов сильный налет пикировщиков впереди нас, вслед за этим бомбежка и налет русской штурмовой авиации.

3.9. Столько “сталинских оргánов” одновременно мы еще не видели.

4.9. Русская артиллерия очень сильно обстреливает нас. Везде становится совершенно невозможно: на наблюдательном пункте находишься под обстрелом пулеметов и минометов, на огневой позиции – под артиллерийским огнем.

15.9. Когда я в 24 часа заснул, вдруг ужасно загремели падающие бомбы».

Старший ефрейтор 71-го мотополка 29-й мотодивизии В. Шнейдер, взятый в плен в районе разъезда «74 км», показал, что он «очень высокого мнения о боеспособности Красной Армии, оснащенность которой самолетами, танками и техникой в последнее время необычайно возросла; советская артиллерия ежедневными мощными налетами уничтожает скопления немецких войск и материальную часть; также прекрасно работают советские летчики, налетая по 4–5 раз в сутки на сосредоточения немецких войск, они успешно бомбят их».

Из этих источников, а также из наблюдений разведчиков, из их бесед с мирным населением, из донесений партизан мы получали довольно разностороннее представление о состоянии войск противника, а также о положении местного населения в фашистской неволе, о жизни в самой Германии и т. д., а главное, имели возможность знакомиться с действиями противника и его расчетами как на предыдущие недели, так и на ближайшее будущее.

О варварских действиях фашистов, грабеже ими нашего достояния, угоне наших людей в рабство в Германию, об уничтожении ими целых деревень и сел, жители которых были заподозрены в связях с партизанами, и о прочих зверствах гитлеровцев читатель хорошо знает. Я приведу здесь всего лишь один документ – письмо Семена Тихоновича Семькина своим сыновьям (Семькину с помощью наших разведчиков удалось перейти линию фронта):

«80 лет прожил я на свете. Испытал на своем веку и гнет царизма, и тяжелый подневольный труд на барщине, и кулацкую плеть, и тяжесть двух войн... Но то, что я пережил за три дня пребывания под властью немцев, затмило все пережитое за три четверти века. Я не в силах рассказать всего: так велико причиненное нам горе.

У нас было родное, хорошее село. Теперь его нет. Остались развалины да обгоревшие печные трубы. Наше мирное село сожгли фашисты. Нет сотен наших женщин, стариков и детей – немцы их частью сожгли, частью расстреляли, многих же угнали к себе, в Германию.

В погребе, во дворе моего сына, спрятались дети моих сыновей Петра, Алексея, Леонида, которые служат в Красной Армии. Там были одиннадцать моих внучат. Когда к дому подошел фашист и, облив керосином, поджег его, женщины бросились из погреба в хату, чтобы спасти свое добро. Мерзавец прикладом загнал их обратно, запер погреб и подпалил ляду. Дым и огонь проникли внутрь. Вопли женщин и детей долго раздавались по двору.

В погребе все задохнулись, сгорели. В нем погибли одиннадцать моих внучат. Погибли и их матери.

Слушайте, сыны мои, Петро, Алексей, Леня! К вам и вашим друзьям по оружию обращаюсь я:

– Нет больше у вас жен, нет у вас любимых дочерей и сыновей, моих внучат. Их отнял враг. Нет вашего села, нет ваших домов: все сожгли захватчики. Я знаю, больно вам это слушать, но это правда. Отомстите кровавому врагу!»

Стоит привести несколько фактов, характеризующих жизнь в самой Германии, где, несмотря на хвастовство гитлеровских заправил, положение становилось все более напряженным. Вот письмо родных солдату Оскару Винклеру из Зигесдорфа:

«Дорогой Оскар! Мы много думаем о тебе и можем понять твоё положение. Днём под минометным огнём, а ночью копаем, и долгое время без отдыха. Конечно, можно потерять и жизнь, и здоровье. Тебе, вероятно, иногда приходит в голову мысль, почему одни должны быть на передовой, а другие – сидеть в тылу. Сыновья богатых крестьян сидят в тылу или же служат в артиллерии, к у многих находится масса особых причин для получения отпуска».

Вот ещё один отрывок из письма ефрейтору Францу Крейнеру (полевая почта № 21958) от 13 августа 1942 года; пишет его мать:

«Твой брат Руди тоже 18 месяцев не был дома. Последние три месяца он был во Франции, а теперь получил отпуск. Однако ему снова нужно уезжать, даже на 8 дней раньше окончания срока его отпуска: он записался добровольцем в Африку, чтобы не быть посланным на Восток».

Здесь отчетливо видно, что гитлеровцы как огня боялись Восточного фронта и по сравнению с ним Африку считали раем. Это лучше всяких доводов и рассуждений опровергает фальсификацию Второй мировой войны буржуазными историками, в том числе и Черчиллем, которые пытаются внушить читателю, что перелом в войне наступил якобы в результате побед западных союзников в Африке над Роммелем.

Вот ещё документ, весьма недвусмысленно показывающий ужас, который наводил на вражеских солдат Восточный фронт.

9 июня 1942 года солдату Вальтеру Зоммерфельду пишет жена из Дортмунда:

«...Теперь я перехожу к самому ужасному; я не могу поверить тому, что ты должен ехать на Восток. Это для меня слишком сильно. Я этого просто не могу себе представить. Начинаю думать: мне становится так, как будто я задыхаюсь, будто дом рушится мне на голову. Ведь у меня всегда была надежда, что ты останешься на Западе... Теперь я уже желала бы, чтобы болезнь твоя возвратилась – и ты снова бы вернулся на родину, в лазарет... Ты в опасности, которая может сразить в любой день».

Однако что же мы узнали о главном, о планах противника на ближайшее будущее? Суммарные данные, полученные из многочисленных сведений, добытых разведкой, раскрыли нам ряд важных моментов по этому вопросу. Необходимо, однако, оговориться, что, как бы хорошо ни была налажена разведка, от нее нельзя требовать всеобъемлющих данных: в ее сведениях всегда могут быть неясности, а подчас и противоречия; в разведывательные данные вместе с истиной могут просочиться и специально подтасованные или фальсифицированные врагом факты. Поэтому лишь тщательная обработка и глубокий анализ разведывательных данных гарантируют действительно объективные и правильные выводы.

Нам стало известно, что в связи с провалом удара 4-й вражеской танковой армии в районе Абганеро (наш контрудар в районе разъезда «74 км») противник вынужден был пойти на серьезную перегруппировку своих сил; свободных резервов у него было не много. По приказу гитлеровской ставки 6-я армия, ведшая бои в большой излучине Дона, 12 августа передала 4-й танковой армии две свои полнокровные дивизии (297-ю пехотную и 24-ю танковую).

С этими подкреплениями после перегруппировки (отвода потрепанных дивизий назад и замены их свежими) 4-я танковая армия должна была продолжать свое наступление; однако теперь направление главного удара переносилось вправо, хотя целью этого удара, как и прежде, оставался возвышенный волжский берег в районе Красноармейска. Осуществление этого намерения возлагалось на 48-й танковый корпус, получивший задачу двигаться западнее линии озеро Цаца, Красноармейск, 6-й румынский армейский корпус, обязанный наступать западнее

железной дороги станция Абганерово – станция Тундутово, и 4-й немецкий армейский корпус, нацеленный для наступления восточнее этой железной дороги.

Наличие у нас сведений об этом, во-первых, показало, какую услугу мы оказали Сталинградскому фронту контрударом у Абганерово, отвлекшим с его участка две наиболее боеспособные дивизии, во-вторых (и это самое главное!), подтверждало наше опасение о серьезнейшей угрозе, нависшей над Юго-Восточным фронтом, Сталинградом, да, пожалуй, и над всеми войсками южного крыла нашего фронта.

Чтобы подтвердить это, я приведу здесь весьма убедительные и полностью соответствующие реальному положению вещей доводы генерала Дёрра, которые он излагает в своей книге.

«Когда 4-я танковая армия 20 августа перешла к обороне у станции Тундутово, она находилась в непосредственной близости от важного участка местности, возможно, имевшего решающее значение для всего оперативного района Сталинграда, – приволжских возвышенностей между Красноармейск и Бекетовка.

У Красноармейск возвышающийся на 150 м над уровнем Волги высокий берег отходит от реки и поворачивает дальше на юг, переходя в Ергени. Здесь, если смотреть вниз по течению реки, расположена последняя возвышенность у берега. Она господствует над всем изгибом Волги с островом Сарпинский. Если вообще можно было взломать оборону Сталинграда, то удар следовало наносить именно отсюда.

Красноармейск был южным краеугольным камнем обороны Сталинграда и одновременно конечным пунктом единственной коммуникации, связывавшей по суше западный берег Волги с Астраханью. Ни в каком другом пункте появление немецких войск не было так неблагоприятно для русских, как здесь.

Кроме того, любой вид боя, который немецкие войска вели за город, будь то наступление или оборона, с самого начала был связан с большими трудностями, пока Красноармейск и Бекетовка оставались в руках русских, так как эта возвышенная местность господствовала над Волгой, предоставляла прекрасные возможности для ведения наблюдения за Калмыцкими степями, могла быть использована как место сосредоточения и как трамплин для контрудара русских по южному флангу войск, наступавших на Сталинград или занимавших там оборону»³⁰.

К этой характеристике района Красноармейск, Бекетовка, данной Дёрром, являющимся хорошо подготовленным в оперативном отношении генштабистом, пожалуй, ничего не добавишь.

Потому-то укрепление этого участка началось безотлагательно, как только был создан Юго-Восточный фронт. Предпринятые мероприятия оказались весьма результативными. Уже 13 августа войска, отведенные с рубежа реки Аксай на внешний обвод на участке Демкин, Тебектенерово, значительно усилили здесь оборону, к тому же значительно, на 50 километров, была сокращена протяженность фронта. В полосе между реками Аксай и Мышкова, где весьма широко было применено минирование, образовалось предполье, оборонявшееся передовыми отрядами 64-й армии. В тылу у нас были сосредоточены общие и особенно противотанковые резервы (одна стрелковая дивизия, одна противотанковая бригада и два противотанковых полка).

Если бы такая же возможность (укрепить участок к северу от Сталинграда) представилась и в районе Сталинградского фронта, то враг никогда не увидел бы Волгу.

Предварительные контрмероприятия и дальнейшие настойчивые действия 64-й армии сорвали гитлеровский план взятия Сталинграда в клещи. Дело в том, что одна из сторон этих гигантских клещей должна была, двигаясь вдоль дороги (восточнее) Сальск – Сталинград, выйти к Волге в Красноармейском районе Сталинграда. Все движение 4-й танковой армии с

---

³⁰ Дёрр Г. Поход на Сталинград. С. 39–40.

плацдарма в районе Цимлянская, Константиновская в район Абганерово и далее на восток было направлено к этой основной цели.

Посмотрим, как развивались события в дальнейшем.

Остановимся несколько подробнее на обстановке, сложившейся у нас на участках 62-й и 4-й танковой армий.

62-я армия к этому времени находилась в трудном положении. К 9 августа противнику вновь удалось окружить одну из ее дивизий, которая тем не менее продолжала бои, стремясь вырваться из вражеского кольца. Отдельным частям этой дивизии к 14 августа удалось вырваться из окружения и соединиться с войсками 62-й армии, действовавшими вне кольца окружения. Три дивизии этой армии были отведены на восточный берег Дона и заняли оборону на участке Вертячий, Ляпичев, о чем говорилось выше.

15 августа войска 4-й танковой армии, удерживавшие фронт Мело-Клетский, Больше-набатовский, были атакованы противником. Результатом этого был прорыв фронта в центре и разделение сил соединения на две группы. Части, входившие в правую группу, отошли на северо-восток и влились в 1-ю гвардейскую армию, передовые части которой недавно прибыли в район Фролово из резерва Ставки. С учетом сложившейся обстановки эта армия получила задачу оборонять фронт по рубежу Дона на участке Кременская, Сиротинская, устье реки Иловля. Левая группа 4-й танковой армии, отесненная противником на левый берег Дона, заняла оборону на участке от устья реки Иловля до Нижне-Гниловской.

Против 4-й танковой армии противник бросил большие массы танков и авиации. Части армии героически сопротивлялись наступающему противнику, нанося ему тяжелые потери, но устоять в неравном бою перед значительно превосходившими вражескими силами не смогли. К исходу 15 августа противнику удалось прорваться к Дону на участке Трехостровская, Акимовский, Большенабатовский. Этим самым противник решил свою ближайшую задачу: занял исходное положение для форсирования Дона и подготовки нового удара на Сталинград (о чем говорилось уже ранее).

Этот успех обошелся немецко-фашистским войскам очень дорого. Ударные крылья группировки противника в боях были значительно «общипаны». Однако, спешно усилив свои войска новыми дивизиями и произведя перегруппировку, немецко-фашистское командование решило развивать свой тактический успех.

Одновременно серьезные бои происходили и на участках 64-й и 57-й армий. Здесь в период с 17 по 20 августа противник произвел ряд последовательных ударов с целью нащупать слабые места и дезориентировать нас в отношении направления главного удара (Бекетовка, Красноармейск). Кстати сказать, это ему не удалось.

17 августа 371-я пехотная дивизия противника, усиленная танками, атаковала наши части в районе Абганерово, прорвалась к совхозу имени Юркина и захватила его (схемы 1, 7 и 8). Однако уже на следующий день 29-я стрелковая дивизия стремительной контратакой выбила гитлеровцев из совхоза и отбросила их к южной окраине станции Абганерово. 19 августа вражеская атака на совхоз была повторена одновременно с двух направлений: 371-й пехотной дивизией из района Абганерово и 94-й пехотной дивизией вдоль железной дороги; кроме того, по направлению на разъезд «74 км» наносила удар 29-я моторизованная дивизия из района Плодовитое. 20 августа группа в составе 150 танков (14-я танковая дивизия) атаковала наши позиции в районе Семкин. В итоге этих атак противник лишь незначительно вклинился в нашу оборону, захватив станцию Абганерово. Дальнейшее его продвижение было приостановлено вводом резервов, о чем уже говорилось.

Одновременно противник готовил главный удар силами трех пехотных (97, 371 и 297-й), двух танковых (14-й и 24-й) дивизий и одной мотодивизии (29-й) из района Плодовитое в район Красноармейск, Бекетовка. Как видим, 297-я пехотная и 24-я танковая дивизии были переброшены из 6-й армии. 21 августа эта группировка повела наступление. К исходу дня до

150 танков вышли в район Дубовый Овраг, балка Морозовская. В дальнейшем противник стремился углубить прорыв и выйти в район Сталинграда. Однако здесь его встретили наши истребительно-противотанковые полки, под ударами которых танковый кулак противника потерял свою ударную силу. Устойчивости обороны способствовали и минные заграждения, усиленные фоговскими установками. Яростные наскоки врага захлебнулись, а расчеты гитлеровских стратегов захватить район Красноармейска, который они не без оснований считали той краеугольной «точкой», с которой возможно «перевернуть» весь Сталинград, провалились.

Правда, противник здесь крепко нависал над левым флангом 64-й армии. Это заставляло нас иметь на этом участке дополнительные силы.

По поводу этих боев командование фронта доносило в Ставку:

«С 12.8 по 19.8 противник под прикрытием массированной авиации на фронте Тебектереро, Абганеро, свх. Приволжский – силою двух пехотных, одной танковой и одной моторизованной дивизии ежедневно атаковывал боевые порядки наших войск, проводя в день по 6–8 массированных атак танками и пехотой. Все попытки противника прорвать нашу оборону терпели поражение, что заставило его усилить свои войска свежей 24-й танковой дивизией, ослабляя другие участки фронта.

20 августа противнику удалось прорвать линию нашей обороны на правом фланге 57-й армии в районе свх. Приволжский, где, несмотря на большие потери (было уничтожено до 60 танков), танкам противника численностью до 90 штук удалось выйти в район южная окраина Дубовый Овраг, отм. 84.5, 118.0, Морозов, создав угрозу флангового удара по 64-й армии. Попытки дальнейшего продвижения на Красноармейск и прорыва на северо-запад во фланг и тыл 64-й армии в течение 20–29 августа успеха не имели, так как к этому времени за счет маневра внутренними ресурсами к району станция Тундутово, разъезд у отм. 105, балка Песчаная были сосредоточены 133-я танковая бригада, 20-я истребительная противотанковая артиллерийская бригада и 55-я танковая бригада.

Контрударом этих соединений на восток и юго-восток противник был отброшен на рубеж: выс. 120, балка Морозовская. В течение последних дней противник ежедневно проводил непрерывные атаки, по 4–6 в день; одновременно он производит перегруппировку к западу в поисках слабых мест в обороне; все атаки и попытки прорыва остаются безрезультатными для противника».

Именно в это время Геббельс завопил о трудностях продвижения германской армии на Востоке, объясняя их мощностью советских укреплений. Он объявил Сталинград крупнейшей крепостью, превосходившей якобы своей неприступностью знаменитый Верден, и тем не менее «предрекал» скорое падение Сталинграда.

Мировая печать в эти дни уже внимательно прислушивалась к звукам Сталинградского сражения, в прессе начали появляться сообщения, что немцы остановлены под Сталинградом.

Подводя итог боев до конца второго этапа, следует сказать, что за это время советские войска упорными оборонительными действиями нанесли противнику серьезные потери и сорвали его замысел захватить Сталинград с ходу. Однако в процессе этих боев войска Сталинградского и Юго-Восточного фронтов были вынуждены отойти на внешний оборонительный обвод, приостановив там на время наступление противника. В срыве планов немецкого командования по внезапному захвату Сталинграда значительную роль сыграли наряду с упорством войск Юго-Восточного и Сталинградского фронтов, самоотверженно выполнявших свой долг перед Родиной, также трудовые подвиги гражданского населения Сталинграда и области. Десятки тысяч сталинградцев под ударами авиации и артиллерийским обстрелом врага строили оборонительные рубежи, возводили баррикады. Рабочие Сталинграда в тяжелейших условиях производили оружие для фронта.

Немецко-фашистская ставка и особенно «сам главнокомандующий» были до крайности раздражены и недовольны действиями командующего 6-й армией генерала Паулюса и коман-

дующего 4-й танковой армией генерала Гота. Два срока захвата Сталинграда, назначенные Гитлером, прошли, а Паулюс и Гот находились все еще далеко от цели. Уходило ценнейшее время. Решалась судьба планов всей летней кампании. Фюрер волновался и требовал от войск все новых и новых усилий, приказывал сломить сопротивление, взломать оборону и взять город до наступления осени.

Теперь, после того как врагу не удалось прорваться к Сталинграду путем нанесения разновременных ударов с запада и юго-запада, немецко-фашистское командование решило овладеть городом и выйти к Волге, нанеся два одновременных удара по сходящимся направлениям силами 6-й армии – из района Трехостровской и главными силами 4-й танковой армии – из района Абганерово на север (схема 5). Для обеспечения стыка между 6-й и 4-й танковой армиями намечалось нанести удар из района Калача на восток и ворваться в Сталинград с юга.

В соответствии с этим решением была произведена перегруппировка и подтянуты новые силы. Так, 6-я армия, передав участок от Павловска до устья реки Хопер 8-й итальянской армии, высвободила все свои силы для наступления на Сталинград, создав ударную группировку в составе девяти дивизий (шести пехотных, двух моторизованных и одной танковой).

Всего в этом наступлении на Сталинград принимало участие до 20 дивизий.

Началось спешное усиление сталинградской группировки немецких войск. Если в первые дни борьбы непосредственно на сталинградском направлении действовали 17–18 дивизий первой линии, то теперь состав этих войск был еще увеличен, а их боевые средства усилены. К этому периоду относится прибытие под Сталинград одного из упорнейших фашистских фанатиков, генерал-полковника фон Рихтгофена, с возглавляемым им IV воздушным флотом.

Таким образом, потерпев неудачу в попытке захватить Сталинград с ходу ударами 6-й армии с запада и 4-й танковой армии с юго-запада (путем взятия его в клещи), гитлеровское командование составило упомянутый новый план концентрического удара на Сталинград, по которому обе наступающие на Сталинград группировки должны были направить острия своих ударов в общий центр, примерно в стык между двумя фронтами либо несколько севернее. При этом 6-я армия наносила удар из района малой излучины Дона, а 4-я танковая армия – из района Абганерово, Плодовитое.

Приведу здесь приказ командующего 6-й армией, в котором изложен этот план³¹.

«Верховное

командование армии 6.

19 августа 1942 г.

18 ч. 45 мин.

АРМЕЙСКИЙ ПРИКАЗ О НАСТУПЛЕНИИ НА СТАЛИНГРАД

№ 3044/42. Совершенно секретно

Карта 1: 100 000

1. Русские будут упорно оборонять район Сталинграда. Они заняли высоты на восточном берегу Дона западнее Сталинграда и на большую глубину оборудовали здесь позиции.

Следует считаться с тем, что они, возможно, сосредоточили силы, в том числе танковые бригады, в районе Сталинграда и севернее перешейка между Волгой и Доном для организации контратак.

Поэтому войска при продвижении через Дон на Сталинград могут встретить сопротивление с фронта и сильные контратаки в сторону нашего северного фланга.

---

³¹ Командующий немецко-фашистской армией – Паулюс Фридрих (1890–1957), генерал-фельдмаршал (1943). Участник Первой мировой войны, затем служил в рейхсвере и вермахте. С начала Второй мировой войны – начальник штаба ряда армий. Один из главных участников разработки плана нападения Германии на СССР. С января 1942 г. на советско-германском фронте, командовал 6-й армией, которая была окружена в Сталинграде. Сдался вместе с войсками в плен. В 1944 г. вошел в антифашистский союз немецких офицеров. С 1953 г. – в ГДР. – *Примеч. Т.Е.*

Возможно, что в результате сокрушительных ударов последних недель у русских уже не хватит сил для оказания решительного сопротивления.

2. 6-я армия имеет задачей овладеть перешейком между Волгой и Доном севернее железной дороги Калач – Сталинград и быть готовой к отражению атак противника с востока и севера.

Для этого армия форсирует Дон между Песковатка и Трехостровская главными силами по обе стороны от Вертячий. Обеспечивая себя от атак с севера, она наносит удар главными силами через цепь холмов между р. Россошка и истоками р. Б. Коренная (10 километров восточнее Самофаловка. – А.Е.) в район непосредственно севернее Сталинграда, до Волги. Одновременно частью сил ворваться в город с северо-запада и захватить его.

Этот удар сопровождается на южном фланге продвижением части сил через р. Россошка в ее среднем течении, которые юго-западнее Сталинграда должны соединиться с продвигающимися с юга подвижными соединениями соседней армии. Для обеспечения фланга войск в район между нижним течением рек Россошка и Карповка и р. Дон выше Калача с северо-востока выдвигаются пока что только слабые силы. С подходом сил соседней армии с юга (имеется в виду 4-я танковая армия. – А.Е.) к Карповка войска выводятся из этого района.

С переносом наступления на восточный берег р. Дон на ее западном берегу ниже Малый остаются только небольшие силы. Впоследствии они наносят удар через Дон по обе стороны от Калача и участвуют в уничтожении расположенных там (в Калаче. – А.Е.) сил противника.

3. Задачи:

XXIV танковому корпусу оборонять р. Дон от правой разграничительной линии армии до Лученской (иск.); 71-й пехотной дивизии, оставив слабые заслоны на р. Дон, овладеть плацдармом по обе стороны от Калача и затем наступать в восточном направлении. Подготовиться к выполнению новой задачи.

LI армейскому корпусу захватить второй плацдарм на р. Дон по обе стороны от Вертячий. Для этого ему временно придаются артиллерия, инженерные части, группы регулирования движением, противотанковые части и необходимые средства связи из состава XIV танкового корпуса.

С прохождением плацдарма XIV танковым корпусом LI армейскому корпусу обеспечить его южный фланг. Для этого корпусу переправиться между Ново-Алексеевский и Бол. Россошка через р. Россошка, занять холмистую местность западнее Сталинграда и, продвигаясь на юго-восток, соединиться с наступающими с юга подвижными соединениями соседней армии справа.

Затем корпусу овладеть центральной и южной частями Сталинграда...

XIV танковому корпусу после занятия плацдарма LI армейским корпусом нанести с него удар на восток через цепь холмов, что севернее Мал. Россошка, станция Конная, и выйти к Волге севернее Сталинграда, перерезать Волгу и прервать железнодорожное сообщение севернее города. Частью сил корпуса нанести удар с северо-запада, ворваться в северную часть Сталинграда и захватить ее. Танки при этом не использовать... При этом поддерживать тесное взаимодействие с подходящим с запада VIII армейским корпусом.

8-му армейскому корпусу прикрывать северный фланг XIV танкового корпуса. Для этого нанести удар с плацдармов, захваченных между Н. Герасимов и Трехостровская, на юго-восток и, постепенно поворачивая на север, выйти на рубеж (по возможности недоступный для танков противника) между Кузьмичи и Качалинская. Поддерживать тесное взаимодействие с XIV танковым корпусом.

XI и XVII армейским корпусам обеспечить северный фланг армии.

XI армейскому корпусу – на рубеже р. Дон от Мелов до Клетская (иск.) и дальше до левой разграничительной линии армии... в ближайшее время направить 22-ю танковую дивизию в район Далий-Перековский, Ореховский, Селиванов в распоряжение командования армии...³²

VIII авиационный корпус главными силами будет поддерживать вначале действия LI армейского корпуса, затем XIV танкового корпуса...»

Хотя лучшей оценкой всякого плана являются реальные результаты, достигаемые при его осуществлении, все-таки кратко проанализируем этот документ, ибо, во-первых, он имел важное значение для дальнейшего развития событий под Сталинградом, а во-вторых, потому, что в буржуазной военной литературе катастрофу гитлеровских войск под Сталинградом связывают отчасти с ошибочностью данного плана. Так, уже знакомый нам генерал Дёрр в своей книге «Поход на Сталинград» пытается убедить своих читателей в том, что причиной неудачи германской армии под Сталинградом явился плохой план, а совсем не то, что она уступала по своему моральному духу Советской армии.

Он весьма подробно и довольно «самокритично» для бывшего гитлеровского генштабиста разбирает этот план. Однако эта «самокритика» является, в сущности, не чем иным, как стремлением умалить силу сопротивления нашей армии, принизить наше военное искусство. Правда, в начале своих рассуждений он бросает небрежный комплимент защитникам Сталинграда, стремясь тем самым показать якобы свою объективность. Теперь ведь нет в мире людей, которые не знали бы о героизме сталинградцев, поэтому даже битые гитлеровские генералы скрепя сердце вынуждены писать об этом.

Вот рассуждения Дёрра относительно этого плана, которые мы приведем полностью:

«Я хочу сделать здесь несколько замечаний по поводу наступления на город, так как неудача действий наступавших войск в этой операции не может быть объяснена только недостатком сил у наступающего и выдающимся мужеством и умелыми действиями обороняющегося, – ее следует также отнести за счет ошибок в группировке сил 6-й армии в начале наступления.

Из развернутого приказа 6-й армии от 19 августа 1942 г. “О наступлении на Сталинград” не видно, как войска должны были овладеть огромным городом. Может быть, командование 6-й армии в тот момент еще не представляло себе ясно географическое положение города и его особенности? Можно задаться вопросом, было ли целесообразно и правильно, находясь еще к западу от Дона, начинать наступление на большой город, расположенный на расстоянии 60 км восточнее реки.

Ближайшая задача должна была состоять в форсировании Дона, рубеж которого оборонялся противником, глубоко эшелонировавшим свои позиции и подготовившимся к обороне. После форсирования Дона главная задача 6-й армии должна была состоять в наступлении XIV танкового корпуса к Волге; только после успеха этого наступления, в результате которого были бы перерезаны все коммуникации, связывающие Сталинград с севером, можно было приступить к штурму города.

Пришлось бы армии снова перегруппировываться или же корпуса, продолжая движение вперед, ворвались бы в Сталинград, – зависело от того, будет ли противник оборонять город и в том случае, если немцы выйдут к Волге и перережут все коммуникации, ведущие к городу с севера.

“Приказ о наступлении на Сталинград”, в котором, между прочим, о замысле командования 6-й армии в отношении захвата города говорится только: “...частью сил одновременно ворваться в город с северо-запада и захватить его”, можно было толковать только таким обра-

---

³² Из приказа видно, что 6-я армия Паулюса состояла из шести корпусов и по своей численности в два раза превосходила войска Сталинградского фронта. По силам 6-я армия равнялась нашему фронту, даже была значительно сильнее. Каждый корпус противника превышал силы нашей армии, в которой было 3–4, а иногда и 5 дивизий. – *Примеч. А.Е.*

зом, что корпуса должны использовать все возможности для того, чтобы ворваться в город, если обстановка благодаря внезапности действий позволит надеяться на успех.

... Можно утверждать, что командование 6-й армии в известном отношении неправильно оценило обстановку. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства:

1) Опыт боев с русскими давал основание считать, что они будут оборонять Сталинград даже в безнадежном положении до последнего патрона. Впрочем, если судить по приказу, командование 6-й армии считало, что “русские будут упорно оборонять район Сталинграда” и что “они будут сосредоточивать силы для контрудара в районе Сталинграда, в том числе танковые бригады”.

2) Командование армии, очевидно, недостаточно учло чрезвычайно сложные условия местности.

3) В результате выхода наших войск на Волгу севернее Сталинграда снабжение города было затруднено, однако коммуникации перерезаны не были.

4) В то время, очевидно, еще не представляли себе, в какой мере удастся преодолеть сопротивление противника, имеющего численное и оперативное превосходство, если обороняющийся ведет бой до последнего патрона и его нельзя взять измором.

5) Если было известно или ожидалось, что противник будет оборонять весь район Сталинграда, то концентрический удар или наступление на широком фронте с дальних подступов не были целесообразны. В результате таких действий можно было потеснить противника, но нельзя было нарушить его тактическое построение до тех пор, пока у него еще оставалась связь с тылом. Было необходимо расчлнить войска, оборонявшие город, и перерезать пути их снабжения. Поэтому в первую очередь следовало вбить клин в расположение войск в Сталинграде с таким расчетом, чтобы берег Волги с паромной переправой напротив Красной Слободы попал в наши руки. Наряду с наступлением 14-го танкового корпуса это было самой важной задачей. Следует даже задуматься над вопросом, не важнее ли было в тот момент, когда полагали, что мы встретим в Сталинграде лишь слабое сопротивление, выполнить эту задачу, чем осуществить наш удар в направлении на Рынок.

б) Район “Большого Сталинграда” был разделен 6-й армией на полосы для наступающих соединений, а не на основные объекты, это в конце концов привело к тому, что его географические особенности оказали свое действие тогда, когда нападающие вошли в такое тесное соприкосновение с противником, а обороняющиеся создали такую искусную оборону, что перегруппировка 6-й армии и перенос направления ее главного удара не могли больше вынудить русских к выполнению новых задач; момент внезапности был потерян»³³.

В этой «самокритике» Дёрра есть, несомненно, правильные положения. Это прежде всего то, что крохоборческий педантизм авторов плана не позволил им, что называется, рассмотреть слона, т. е. самый объект их вожделий – город-гигант Сталинград, вытянувшийся на 60 километров вдоль Волги. Гитлеровские стратеги планировали захватить его обычным способом – путем штурма с ходу. В этой связи понятно сомнение Дёрра относительно уместности для овладения Сталинградом концентрического удара, с помощью которого нельзя было действительно преодолеть нашу оборону. Небезосновательным, конечно, является глухое признание недооценки моральной стойкости защитников города. Существенны и другие положения Дёрра, например, мысль об ударе против наших войск, оборонявших участок волжского берега против Красной Слободы.

Однако в решающем Дёрр не прав. Он намеренно не учитывает реальной обстановки момента, когда возник этот план. Дело в том, что тогда, в августе, положение с обороной города существенно отличалось от положения, которое возникло в сентябре. Поэтому решение об ударе на севере не лишено оперативного смысла. Более того, если бы гитлеровцы упорствовали

---

³³ Дёрр Г. Поход на Сталинград. С. 46–48.

в проведении своего первоначального плана, развязка сталинградских событий наступила бы для них гораздо раньше.

Поясню эту мысль. Если бы противник в самом деле продолжал наносить удар, как он был первоначально нацелен, с юга на Красноармейск, Бекетовку, вдоль озера Сарпа с задачей выйти здесь, как и на севере, на Волгу, то он измотал бы силы своей ударной группировки на преодолении хорошо организованных узлов сопротивления, опорных пунктов, минных полей. Сила нашей обороны на этом участке, естественно, была бы эффективно использована и, несомненно, причинила бы громадный ущерб противнику.

Вместе с тем следует иметь в виду, что войска, оборонявшие этот участок (артиллерийско-пулеметные батальоны), были частями неманевренными. Находясь в обороне, они при отсутствии наступления противника на их участке в боевом отношении бездействовали. При новом немецком плане (по приказу Паулюса) роль их становилась пассивной. Ясно, что если бы противник наступал там, где мы подготовились к его отражению, он имел бы меньший успех, чем на участке, где его удар был если и не внезапным, в полном смысле слова, то, во всяком случае, упредившим наши контрмероприятия.

Вместе с тем новый план по приказу Паулюса сближал южную и северную ударные группировки, что не только улучшало взаимодействие, но и усиливало их ударную мощь. Образовался мощный маневренный танковый кулак.

Таким образом, сам по себе план, который, видимо, был результатом совместной работы генерала Паулюса и его начальника штаба генерала Шмидта (к обоим, кстати сказать, Дёрр не питает особой симпатии), не является таким плохим, как его хотели бы представить теперь некоторые буржуазные военные историки. Весьма характерно, что Дёрр в начале своих рассуждений о плане называет три причины провала наступления немцев на Сталинград: а) недостаток сил наступающих; б) выдающуюся храбрость и тактическое мастерство обороняющихся; в) ошибки в использовании сил 6-й армии, т. е. ошибки плана. В дальнейшем Дёрр сосредоточивает все свое внимание только на ошибках плана. Почему он делает это? Относительно недостатка сил наступающих он, по существу, ничего не может сказать, так как это явно вымышленная причина. На самом деле в это время превосходство наступавших было подавляющим, особенно на направлениях главных ударов. О второй причине Дёрр также по весьма понятным причинам не считает нужным распространяться. Зато он стремится «сокрушить» до основания план 6-й армии. Его не смущает при этом то обстоятельство, что, отыскав действительные ошибки и просчеты плана, он не заметил в нем того, что являлось положительным для гитлеровцев. У Дёрра получается даже, что одной из решающих причин неудач наступавших была преждевременная отдача приказа о наступлении на город, но это не более как стремление говорить парадоксами. Каждому ясно, что успеху вредит запоздалая постановка задач, а заблаговременная обычно содействует успеху. Постановка задачи на овладение городом в такой операции, как Сталинградская, в момент, когда войска находились от города на расстоянии 50–60 километров, вполне нормальна. Это обычная глубина задачи в подобной операции. Короче говоря, войскам была поставлена ближайшая задача – форсирование Дона – и последующая – овладение городом. Когда гитлеровцы вышли к Волге севернее Сталинграда, в районе Рынка, у них было время на отдачу новых приказов, поскольку сразу же стало ясно, что город с ходу взять не удастся. Такие приказы, конкретизирующие дальнейшие действия войск и предписывающие необходимые перегруппировки, конечно, отдавались неоднократно.

На всем этом приходится подробно останавливаться еще и потому, что у нас, к сожалению, до сих пор иногда принимают объективизм буржуазных военных писателей за действительную объективность. В этом отношении многих сбивает с толку так называемая «многосторонность» в оценке событий. Чего стоит эта пресловутая «многосторонность», отчетливо показывает приведенный пример. Подтасовка и передергивание фактов очевидны. Ошибки в плане 6-й армии были, и довольно существенные, но отнюдь не они сыграли главную роль в

поражении гитлеровцев под Сталинградом. Любому непредубежденному человеку ясно, что Сталинград не был взят благодаря непревзойденным моральным качествам советских воинов и всего советского народа, благодаря высокому искусству наших командных кадров, в конечном счете благодаря социалистической системе нашего государства. И никакими объективистскими хитросплетениями этого не опровергнешь.

Нельзя не подчеркнуть, что выполнение всякого боевого плана связано с проявлением инициативы и умением находить реальные пути и методы его осуществления в зависимости от обстановки, зачастую меняющейся, особенно в ходе практической реализации самого плана.

Военные планы (планы боевых действий) существенно отличаются от планов экономических. Если осуществление экономического плана в значительной степени связано с учетом объективного более или менее постоянного фактора (например, наличия необходимых запасов полезных ископаемых для создания нового промышленного района, наличия запасов гидроресурсов для электростанций и т. п.), то совсем по-другому выглядит «объект» в военном плане: это – противник; это, по существу, тоже «субъект», активно действующий, противопоставляющий нам свою волю, свои планы и расчеты. Учесть с самого начала, при составлении плана, силу сопротивления противника и возможные контрмероприятия не всегда, к сожалению, удается. При реализации оперативного и даже тактического плана, не говоря уже о стратегическом, обычно необходимо проявить максимум инициативы и боевого умения, большие способности быстро реагировать на контрмероприятия противника, вовремя меняя те или иные детали плана, чтобы добиться достижения его главной цели с наименьшей затратой сил.

В прошлом в нашей военно-исторической литературе имела хождение окостеневшая формулировка примерно такого содержания: «Гитлеровский авантюристический план был своевременно раскрыт и ему противопоставлен наш гениальный план». Далее обычно рассказывалось, что боевые события развивались успешно, все «шло как по маслу». При этом, дескать, противник стремился осуществить свой порочный план с невероятным упорством, а мы, действуя строго в соответствии с нашим планом, легко расправлялись с упрямым, но неумным врагом. Это вредная схема. Авантюризм гитлеровцев, как и других милитаристов прошлого и настоящего, заключается в том, что они не в состоянии оценить объективно наши силы, но это не значит, что в каждый ограниченный отрезок времени любой план противника заведомо порочен и авантюристичен в своей основе.

Признавая политический авантюризм милитаристов, нельзя, однако, считать, что все их планы не имеют под собой более или менее верного оперативного или тактического расчета. Приклеивание ярлыка авантюризма и порочности к любому военно-оперативному или тактическому плану противника усыпляет бдительность наших командных кадров, вызывает обывательскую самоуспокоенность и представление, что в силу своего авантюризма и порочности план противника провалится сам собой.

Говоря это, мы ни в коем случае не умаляем значения тактического, оперативного или стратегического планирования, а, напротив, стремимся подчеркнуть, насколько серьезными и важными являются вопросы планирования для успеха боя, операции, кампании, войны в целом. Лишь имея соответствующий обстановке план, можно противопоставить противнику свою волю, чтобы изменить обстановку в свою пользу, а не плестись в хвосте развивающихся боевых событий.

В этой связи следует еще раз подчеркнуть ложность и вред известной сентенции Мольтке: «Ни один оперативный план не остается в его первоначальной форме после первого столкновения собственных сил с главными силами противника. Только профан может думать о какой-то заранее намеченной и тщательно продуманной идее, последовательное осуществление которой якобы можно проследить в течение всего хода войны»³⁴.

---

³⁴ Мольтке. О стратегии.

Это положение, необходимо подчеркнуть, сейчас вновь вытащено на свет битыми гитлеровскими генералами, в частности Куртом Типпельскирхом в его статье «Оперативные решения командования в критические моменты на основных сухопутных театрах Второй мировой войны»³⁵.

В первом разделе своей статьи о молниеносных войнах Типпельскирх отмечает, что в силу огромного превосходства немцев и умелого использования ими новых в то время средств борьбы им удалось как бы опровергнуть этот «вечный принцип» ведения войны и добиться полного и точного осуществления всех своих планов; далее же он утверждает, что в период после 1941 года, когда силы сторон более или менее сравнялись, а противники фашистской Германии научились использовать новые виды оружия и техники, закон Мольтке опять восторжествовал и, так сказать, жестоко отплатил Гитлеру за то, что он пытался его игнорировать. Не будем здесь говорить о том, что Типпельскирх выступает как закоренелый метафизик и идеалист. Это и так ясно. Достаточно просто беглого взгляда на ход событий минувшей войны, чтобы понять, что эти теоретизирования не стоят выеденного яйца, так как в них Типпельскирх имеет в виду лишь немецко-фашистскую армию и совершенно не учитывает того, что относится к ее противникам.

В самом деле, для фашистской Германии после ее вероломного нападения на нашу страну наступили черные дни. Большая часть оперативных планов германского генерального штаба при столкновении немецко-фашистской армии с Советскими Вооруженными Силами оказались невыполнимыми, но это вовсе не потому, что таков вечный закон войны, а просто потому, что сами эти планы не учитывали реального положения вещей. Другое дело – планы советского командования, которые при проведении в жизнь хотя и подвергались коррективам, но в главном выполнялись, поскольку соотносились с реальным развитием событий на фронтах войны; нашу же ясную идею – полный разгром фашистского вермахта – без труда можно проследить в ходе всей Великой Отечественной войны.

Уже в день подписания Паулюсом приказа, о котором шла речь выше, т. е. 19 августа, при массовой поддержке авиации противник начал атаки, целью которых было форсирование Дона. Начался новый этап обороны города – бои на внешнем и среднем сталинградских обводах.

Вначале противник попытался форсировать Дон на участке Нижне-Акатов, Нижне-Герасимов, но успеха здесь не достиг. Передовые части гитлеровцев, переправившиеся на наш берег, были уничтожены. Тогда атаки были перенесены на участок Вертячий, Песковатка, где врагу удалось на узком участке фронта добиться огромного превосходства в силах; сосредоточенные здесь три пехотные дивизии наступали при поддержке всех огневых средств двух мотодивизий и одной танковой дивизии, подготовленных для развития удара на Сталинград; огнем из танковой и полевой артиллерии противник прикрывал участок для форсирования реки; на стороне переправлявшихся вражеских частей было тактическое преимущество местности – господствующий берег Дона.

Против превосходящих сил врага героически сражались 98-я стрелковая дивизия вначале под командованием полковника Иосифа Федоровича Барина, а затем полковника Ивана Федоровича Сергеева и три батальона 54-го укрепленного района (комендант полковник М.Т. Карначев), занимавшие оборону на широком фронте. 20 августа противнику удалось потеснить наши войска и захватить плацдарм на левом берегу (т. е. форсировать реку на отдельных участках). Почувствовав этот нажим, мы немедленно перебросили на помощь обороняющимся 87-ю стрелковую дивизию под командованием полковника Казарцева, два истребительно-противотанковых артиллерийских полка и другие части. Противник же продолжал сильное давление к к исходу 20 августа переправил две дивизии на левый берег. Несмотря на ожесточенные бои, которые вели наши войска с целью воспрепятствовать дальнейшему сосре-

---

³⁵ Итоги Второй мировой войны. Сб. статей. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 68–88.

доточению сил противника на левом берегу, в последующие дни переправились еще две дивизии. В составе переправившихся дивизий были одна пехотная, одна танковая и две моторизованные. Переброска войск через реку обеспечивалась шестью переправами.

Бои с 15 по 21 августа ясно показали намерения противника и раскрыли его оперативный план по захвату Сталинграда. Противник наносил удар на Сталинград с двух направлений и хотел путем концентрического удара с северо-запада 6-й армией Паулюса к с юго-запада 4-й танковой армией Гота овладеть городом. На главных направлениях этих ударов противник имел большое превосходство в силах и боевых средствах, тогда как наши части были очень малочисленны. Создалась очень тяжелая оперативная обстановка для сталинградской обороны.

Какое из направлений мы считали тогда наиболее опасным? Конечно, оба были опасными, но все же если бы противник сначала захватил южную часть Сталинграда со знаменитыми высотами, которые очень верно оценил генерал Дёрр, то нам весьма трудно было бы вести оборону Сталинграда. Мы своевременно раскрыли замысел врага, правильно оценили оперативное значение этих высот и приняли ряд дополнительных мер, чтобы не допустить противника в этот район.

После доклада начальника штаба Юго-Восточного фронта генерал-майора Г.Ф. Захарова и оценки обстановки, что делалось каждый день к исходу суток, утром 22 августа было отдано следующее распоряжение:

«1. Противник, понеся большие потери в предыдущих боях, подбросил свежие резервы – 24-ю танковую и 29-ю пехотную дивизии. Ударом в полосе между железной дорогой и озерами Сарпа, Цаца пытается разрушить нашу оборону и овладеть г. Сталинград с юга.

2. 64-й армии – прочно удерживать занимаемый рубеж. Уничтожить танки и группы пехоты противника, проникшие в район ст. Тингута и северо-восточнее, и продолжать истощать силы противника.

Создать промежуточный рубеж обороны по линии: высота с горизонталью 180 в 8 км южнее Зеты, Кош, 3 км северо-западнее разъезда «74 км», Кош – 4 км северо-западнее ст. Тингута, ферма № 2, совхоз им. Юркина (овцеводческий), высота 122.2, высота 115.8.

Рубеж занять: 154-й морской бригадой и двумя армейскими пулеметными батальонами, которые прикрывают армию с правого фланга в районе Ивановка и Гавриловка.

Танки 13-го танкового корпуса иметь закопанными на этом рубеже в направлении железной дороги в готовности для отражения танков противника с места и контрударами.

Винницкое пехотное училище подчинить себе, 133-ю танковую бригаду и 30-ю истребительную бригаду иметь на главном направлении в районе выс. 115.8, выс. 120.2, перехватывая направление на Ивановку. Усилить это направление двумя истребительно-противотанковыми артиллерийскими полками в готовности контратаковать на юг, юго-восток и юго-запад.

Разграничительная линия слева: Плодовитое, выс. 185.8, (иск.) Тундутово, (иск.) Старая Отрада.

3. 57-й армии уничтожить ворвавшуюся в полосу обороны группу танков и пехоты противника, не допустив ее выхода к обводу “К”.

Для создания большой прочности обороны в полосе армии к 3.00 23.8.42 провести следующие мероприятия:

а) Создать промежуточную полосу обороны с передним краем по линии балка Морозовская, северные скаты ее, Морозов, отметка 17.8, отметка 43.3, южная окраина Дубовый Овраг и в глубину до линии отметка 115.8; 187.4; 118, северо-восточная окраина Дубовый Овраг. Войска, занимающие эту высоту, усилить не менее чем одним истребительно-противотанковым артиллерийским полком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.